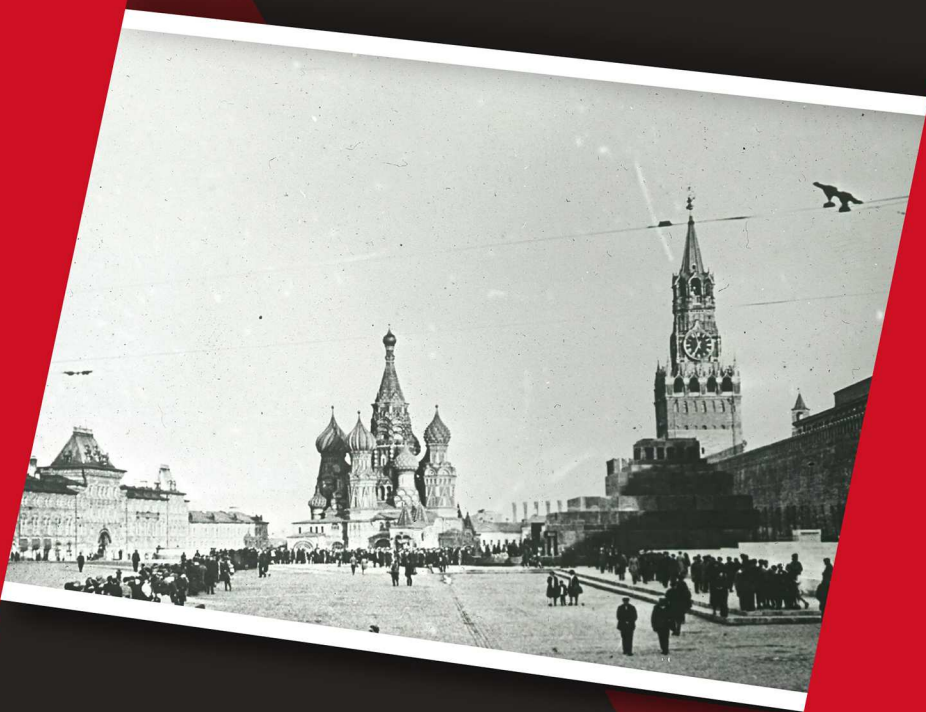

«ЕСЛИ МИР ОБРУШИТСЯ НА НАШУ РЕСПУБЛИКУ»: СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВНЕШНЯЯ УГРОЗА В 1922–1941 ГОДАХ

А. В. Голубев

Институт российской истории РАН

А. В. Голубев

**«ЕСЛИ МИР ОБРУШИТСЯ
НА НАШУ РЕСПУБЛИКУ»:
СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ВНЕШНЯЯ УГРОЗА
В 1922–1941 ГОДАХ**

Монография

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Москва
Берлин
2019

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)61-72
Г62

Рецензенты:

Д. и. н. Л. Н. Нежинский;

К. и. н. Б. А. Филиппов

Голубев, А. В.

Г62 «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах : монография / А. В. Голубев. — 2-е изд., исправ. и доп. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. — 289 с.

ISBN 978-5-4499-0261-0

Монография, написанная большей частью на основании впервые вводимых в научный оборот архивных источников, посвящена малоизученной теме — особенностям массового сознания советского общества в 20–30-е годы; сюжетам, связанным с «закрытостью» СССР; ожиданиями будущей войны; образам врага и союзника и т. п.

Работа может представлять интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся историей нашей страны.

Текст печатается в авторской редакции.

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)61-72

«Вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения»: Попытка введения

Представления об иных этносах, странах, культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов — от того, кто выступал их носителем («книжники», естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т. д.¹

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об **этнических стереотипах**, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп². Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т. д.

¹ О формировании подобных представлений в ходе российской истории см.: Борисов Ю. С., Голубев А. В., Сахаров А. Н. История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 21–37.

² Обзор литературы по данной проблеме см.: Зак Л. А. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

Столь же односторонним является и другое понятие — **внешнеполитические стереотипы**³, ибо в этом случае как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем, внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий этап в восприятии внешнего мира.

На определенной стадии этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются **инокультурными стереотипами**, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни.

Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые **образы**, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁴.

Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)⁵

В последнее время появилась и приобрела определенное признание концепция географических образов, сформулированная Д. Н. Замятиным: «Географические образы — это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-

³ Этот термин был предложен еще в 1960-е годы (наравне с «дипломатическими стереотипами»). См.: Зак Л. А. Указ. соч. С. 76–103. С середины 1990-х годов он широко включается в научный оборот. См., например: Голубев А. В. Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104–120; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века; и др.

⁴ О разнице между образами и стереотипами см.: Егорова Е., Плешаков К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12.

⁵ См.: Голубев А. В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

географически выделенными территориями»⁶. Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А. А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т. п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т. п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁷.

Столь расширительное толкование «географических образов» трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т. д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

Говоря о формировании инокультурных стереотипов как коллективных представлений, необходимо подчеркнуть одну особенность этого процесса. Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности получать информацию и желания получать информацию. Очевидно, что их наличие не всегда совпадает, и человек, по своему статусу имеющий доступ к информации, скажем, о внешнем мире, может совсем не использовать свои возможности. С другой стороны, человек обладающий навыками аналитического мышления, в современном обществе может при желании извлекать достаточную информацию из самых разнообразных, иногда случайных и поверхностных, источников.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформы политического строя, возрастания социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, роста образования включает в себя также необратимые

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

⁷ Василенко А. А. Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в. Автореф. канд. дисс. Омск, 2007. С. 18.

изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. Именно с этой точки зрения попытаемся проследить динамику восприятия Запада как одновременно эталонного и альтернативного культурно-исторического типа массовым сознанием советского общества.

В начале XX века в российском обществе происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, образ немца, англичанина, поляка в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Внешнеполитические стереотипы имели важное отличие: они обладали относительно большей гибкостью, так как зависели от конкретной международной ситуации и в значительной степени формировались официальной пропагандой. Вместе с тем важно уточнить, что далеко не все изменения международного контекста и далеко не все зигзаги пропаганды оказывали воздействие на массовое сознание; в случаях же, когда подобное воздействие фиксируется источниками, оно нередко приводит к самым неожиданным последствиям.

Подобные представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода. Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»⁸. В годы войны, как вспоминал

⁸ Цит. по: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 — март 1918 г.) Екатеринбург, 2000. С. 110.

впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие).

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников⁹) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно фиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения¹⁰.

Вспоминая в феврале 1925 г. динамику массовых настроений времен мировой войны, М. М. Пришвин записал в дневнике: «История осознания простолюдином войны и революции как эволюция представления о враге:

1) Немец — враг (отечество).

2) Немец превращается во внутреннего немца: душат шпионов.

3) Внутренний немец — помещик (Вильгельм прилетел на аэроплане к такому-то помещику и забрал планы).

4) Внутренний немец продал Москву и Петроград (письмо с фронта).

5) Внутренний немец — буржуазия (начало революции).

6) В поисках внутреннего немца (врага) дошли до середняка...»¹¹.

⁹ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; Россия и Запад... С. 235–274. Об «образе союзника» см.: Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355; Россия и Запад... С. 275–290; Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Поршнева О. С. Указ. соч.; Россия и Запад... С. 53–67.

¹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 227.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям — свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне. И Пришвин пишет: «После этого центральная власть окончательно утвердилась и, прибрав всех к рукам, начала все сначала: внутренний немец опять вывернулся вовне и стал всемирной буржуазией. Началась война против всего света: значит, предмет опять исчез...»¹²

Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930–50-е годы. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую поддержку. Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался¹³.

В качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, сталинский режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации (хотя сам термин и не употреблялся), ведущая к превращению России в индустриальное общество. процесс модернизации сам по

¹² Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 225.

¹³ Подробнее см.: Голубев А. В. Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 187–204; Он же. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 7–33.

себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и так далее).

Порой ощущение этой взаимосвязи принимало анекдотические формы. Так, в мае 1924 г. М. М. Пришвин записал в дневнике: «Отставка Пуанкаре¹⁴. Мне отказали в издании книжки, мотивируя тем, что в переживаемый момент приходится отказаться от беллетристики. Дня через два я встречаю Тальникова, и он мне говорит, что, по всей вероятности, книжку мою издадут: передумали. А на мой вопрос, почему такая перемена, Тальников ответил, что за эти дни неожиданно слетел Пуанкаре, от этого наши повеселели и решили пока что... издавать беллетристику.

¹⁴ Пуанкаре Раймон (1860–1934), президент Франции в 1913 — январе 1920 г., премьер-министр в 1912 — январе 1913, 1922–1924 и 1926–1929 гг., неоднократно занимал пост министра. Проводил милитаристскую политику (прозвище «Пуанкаре-война»), один из организаторов интервенции в период Гражданской войны в Советскую Россию.

— А вот если, — сказал Тальников, — там выберут Эрио¹⁵, то и совсем будет хорошо, я вам советую подготовить книгу рассказов в духе вашего последнего. На случай, если выберут Эрио.

Когда я приехал в провинцию, торговец Елизаров стал меня расспрашивать о новостях, выпытывая узнать, кто теперь руководит политикой и какие надо ему иметь виды на будущее в своем торговом деле, я ему ответил, что его будущее зависит от Эрио... Он вытаращил глаза»¹⁶.

Удивление торговца понятно; но даже из приведенного отрывка видно, что постепенно, порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, переставало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Своеобразной иллюстрацией этого может служить письмо активиста А. И. Вашкурцева в «Крестьянскую газету» (февраль 1927 г.), где он предлагает на партсобраниях в деревне на первое место ставить не вопросы международного положения, а местные, «не то что каких-то Макдональдов да У Пей Фу, которых ему и не выговорить». Словом, сначала о деле, а потом можно и о Чемберлене... И тут же — подборка писем селькоров с общим красноречивым названием «Довольно рады мужики занятию Шанхая»¹⁷.

Очевидно, что речь идет не об этнических, а именно о внешнеполитических стереотипах, которые доминировали в общественном сознании в 1920–1950-е годы.

Мир представал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне осво-

¹⁵ Правильно — Эррио. Эррио Эдуар (1872–1957), лидер французский партии радикалов. С 1916 г. неоднократно занимал пост министра. Премьер-министр в 1924–1925, 1926, 1932 гг. Правительство Эррио установило дипломатические отношения (1924) и подписало договор о ненападении (1932) с СССР. В 1947–1954 гг. председатель Национального собрания, в 1905–1955 гг. (с перерывом) мэр Лиона.

¹⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Кн. 4. М., 1999. С. 118.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 24, 43.

бождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании, внешний мир, Запад в первую очередь, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники, однако та же историческая логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий сущностной характеристикой советской политической культуры¹⁸.

Реальная идеологическая конфронтация с Западом накладывалась на механизмы массового сознания. Кризис патриархальной культуры, как бы он не был объективно обусловлен, означал стрессовое состояние для миллионов людей, которые, даже если не говорить о социально-политических потрясениях, революции, мировой и гражданской войне, вольно или невольно разорвали с привычной им социокультурной ситуацией. Весь традиционный опыт оказался перечеркнутым, но одновременно стрессовая ситуация вызывала к жизни самые архаические стереотипы (в смягченном виде эта ситуация была воспроизведена и в 1990-е годы, о чем речь пойдет ниже).

В результате Запад постепенно вновь обретает свою устойчивую характеристику внешней, «темной» зоны, расположенной за пределами непосредственно освоенной территории, зоны опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные человеку.

Не случайно образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держаться

¹⁸ См. об этом: Голубев А. В., Яковенко И. Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119–135.

границу на замке» — не только для «входа», но и для «выхода». И все же сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных, миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А. С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»¹⁹.

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Пресса 1920-х — начала 30-х годов постоянно воспроизводила примеры лучшей организации промышленности или сельского хозяйства в развитых капиталистических странах. Однако в массовом сознании подобная агитация имела порой неожиданный эффект. Так, после публикации в «Известиях» цикла статей о крестьянском хозяйстве в Дании, группа зажиточных сибирских крестьян решила незамедлительно переселиться в эту страну. После появления в «Правде» статьи В. В. Осинского «Об американском автомобиле и русской телеге», как сообщалось из Сибири, во время коллективной читки у слушателей статьи «раздался глубокий вздох, обозначающий то, что вот есть же действительно такая счастливая и богатая страна... и за ним последовали новые вопросы и рассуждения о том, где эта самая счастливая страна находится, что за народ в ней живет и нельзя ли туда переехать на жительство сибирским мужикам?...» Что же касается основной мысли данной статьи о необходимости широко внедрять технику, в частности тракторы и автомобили, в российское сельское хозяйство, то она показалась слушателям «и не серьезной, и не требующей обсуждения»²⁰.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х годов явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутривнутриполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада в целом — в соответствии с мифологией официальной — рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представлял в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 367–368.

В условиях экономического кризиса 1929–1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств.

«Если охарактеризовать в двух словах истекший период, его можно было бы назвать периодом переломным. Он был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического подъема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку» — заявил И. В. Сталин на XVI съезде²¹. Четыре года спустя, на XVII съезде, он высказался еще более определенно: «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства»²².

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение «относительное») и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, со временем заменив собой идею «мировой революции».

В пропаганде утверждалось мало соответствующее реальности представление о том, что СССР является одним из основных мировых «центров притяжения». Англия и Америка, как говорил И. В. Сталин еще на XIV съезде в 1925 г., выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, а СССР — для рабочих Запада и революционеров Востока²³. Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-е годы даже в европейских делах западные

²¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 235.

²² Там же. Т. 13. С. 283

²³ Там же. Т. 7. С. 282.

страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были уменьшаться. Несомненно существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений. Как писали «Известия» 29 июля 1931 г., СССР благодаря его размерам, социальной структуре и уровню развития являлся могущественной силой на мировой арене. «Советский Союз превратился в могучую социалистическую державу, оказывающую огромное воздействие на весь ход международного развития» — утверждалось в брошюре, изданной Наркоматом обороны и предназначенной для системы марксистско-ленинской учебы командного состава²⁴.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехах в области культуры вообще, и политической культуры в частности. Постепенно, особенно среди молодежи, сформировалось представление о том, что учиться у Запада уже нечему.

К концу 30-х годов стереотипы массового сознания в основном были сформированы именно официальной пропагандой. Это не означает, что они механически повторяли ее; зависимость на самом деле была гораздо более сложной. Пропаганда служила *основным материалом* для формирования стереотипов, которые порой упрощали ее до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного», например: «положение безработного очень тяжелое, за несчастным супом стоят огромные очереди, а мы полностью снабжаем рабочий класс, что ему необходимо, но мы очень хорошо не можем снабжать, так как мы жертвуем в пользу социалистического строительства» — говорили на занятиях пропагандисты. А в ответ раздавались реплики: «Вы сравниваете

²⁴ Айрапетян М. Е. Этапы внешней политики СССР. (1917–1941). М., 1941. С. 93.

столь тяжелую жизнь в капиталистических странах, но это не так, ибо приезжие безработные из Америки лучше выглядят наших рабочих»²⁵. Характерно, что говорящие это не встречали, да и не могли встретить приехавших из Америки безработных.

Запад в целом, как подчеркивает культуролог И. Г. Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»²⁶. Вместе с тем он никогда не был абсолютно однородным; напротив, среди западных стран, как в пропаганде, так и в массовом сознании, всегда выделялась страна, представляющая собой основную угрозу для СССР.

На протяжении большей части межвоенного периода это почетное звание сохраняла за собой Великобритания²⁷. В беседе с королем Афганистана Аманулла-ханом в мае 1928 г. нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин так оценил ее восприятие в советском обществе: «У нас в самых широких слоях населения чувства к Англии абсолютно не нежные, ибо с самого начала нашего существования Англия на всех фронтах, повсюду создавала нам затруднения, играла главную роль в интервенции и теперь пытается прижать нас к стене... Не Англия имеет основания опасаться нашего нападения, но мы имеем основания опасаться нападения Англии. Готовит ли Англия сама войну против нас, мы увидим позже. Англия всегда стремилась толкать других вместо себя на военные действия. Она может толкнуть против нас Польшу»²⁸.

В начале 1930-х годов в качестве главного врага выступала, хоть и недолго, Франция. В брошюре о международном положении, вышедшей в 1931 г., ей был посвящен отдельный раздел с красноречивым названием «Франция — во главе наших врагов», в котором, в частности, подчеркивалось: «Главную, ведущую роль в подготовке интервенции против СССР играет

²⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 9; Д. 23. Л. 101.

²⁶ Россия и Запад... С. 302.

²⁷ См.: Голубев А. В. Великобритания в сознании советского общества на рубеже 1920–30-х годов // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 43–44; Он же. «Наш злоеший враг»: Британия в сознании советского общества 20–30-х гг. // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории. Орел, 2000. С. 68–70.

²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1965. С. 303.

Франция... Растущая мощь Германии и Италии, открытые уже заявления о необходимости пересмотра версальского договора заставляют Францию торопиться с подготовкой войны против СССР»²⁹.

С 1933 г. роль главного врага постепенно переходит к гитлеровской Германии. Однако после подписания пакта Молотова-Риббентропа и начала второй мировой войны, по крайней мере, на политическом и пропагандистском уровне, на первой место вновь выдвигается Великобритания (массовое сознание, впрочем, воспринимало это с большим трудом³⁰). В директиве Исполкома Коминтерна руководству английской компартии в сентябре 1939 г. прямо говорилось: «Не фашистская Германия, пошедшая на соглашение с СССР, является опорой капитализма, а реакционная антисоветская Англия с ее огромной колониальной империей»³¹.

За годы Германии прочно закрепила за собой первое место в списке врагов. И после войны, когда в официальной пропаганде это место прочно заняли Соединенные Штаты Америки, военный опыт по-прежнему многое определял в сознании советского общества³².

* * *

Предметом исследования в данной монографии являются представления о войне, потенциальных врагах и союзниках, формировавшиеся в советском обществе в 20–30-е годы.

Что касается советской пропаганды на тему грядущей войны, эта тема будет затрагиваться лишь вскользь, так как в последние годы вышел целый ряд обобщающих работ³³ и отдельных статей³⁴, посвященных этим сюжетам.

²⁹ Международное положение и угроза новой войны. Ростов н/Д., 1931. С. 12.

³⁰ Подробнее см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...»

³¹ Цит. по: Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 22.

³² О формировании «образа врага» в послевоенную эпоху см.: Фатеев А. П. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.

³³ Неvejeин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; Он же. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007; Россия и Запад... С. 69–120.

³⁴ Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–46; Комков Г. Д. Патриотическое

Вместе с тем, представления о будущей войне, бытовавшие в массовом сознании, почти не являлись предметом научного исследования³⁵. В общих работах, посвященных изучению массового сознания 1930-х годов, тема будущей войны либо полностью отсутствует³⁶, либо только слегка затрагивается³⁷. Правда, в последние годы опубликован ряд статей, принадлежащих автору данной монографии³⁸.

воспитание советских людей в предвоенные годы (1938 — июнь 1941) // История СССР. 1980. № 3. С. 3–18; Он же. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 36–61; Кузнецова М. В. Если завтра война: оборонные фильмы 1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2. С. 17–26; Кулешова Н. Ю. «Не нынче — завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 247–267; Она же. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Она же. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 194–215; Неужин В. А. Размышления писателя о грядущей войне // Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. С. 270–293; и др.

³⁵ Исключением являются несколько статей, посвященных «военной тревоге» 1927 г. (см. главу 2), где тема массового сознания, впрочем, рассматривается в качестве второстепенной, а также две работы М. М. Кудюкиной: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (ХУП–ХХ в.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 277–284; Она же. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 153–174; а также тезисы О. А. Гайлит: Гайлит О. А. Предчувствие войны в деревенских слухах 1930-х годов // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2005. С. 151–152.

³⁶ Шинкарчук С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995.

³⁷ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997.

³⁸ См.: Голубев А. В. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Выпуск 2. М. 2000. С. 286–323; Он же. «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны. М.: Арзамас, 2000. С. 40–56; Он же. Угроза войны в массовом сознании советского общества 1920–30-х гг. // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 403–410; Он же. «Все капиталистические страны соединились против большевиков...» Российская провинция и представления о военной угрозе в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX в.) Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 284–290; Он же. Война и мир как фактор городской повседневности 1920-х годов // Город как феномен культуры. Ч. 2. Челябинск, 2006.

В монографию О. В. Дружбы вошел специальный параграф «Картина будущей войны в общественном сознании 30-х годов»³⁹. Однако как раз общественное сознание охарактеризовано там лишь в самом общем виде, к тому же достаточно односторонне. Большую часть параграфа занимают высказывания Сталина на тему о будущей войне, цитаты из советской прессы, характеристика книг и кинофильмов о будущей войне и т. п. Что касается представлений о войне, бытовавших среди населения, они, во-первых, проанализированы лишь применительно к предвоенным годам, и, во-вторых, анализ этот основан на нескольких мемуарах, дающих, однако, не совсем адекватную картину этих самых представлений.

В настоящей работе автор сознательно отказался от опоры на мемуары, используя их лишь в качестве отдельных иллюстраций. Как по цензурным соображениям (это относится прежде всего к мемуарам, выходявшим в советское время, но не только), так и по причине естественной аберрации памяти, все они написаны с учетом понимания того, что происходило позднее⁴⁰. Классическим примером может служить цитата А. И. Шахурина: «К тому времени, когда меня назначили наркомом (1940 г.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого из воспоминаний наркома авиационной промышленности противника. Это могла быть только гитлеровская Германия»⁴¹. На самом деле в те годы не только в массовом сознании, но и среди военной и политической элиты, как будет показано ниже, существовали самые различные представления и об угрозе войны, и о предполагаемом противнике.

С. 300–306; Он же. «Если весь мир обрушится на нашу Республику»: призраки войны в советском обществе 1920–30-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 111–124.

³⁹ Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д., 2000. С. 7–19.

⁴⁰ Интересен отзыв о мемуарах известного ученого, принадлежащий одному из его учеников: «В первых воспоминаниях он был как бы пролетарий, во второй редакции он был из купцов, золотошвеев, в третьей книге он вдруг стал старообрядцем, а в последней оказался уже крайне богомольным и набожным человеком». Цит. по: Известия — Неделя. 2006. 29 декабря. С. 29.

⁴¹ Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1984. С. 42.

В российской историографии прочно утвердилось мнение, что в сталинскую эпоху лишь немногие вели дневники, поскольку в период Большого террора, да и не только тогда, подобного рода записи могли осложнить положение их автора, если он оказывался под следствием. При этом были известны преимущественно дневники представителей творческой интеллигенции, которые обычно подвергали свои тексты, даже не предназначавшиеся для публикации, жёсткой самоцензуре. Как любое общее положение, в целом верное, данное представление требует вместе с тем ряда оговорок. Прежде всего, неизвестно реальное количество советских граждан, которые вели дневники, пусть и по разным причинам не дошедшие до нас, и какой их процент можно считать высоким, а какой — низким. Во-вторых, мы можем примерно оценить численность дневников, отложившихся в крупнейших архивохранилищах, таких как РГАЛИ, рукописные отделы РГБ и РНБ или, например, «Народный архив». Их действительно немного. Но кто скажет, сколько дневников хранится в местных или ведомственных архивах, в следственных делах НКВД или просто в семьях их авторов? Наконец, в последние годы в научный оборот полностью или частично вошли десятки дневников, которые вели колхозники и школьники, мелкие служащие и учителя, представители интеллектуальной и политической элиты. Причём некоторые из них охватывают большой временной период, содержат довольно обширную информацию и практически свободны от самоцензуры. Яркие тому примеры — многотомные дневники академика В. И. Вернадского, М. М. Пришвина и дневник Л. В. Шапориной.

По сравнению с воспоминаниями, дневники имеют то преимущество, что в них запечатлена сиюминутная ситуация, причём именно так, как её в данный момент воспринимает автор. Помимо своих собственных впечатлений и размышлений, он фиксирует мелочи быта, высказывания друзей и знакомых, своё отношение к тем или иным значимым событиям. Всё это достаточно редко отражается в других видах источников, за исключением, пожалуй, частных писем, но там подобные сюжеты гораздо более фрагментарны, да и частных писем, не считая «писем во власть», также сохранилось немного. И потому, когда были опубликованы дневники К. И. Чуковского,

И. И. Шитца, Вернадского, особенно Шапориной, у некоторых исследователей появилось искушение — поверить, что именно здесь, в этих достаточно искренних и, как правило, критических высказываниях и заключается подлинная правда о мыслях советских людей и настроениях советского общества.

В своё время такую же реакцию вызвала публикация информационных сводок НКВД — их сперва тоже объявляли единственно верным отражением ситуации в стране. Но постепенно возобладало более взвешенное отношение к этим материалам, которые имели свою специфику и при всём богатстве содержащихся в них сведений являются лишь одним, важным, но никак не заменяющим другие, источником по истории советского времени.

Изучая дневник, даже самый откровенный, автор которого пытается с максимальной объективностью фиксировать всё происходящее вокруг, необходимо помнить, что мы имеем дело лишь с отдельным фрагментом огромной мозаики. Но это вовсе не означает, что каждый конкретный дневник не заслуживает самого пристального и разностороннего изучения.

Данная монография основана в первую очередь на секретных информационных материалах 1920–30-х годов, которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию (иногда в масштабе одного-двух дней, иногда недели, декады, месяца или нескольких месяцев) и не предназначались для широкого использования.

Система «обратной связи», старательно создававшаяся большевиками, заслуживает отдельного рассмотрения. Она была достаточно многоканальной. Совершенствовалась и расширялась унаследованная от старого режима система перлюстрации, причем полученные с ее помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны — подобная практика была заведена еще В. И. Лениным. Если в 1918–1920 годах цензоры выписывали лишь по несколько наиболее характерных фраз, то в 1924–1925 годах, отмечает современный исследователь, «письма копировались достаточно подробно: переписывалось все, что представляло интерес для информации о политических настроениях населения. Амплитуда выписок была широкой: условия повседневной жизни, обстановка в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, деревнях и воинских частях, сообщения о происше-

ствиях и преступлениях, отношении к властям и их деятельности, суждения об образовании, культуре, религии и политике. Советская власть очень хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства народных масс, не ограничиваясь тем, что высказывалось на собраниях, и материалами официальной печати»⁴².

Подготовкой материалов, отражающих общественные настроения, занимался созданный в 1921 г. Информационный отдел ОГПУ; впрочем, материалы для него представляли и другие отделы, например особый, секретный, контрразведывательный, восточный и др. (в 1931 г. информационный отдел вошел в состав секретно-политического отдела). В годы войны его функции выполняло Третье управление НКВД СССР.

Существовал весьма многочисленный аппарат осведомителей. Были созданы «в каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в вуз и там, где это представляется возможным» бюро содействия ГПУ, члены которых должны были систематически собирать информацию о всякого рода явлениях антисоветского характера, периодически представлять в ГПУ сводки о политическом состоянии личного состава учреждения или предприятия и т. д.⁴³

В дневнике одного из бывших осведомителей НКВД, сохранившемся в «Народном архиве», есть такая запись за 1934 год: «Вчера был в НКВД... 3 основные установки в моей работе. О настроениях масс по поводу революционного движения

⁴² Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33. Особый размах система перлюстрации получила в годы войны — так, только за ноябрь 1941 г. военная цензура проверила 5132374 письма (то есть 100% всех писем), причем было конфисковано 6912 писем (0,13%), частично вычеркнут текст в 56808 письмах (1,1%). См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 158, 165.

⁴³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и инструкция о создании и функциях «Бюро содействия» впервые частично были опубликованы С. А. Красильниковым. См.: Красильников С. А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922–1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 — конец 1930-х гг.) Новосибирск, 1995. С. 53. Полный текст см.: В. И. Ленин: «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист» // Источник. 1996. № 1. С. 115–119; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 24–27.

в Испании. Октябрьские торжества и разговоры. Не подготавливается ли покушение на Сталина...»⁴⁴.

Количество осведомителей, завербованных органами ОГПУ-НКВД в 20–30-е годы неизвестно до сих пор. Существуют различные, как правило, преувеличенные оценки относительно масштабов агентурной сети. Однако соответствующие документы остаются под грифом «секретно»; более того, у части публикаторов есть тенденция даже упоминания о существовании агентуры (например, в информационных сводках) рассматривать как «раскрытие методов оперативной работы» и вычеркивать из документов. Впрочем, некоторое представление о масштабах агентурной сети могут дать отрывочные свидетельства: так, осенью 1941 г. часть агентурной московской сети была переведена на нелегальное положение на случай занятия города и области немцами. Эта часть составила по Москве 553 чел., по области 123 чел., всего 676 чел. По свидетельству Н. А. Ломагина, в годы войны в действующей армии численность осведомителей особых отделов составляла примерно 3% личного состава (в частности, в войсках Ленинградского фронта это составляло около 15 тыс. человек)⁴⁵.

Что касается «объектов» внимания, дело обстоит следующим образом. В годы нэпа председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский предлагал, в частности, следующее: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы, 2) публицисты и политики; 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т. д.); 4) техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т. д.); 5) профессора и преподаватели и т. д. и т. п. Сведения должны собираться нашими отделами в отдел по интеллигенции. **На каждого интеллигента должно быть заведено дело** [курсив мой. — А. Г.] Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом. Сведения должны проверяться с разных сторон, так, чтобы наше заключение было безошибочным».

⁴⁴ Цит. по: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 232.

⁴⁵ См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х кн. СПб.; М., 2002. Кн. 1. С. 169.

бочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения»⁴⁶.

Сведения о настроениях интеллигенции время от времени попадали в качестве отдельного раздела в информационные сводки ОГПУ. Но, несмотря на указания Дзержинского, на практике особой важности настроениям этой «прослойки», как правило, не придавалось: так, в информационном сообщении ОГПУ по Уралу за июнь — август 1927 г. подчеркивалось: «О настроении интеллигенции как по отношению к войне, так и внутривластному положению никаких материалов не имеется. В этом отношении надо сказать, что учета настроений этой социальной группы не велось и не ведется в настоящий момент»⁴⁷. В апреле 1924 г. Секретариат ЦК утвердил временное положение об информотделе, который состоял из подразделов: разработки местной информации; центральной информации; общего. Главная задача: «вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения партии, рабочего класса и крестьянства». Бросается в глаза, что интеллигенция в этом перечне отсутствует.

Гораздо более подробно освещались настроения рабочих и крестьян⁴⁸.

Как замечает по поводу подобных сводок современный исследователь, «относительность достоверности видится в тройной степени погрешности, присущим любым агентурным документам: во-первых, многое зависит от политических позиций, симпатий источника информации, во-вторых — от личности готовящего сводку или донесение, в-третьих, как известно,

⁴⁶ Цит. по: Платова Е. Э. Студенчество России в переходную эпоху. СПб., 2001. С. 134.

⁴⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. 1927. Д. 32. Л. 41.

⁴⁸ В последние годы появился ряд фундаментальных публикаций, в которые вошли подобные документы. См., в частности: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4 тт. Т. 1–2. М., 1998–2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. Т. 1–5. М., 1999–2004; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 1–7. М., 2001–2002; и др. Источниковедческую характеристику подобных сводок см.: Борисова Л. В., Виноградов В. К., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918–1922 гг. как исторический источник // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... М., 1998. Т. 1. С. 23–53.

люди не всегда говорят вслух то, что думают на самом деле (как, впрочем, не всегда думают и о том, что и кому говорят). Вместе с тем отмеченные погрешности в большей мере влияют на персональные оценки и характеристики, единичные высказывания и отдельные факты. Для обобщений, выявления основных тенденций общественных настроений они не имеют решающего значения, поскольку в достаточной мере сглаживаются, нивелируются»⁴⁹. При этом необходимо помнить, что в сводки, которые отправлялись «наверх», попадали, как правило, типичные, характерные высказывания, многократно встречавшиеся в донесениях агентуры, в материалах цензуры и т. д.⁵⁰

Постепенно, по мере укрепления советской власти, обостренный интерес к настроениям масс немного притупился, и, в отличие от 1920-х годов, когда для советского политического руководства готовились ежедневные или еженедельные сводки о настроениях на уровне губерний, а также объемные сводки «О политическом состоянии и экономическом расстройстве деревни», о низовом советском аппарате, ежемесячные обзоры политико-экономического состояния СССР в масштабах всей страны, с середины 30-х годов их заменили спецсводки или спецсообщения, обычно готовящиеся по какому-либо случаю. Их, в частности, составляли по откликам на важнейшие выступления И. В. Сталина, события на фронте, международные события, например, подписание договоров, и т. д. Сводки составлялись по традиционной схеме — в начале делался почти обязательный вывод о массовой поддержке того или иного решения, выступления и т. п., затем приводились примеры, это подтверждающие, и лишь затем — примеры «негативных», «антисоветских» и т. п. высказываний (с указанием фамилии, часто — места работы, и, как правило, пометкой — «арестован» или «ведется следствие»).

Помимо органов безопасности, вторым важнейшим каналом получения информации о настроении общества служили сводки и обзоры, подготовленные партийными органами.

⁴⁹ Рожков А. Ю. Первая смерть вождя. Болезнь и кончина В. И. Ленина в общественном восприятии // Россия XXI. 1995. № 5–6. С. 131.

⁵⁰ Подробнее см.: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х книгах. Кн. 1. СПб., М., 2002. С. 197–198.

В ЦК ВКП(б) существовал информационный отдел, созданный по решению VIII съезда РКП(б) в апреле 1919 г. для сбора и анализа информации, поступавшей от местных парторганизаций. Чуть позже, в сентябре 1919 г. был создан отдел особой информации Совнаркома, ВЦИК и ЦК РКП при РОСТА, который собирал сведения об отношении населения к Советской власти, используя, помимо РОСТА, материалы ВЧК и др. В конце 1920 г. он был преобразован в информационный подотдел Организационно-инструкторского отдела. Информационный отдел был воссоздан постановлением XIII партконференции (январь 1924 г.) в апреле 1924 г. в период борьбы с «новым курсом» Л. Д. Троцкого для лучшей постановки «информации о деятельности ЦК и внутривнутрипартийной жизни вообще»⁵¹. В конце 1920-х гг. в Информотделе ЦК имелись группы: промышленная, деревенская, национальная, территориальная, а также группа разработок, предлагавшая новые темы сборы материалов и схемы отчетности⁵².

В эти структуры поступали материалы обкомов и крупнейших горкомов в виде сводок об отношении коммунистов и населения в целом к тем или иным кампаниям, изменениям в политике и т. п. Иногда практиковались и опросы по телефону, которые также оформлялись в виде итоговой сводки.

Обкомы и горкомы получали материалы из райкомов партии, которые имели своих информаторов. В этой роли, в первых, выступали секретари первичных парторганизаций, а, во-вторых, так называемые нештатные информаторы, которые работали «на общественных началах». Иногда они работали в контакте с первичными организациями, но предпочитали информировать горком или райком напрямую, минуя парторганизации. На крупном предприятии таких информаторов могло быть несколько; причем они как правило представляли не только сведения о деятельности парторганизаций, но высказывания, услышанные в частных разговорах, слухи и толки (подобные случаи, как правило, оговаривались). В ряде случаев партийными информаторами выступали сотрудники спецотделов, а иногда, как можно предположить, и нештатные сотрудники органов безопасности.

⁵¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 159.

⁵² См.: Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб., 1995. С. 86, 90.

Кроме того, обзоры и сводки о настроениях готовило Главное политическое управление РККА и ВМФ, а также органы ВЛКСМ, ВЦСПС, государственные органы, в частности, прокуратура, и так далее. Аппарат Верховного Совета СССР, в том числе секретариат председателя Президиума Верховного Совета М. И. Калинина составлял обзоры поступивших жалоб.

Важным, а главное, практически не искаженным источником являлись письма, направленные в ЦК партии. Необходимо, однако, отметить, что такие письма (если речь не шла о конкретных жалобах) отправляла как правило наиболее социально и политически активная часть общества, причем настроенная достаточно лояльно. В меньшей степени все вышеперечисленные каналы информации позволяли проследить за настроениями «молчаливого большинства»; тем не менее, определенные возможности для этого существовали.

Главным недостатком почти всех подобных информационных материалов является отсутствие каких бы то ни было статистических данных (исключение — материалы перлюстрации). Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, давая тем самым довольно объективную, а главное, динамичную картину, в том числе, и по вопросам внешней политики, в СССР подобных институтов не было.

Тем не менее, в 1920-е годы нередко проводились социологические обследования разного рода. Так, в 1927 в связи с 10-летием Октября Институтом методов школьной работы было проведено обследование идеологии современного школьника. Опросом было охвачено 120 тыс. человек, всего проанализировано более полутора млн высказываний. Другими словами, мы имеем достаточно репрезентативную картину настроений **нового поколения**, которое в скором времени будет определять историю страны⁵³.

Подводя итог, можно сказать, что, как правило, советские информационные материалы все же не позволяли представить удельный вес тех или иных настроений в обществе. Составите-

⁵³ Козлов В. А., Семенова Е. А. Социология детства (обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 47–48. Результаты этого обследования проанализированы во 2 главе.

ли сводок обычно подчеркивали массовость, или, напротив, единичность, подобных настроений, однако подобные оценки субъективны, ничем не подтверждены, и в результате порой вызывают сомнения. Однако очевидно, что советское политическое руководство имело в целом достаточно полную и адекватную картину *спектра настроений* в обществе; при этом важнейшим условием достоверности информации являлся ее комплексный характер — перепроверка данных одних материалов другими. Время от времени информационные материалы сигнализировали о проблемах, появление которых не предвиделось и не осознавалось наверху. Контроль над общественным мнением позволял более эффективно влиять на него. Кроме того, система сбора информации способствовала контролю над всеми уровнями и разновидностями властных структур.

* * *

Пользуюсь случаем вспомнить добрым словом своих покойных учителей В. Г. Трухановского, Ю. С. Борисова, З. П. Яхимович и других, ныне здравствующих; поблагодарить друзей и сотрудников из Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, а также коллег из ИРИ, научных институтов и университетов Москвы, других российских городов за поддержку и добрые советы при написании этой работы. Большое спасибо и работникам московских архивов, а также архивов Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Омска, Челябинска и др. за их всегда доброжелательное отношение. И, конечно, особое спасибо моей жене за ее помощь, поддержку и терпение.

Глава 1. «Окно в мир можно закрыть газетой»: Каналы получения информации о внешнем мире

В данной главе мы рассмотрим, по каким каналам проникала в советское общество информация о внешнем мире. Очевидно, что речь должна идти и об обмене информацией как таковой, и о личных контактах⁵⁴.

В публикациях последних лет советское общество, особенно применительно к периоду 1930–1950-х гг., часто определяется как «закрытое»⁵⁵. Одни авторы формулируют это достаточно безапелляционно. «Информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа... С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР», — утверждает, например, И. В. Павлова⁵⁶. Другие подчеркивают, что «административно-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»⁵⁷. Третьи отмечают лишь создание предпосылок «закрытого общества»⁵⁸. Но одновременно само применение данного термина вызывает у части исследователей советского общества явное отторжение.

⁵⁴ Рассматривая процесс проникновения информации как вариант взаимодействия культур, А. Ю. Саран в качестве областей такого взаимодействия выделяет «обмен идеями; обмен материальными предметами и технологиями; перемещения людей, представляющих разные культуры, в ареалы иной культуры». См.: Саран А. Ю. Государственные и общественные институты как каналы взаимодействия культур на рубеже 1920–30-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 267. Для нашего анализа, однако, нет необходимости разграничивать сферы обмена идеями и сферу обмена технологиями и/или материальными предметами. Ясно, что речь в обоих случаях идет прежде всего об обмене информацией.

⁵⁵ Подробней см.: Голубев А. В. «Мировая республика» или «закрытое общество»? (СССР в 1920–30-е годы) // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 123–147; Он же. «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

⁵⁶ Павлова И. В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.

⁵⁷ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.

⁵⁸ См., напр.: Шишкин В. А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.) СПб., 1999. С. 101.

Нередко в этой связи встречаются упоминания о пролетарском интернационализме, об обостренном интересе к внешнему миру у молодежи, особенно в связи с ожиданиями мировой революции, о «всемирной отзывчивости» русской культуры и т. д.

Конечно, вряд ли можно точно измерить степень «закрытости» того или иного общества от внешнего мира. Тем не менее вопрос о том, какая именно тенденция, на «закрытость» или «всемирность», в эти годы преобладала, заслуживает специального рассмотрения.

Прежде всего, необходимо развести два понятия, «государство» и «общество». История знает действительно закрытые государства (классический пример — Япония эпохи сегуната), однако СССР в те годы поддерживал дипломатические, торговые, культурные отношения со многими странами, советские граждане выезжали за рубеж, в СССР существовала достаточно многочисленная иностранная колония. Более того, господствующая идеология претендовала на «всемирность», особенно в первые послереволюционные годы. Впрочем, и накануне второй мировой войны в официальной пропаганде подчеркивалась перспектива превращения СССР в «мировую республику»⁵⁹. Существовала развернутая инфраструктура, специально предназначенная как для революционной деятельности и пропаганды (помимо Коммунистического (Третьего) интернационала существовали Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Международный крестьянский совет (Крестинтерн), Красный спортивный интернационал (Спортинтерн), Интернационал инвалидов, Интернационал пролетарских свободомыслящих и т. п.), так и для расширения официальных культурных, научных и общественных связей с заграницей⁶⁰. Нет особой необходимости доказывать, что эти структуры лишь формально могли считаться общественными, фактически же выполняли функции, возложенные на них государством, создавались и финансировались им. С другой стороны, на Западе многие интеллектуалы левого толка воспринимали

⁵⁹ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 90.

⁶⁰ Об инфраструктуре, предназначенной для развития культурных и общественных связей, см.: Голубев А. В. Советская культурная дипломатия 1920–1930-х годов // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 339–354.

СССР именно как прообраз «новой цивилизации», могущий служить образцом для всего мира. Так, книга видных английских социологов С. и Б. Вебб, вышедшая впервые в 1935 г., называлась «Советский Союз — новая цивилизация?», причем вопросительный знак, содержащийся в заглавии, снимался всем содержанием книги⁶¹. Подобные представления активно поддерживались советской пропагандой. Уже поэтому определение «закрытое» в отношении государства представляется преувеличением.

С другой стороны, «закрытым» может считаться общество, замкнутое по отношению к иным социумам, убежденное в превосходстве собственной культуры, религии, образе жизни; черты такого общества можно найти, скажем, в той же Японии, средневековом Китае, и даже, в некоторой степени, в Московской Руси. Однако динамика развития внешнеполитических стереотипов советского общества была достаточно сложной.

Тем не менее, тенденция, направленная на «закрытость» если не государства (заинтересованного, в частности, в сохранении и расширении сферы политического и экономического влияния, в получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий), то, по крайней мере, общества, в политике советского руководства тех лет прослеживается вполне явственно. Это проявлялось в стремлении контролировать и ограничивать как получение достоверной информации о жизни за рубежом, так и всевозможные личные (т. е. существующие помимо официальных) контакты советских граждан с иностранцами.

Исследователи уже неоднократно отмечали, что советское общество 1930-х годов «находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии «взведенного курка», ошестившегося на весь мир и на себя самое»⁶². В полной мере это относилось и к психологии политической элиты⁶³. Характеризуя ее, трудно найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных

⁶¹ Подробнее см.: Голубев А. В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004. С. 176–177.

⁶² Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8.

⁶³ Подробнее см.: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

выступлений М. И. Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»⁶⁴.

Несоизмеримо выросший объем информации в современном обществе привел к появлению (в основном уже в XX в.) различных технологий, связанных с ограничением доступа к ней, регулирования, дозирования ее и соответствующей обработки, особенно в условиях, так называемых, тоталитарных режимов. Не составляла исключения и информация о внешнем мире.

Представления о внешнем мире складываются на основе нескольких информационных блоков⁶⁵. Один из них, историко-софский, составляют сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала переводная художественная литература.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11. Образ осажденной крепости был близок не только советскому руководству, но и многим достаточно критически настроенным гражданам. Так, М. М. Пришвин уже в ноябре 1930 г. так характеризовал ситуацию в стране: «Ближе всего к жизни в осажденной крепости, когда очень мало остается запасов, и все начинают ссориться между собой из-за продовольствия и думать постоянно: «поскорей бы конец». В то же время начальники, вопреки общему упадку, малодушию, ропоту, вопреки собственному домашнему неверию, на людях вслух гораздо громче, чем раньше, твердят о возможности достижений в недалеком будущем...» На первый взгляд, в данном случае речь идет в первую очередь о внутреннем положении в стране, которое, однако, о чем Пришвин писал неоднократно, было обусловлено в том числе и внешними факторами, в частности, военной опасностью. См.: Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Книга седьмая. СПб., 2006. С. 278.

⁶⁵ Высочина Т. Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96–97.

Второй важнейший блок, политико-информационный, составляет информация о политической, социальной, культурной **современной** жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем. Как иронически отмечал Станислав Ежи Лец, «Окно в мир можно закрыть газетой». Впрочем, не менее удачный образ нашел известный литератор М. А. Кузмин, который записал в дневнике в августе 1934 г., во время работы Первого съезда советских писателей: «Запад сквозь правительственные очки...»⁶⁶

В историографии иногда встречается утверждение, что информация о жизни зарубежных стран свободно поступала в СССР. «Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов» — пишет современный российский исследователь⁶⁷. Однако книги или фильмы о жизни и быте других стран подвергались тщательному отбору, часто переводились или дублировались со значительными купюрами. Это относилось и к изобразительному искусству, и даже к музыке. «Наше искусство искусственно и насильственно оторвано от развития искусства во всем мире. Мы не видели **современного** [курсив документа. — авт.] искусства Европы и Америки вот уже сорок лет» — записал в дневнике в июне 1956 г. историк С. С. Дмитриев⁶⁸.

Пожалуй, наиболее образно охарактеризовал ситуацию в июле 1929 г. М. М. Пришвин: «Наша республика похожа на фотографическую темную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри все освещено красным фонариком...»⁶⁹

Основным источником информации о внешнем мире служили советская пресса и радио. В материалах так называемого

⁶⁶ Кузмин М. А. Дневник 1934 г. СПб., 1998. С. 95.

⁶⁷ Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 135.

⁶⁸ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 144.

⁶⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Книга шестая. М., 2004. С. 432.

«Гарвардского проекта»⁷⁰ есть данные о том, что газеты служили основным источником информации для 59% служащих, 47% представителей интеллигенции, 30–35% рабочих и 18% колхозников. На втором месте стояла устная информация — проще говоря, слухи, которые служили основным источником информации для 60% колхозников, 34% представителей интеллигенции, 43% рабочих (для квалифицированных рабочих этот показатель составлял 26%). На третьем месте стояло радио — его в качестве основного источника указывали от 9 до 22% опрошенных⁷¹. Правда, для школьников, как было установлено одним из обследований 1920-х годов, важнейшим источником социально-политических представлений являлись как раз слухи, домашние или уличные разговоры и т. п. (этот источник назвало свыше 20% опрошенных); соответственно, занятия по политграмоте и чтение газет и другой политической литературы заняли второе и третье место⁷². Однако необходимо учитывать, что применительно к информации о внешнем мире, слухи появлялись преимущественно на основании газетных публикаций⁷³.

Особенное значение газеты приобретали в кризисных ситуациях — и, как правило, тогда-то их и не хватало. Так, в только что освобожденной Литве в июне 1945 г. работники «Союзпечати» спекулировали газетами, перепродавая их по завышенным

⁷⁰ В 1950–1951 гг. сотрудники Гарвардского университета опросили несколько тысяч т. н. «перемещенных лиц». Материалы этих опросов легли в основу многих социологических и политологических работ о сталинском обществе, изданных в США в 1950–60-е годы.

⁷¹ См.: Кодин Е. В. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 143.

⁷² Бернштейн М., Гельмонт А. Наша современность и дети: Педологическое исследование о социальных представлениях современных школьников. М.; Л., 1926. С. 174.

⁷³ Примеры этому см.: Голубев А. В. Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е годы // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 178–208; Он же. «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. Выпуск 2. М., 2000. С. 286–323; Он же. «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны. М.: Арзамас, 2000. С. 40–56; Он же. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355; Он же. «Призраки войны» и реальность // Знание — сила. 2001. № 7. С. 12–22; и др.

ценам, причем особой популярностью пользовалась «Советская Литва» и столичные газеты («Правда», «Известия», «Пионерская правда» и пр.), а для любителей предлагались и антисоветские издания⁷⁴.

При этом уже в 1920-е годы наблюдатели отмечали как рост интереса в массах, в деревне в том числе, к газетным материалам, так и умение читать их. Как записал в своем дневнике в январе 1929 г. М. М. Пришвин, «многие за последнее время простые люди привыкли газеты читать, и им легко вспомнить, как странно казалось им в газете при первоначальном неумении выбирать нужное, встречать один за другим разнородные, несвязанные между собой факты»⁷⁵.

Интерес не только города, но и деревни к внешнему миру можно проиллюстрировать материалами обследований, проводившихся в середине 1920-х годов. В одну из волостей Тверской губернии накануне первой мировой войны поступало за год 31 тыс. экземпляров газет. К 1923 г., когда подписка подорожала, количество газет упало до 2 тыс. экземпляров. Но уже в 1924 году волость получила почти 25 тыс. экземпляров, в 1925 г. около 60 тыс., в 1926 г. больше 100 тыс. При этом, в отличие от 1913 г., когда газеты выписывала сельская интеллигенция и зажиточные крестьяне только для себя, в 1920-е годы одна газета читалась, как правило, в 3–4 дворах⁷⁶. При этом именно международные известия (в первую очередь связанные с ожиданиями войны) вызывали особый интерес.

Конечно, на огромной российской территории встречались районы и города, куда даже слухи не доходили. Так, в январе 1925 г. участник 1-го Всесоюзного учительского съезда И. Я. Пейсель из Обдорска⁷⁷ писал в ответе на анкету: «Во всем городе получают лишь 12 [видимо, экземпляров. — авт.] газет и журналов. По приезде в Москву и выслушании съездовских докладов, мы сразу почувствовали себя выросшими, так как узнали многое из того, что не доходило в Обдорск, даже в форме слухов. Я возвращаюсь со съезда, так сказать, начиненный знаниями и знакомством с политической обстановкой не только в нашей стране, но и на Западе»⁷⁸.

⁷⁴ LYA. F.K-1. Ар. 3. В. 49. Л. 31.

⁷⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 351.

⁷⁶ Большаков А. М. Деревня 1917–1927 гг. М., 1927. С. 300.

⁷⁷ Название города Салехард до 1933 г.

⁷⁸ Цит. по: Дробот В. Великий перелом (учительство о себе). М., 1925. С. 66.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, в том числе и большинство политической элиты 1920-х, а особенно 30-х годов, не владело в достаточной степени иностранными языками и, следовательно, не могло использовать западную прессу или сообщения иностранного радио.

Впрочем, поступление иностранной прессы в СССР было очень ограниченным: списки допущенных и запрещенных изданий пересматривались и утверждались на Политбюро. Но и к «допущенной» прессе даже в столицах доступ имели немногие, что же касается провинции — ограничимся цитатами из отчетов Омского обллита. И в годовом отчете за 1923 г., и в полугодовом за вторую половину 1925 г. содержатся похожие фразы: «Иностранная газет и журналов через гублит в пределах Омска и губернии не распространялось» (1923); «через Омский Окрлит иностранные газеты не проходили и не проходят» (1925)⁷⁹.

Как отмечал в отчетном докладе за 1926 г. начальник Главлита П. И. Лебедев-Полянский, «ввоз иностранной непериодической литературы советскими книжными фирмами уменьшился вдвое по сравнению с 1925 г. В 1925 г. — 8816 названий, в 1926 г. — 4449 названий. Периодика: 1925 г. — 83890 номеров, в 1926-м — 8017. Из общего количества непериодической литературы на иностранных языках пропущено⁸⁰ 13% и на русском 3. Причины недопущения: антимарксистское и антисоветское содержание, религиозная агитация и чуждая идеология (в детской литературе)»⁸¹.

В 20-е годы иностранные источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке. В апреле 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление о выписке 20 экз. каждой из ведущих эмигрантских газет. В апреле 1922 г. в связи с подготовкой процесса правых эсеров, Политбюро приняло решение о снабжении эсеровской газетой «Голос России» и меньшевистским журналом «Социалистический вестник» губкомов РКП(б) и утвердило смету на выписку 20 экземпляров каждого издания⁸². Однако эти издания

⁷⁹ ГАОО. Ф. Р-693. Оп. 1. 1921–1930. Л. 12, 74.

⁸⁰ Так в документе; по смыслу — «не пропущено».

⁸¹ Блюм А. В. Цензура в СССР. Документы 1917–1991. Vochum, 1999. С. 113.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 5; Цакунов С. В. Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение,

предназначались лишь для относительно узкого круга, прежде всего партийной элиты.

Одновременно, как только по окончании гражданской войны была восстановлена почтовая связь с границей, среди руководства оживились опасения, связанные с проникновением таким путем иностранной (в том числе эмигрантской) периодики. Уже в январе 1922 г. нарком иностранных дел Г. В. Чичерин выразил озабоченность тем, что «по почте уже посылаются газеты частным лицам. Допускать это значит восстановить возможность печатной агитации против нас. По Москве будут ходить какие-нибудь ярко агитационные номера белогвардейской печати». Признавая, однако, «что неудобно просто декретировать воспрещение ввоза газет из границы», Чичерин предложил создать комиссию для рассмотрения этих вопросов из представителей Политбюро, ВЧК и НКВД⁸³.

Опасения советского руководства отнюдь не были беспочвенными: только на московском почтамте в 1925 г. в месяц задерживали до 5000 экземпляров эмигрантских газет и от нескольких сотен до полутора тысяч различных листовок и воззваний⁸⁴. В апреле 1925 г. информационный отдел ОГПУ сообщал: «Необходимо отдельно отметить рассылку воззваний различных монархических групп (в частности, она налажена по Ленинградской губернии, откуда письма получаются в ряде губерний)»⁸⁵.

Различными, иногда довольно экзотическими, путями (например, через сплавщиков леса из Псковской губернии, которые возвращались из Латвии в СССР⁸⁶) подобная почта доходила до адресата, и при этом попадала не только в крупные промышленные центры, но и в деревню. Так, в сентябре 1925 г. секретарь Александровского сельсовета Луганского округа (Украина), «разбирая прибывшую почту, обнаружил заграничную белогвардейскую газету «Парижский вестник», присланную одним эмигрантом своему родственнику Калиниченко и

развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 88.

⁸³ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 427–428.

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 182. Л. 9 об.

⁸⁵ Там же. Д. 199. Л. 60.

⁸⁶ Там же. Д. 182. Л. 85.

прочтя газету заявил присутствующим крестьянам: «вот где действительно свобода слова, печати, а у нас бойся рот раскрыть не то напечатать или что-нибудь сказать»⁸⁷.

В результате в марте 1930 г. появился секретный циркуляр спецотдела ОГПУ, в котором утверждалось, что «наблюдаются случаи присылки в СССР из заграницы разной белогвардейской литературы и всевозможных контрреволюционных листовок. Зачастую эта литература и листовки вкладываются в почту или пересылаются с разного рода грузами, идущими из заграницы в адрес наших советских и хозяйственных учреждений и предприятий. Попадая в руки сотрудников учреждений и предприятий, эта литература затем нелегально распространяется среди населения нашего Союза»⁸⁸. ОГПУ предложило простой до гениальности выход, возможный, впрочем, только в СССР: отныне вся иностранная корреспонденция поступала в секретные части соответствующих учреждений и лишь после проверки выдавалась адресатам, все грузы также принимались только сотрудниками секретных частей.

С середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к иностранной прессе и другим альтернативным источникам информации постепенно сокращается. В 1925 г. резко сужается круг получателей «контрреволюционной литературы»⁸⁹. Если в 1922–1923 гг. чтение подобной литературы разрешалось, например, всем сотрудникам «Правды», то в 1924–1925 гг. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М. И. Ульяновой⁹⁰. В марте 1925 г. отдел печати ЦК определил «список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР»⁹¹.

Как вспоминает учившийся в 20-е годы на 2-месячных курсах групповодов в Коммунистическом университете им. Свердлова В. И. Васильев, слушатели курсов были допущены в библиотеку ЦК партии. Но при этом «в библиотеке отбирали

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 180. Л. 55.

⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 22.

⁸⁹ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 25.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 22.

⁹¹ Зеленов М. В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 131.

входной билет, и давали читать иностранные [очевидно, эмигрантские. — *авт.*] газеты без права выписывать что-либо в свою тетрадь»⁹².

Подобная практика вызывала недовольство не только среди интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой помимо прочего спрашивалось: «Почему у нас в Республике нет свободной печати и почему в Губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам Губкома и Укома, а рабочим нельзя — где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»⁹³.

В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды на имя секретаря ЦК Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240–300 ведомств и лиц⁹⁴. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд «белоэмигрантских» изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 35 экз.⁹⁵

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на эмигрантскую прессу была запрещена. До этого момента официально эмигрантскую прессу могли выписывать любые организации и лица. На практике, однако, когда информационный отдел ЦК ВКП(б) в связи с запрещением подписки запросил списки подписчиков, кото-

⁹² Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 290.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

⁹⁴ «Социалистический вестник» издавался с 1921 г. сначала в Берлине, затем в Париже, и, наконец, в Нью-Йорке под редакцией Ю. Мартова, Р. А. Абрамовича. Выступал в качестве официального органа заграничной делегации РСДРП (меньшевиков).

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 171. Л. 37–38.

рые уже успели оформить ее в конце 1926 г., в ответах с мест подчеркивалось, что подписывались на эти издания лишь партийные комитеты, начиная с районных⁹⁶.

Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л. М. Кагановича перечислял 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович, или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом количество адресатов сократилось с 40 до 12⁹⁷ (на самом деле, как будет показано ниже, в 1927–1930 гг. рассылалось несколько сотен экземпляров таких обзоров).

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. Если в отзыве ОГПУ, подписанном Г. Г. Ягодой, говорилось о желательности использования лишь статей, имеющих политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера» как «совершенно не отвечающие действительности», то нарком финансов Н. П. Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в СССР, так как «в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вождения белой эмиграции». Свообразную точку в этой минидискуссии поставил заведующий отделом печати ЦК С. И. Гусев, решительно указавший: «Белогвардейское вранье не помещать»⁹⁸. Нет необходимости пояснять, что в разряд «белогвардейского вранья» можно было при желании отнести любую информацию, противоречащую официальной.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 551. Л. 143.

⁹⁷ Там же. Л. 2.

⁹⁸ Там же. Л. 178, 180, 184.

Практически полный комплект «Сводок белоэмигрантской прессы» за 1927–1930 г. сохранился в бывшем партийном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург). Всего за этот период было выпущено 102 «сводки» (впрочем, многие номера оказывались сдвоенными). Они представляли собой тетрадку из 16–24 листов большого формата. На второй странице всех сводок печаталось «Постановление ЦК о порядке хранения и пользования сводками белоэмигрантской печати». Оно дословно гласило: «1. Хранить «сводку» должны лично товарищи, которым посылается сводка или их доверенные лица (обязательно члены ВКП); сводку надлежит хранить в несгораемых шкафах. 2. Рассылаемые экземпляры сводки хранению не подлежат, а по истечению 3 месяцев подлежат сожжению по особому акту⁹⁹. 3. Отдельные товарищи (члены ЦК, ЦКК, руководители центральных учреждений и т. п.), получающие сводку могут за своей ответственностью знакомить с ее содержанием самый узкий круг товарищей — членов ВКП(б), коим это, по роду их работы, действительно необходимо. 4. Секретари ГК, ОК, Крайкомов, Обл[ластных] бюро ЦК и Нац[иональных] ЦК могут знакомить со сводкой только членов парткомов, членов соответствующих КК, редакторов газет и руководителей проп[агандистских] групп ЦК»¹⁰⁰.

В 1927 были разосланы 42 еженедельные сводки (об их общем количестве говорит то, что экземпляр, поступавший в 1927 г. в Уральский обком, имел номер 417, а в 1928 — 322), в 1928 — 28 сводок, в 1929 г. 29 и, наконец, в 1930 г. — 3 сводки.

Главной темой сводок была ситуация в СССР и положение внутри самой эмиграции по материалам таких авторитетных газет, как «Возрождение», «Дни», «Последние новости», «Руль», «Социалистический вестник» и др.¹⁰¹ Например, в сводке № 3–

⁹⁹ К счастью для исследователей, работники Уральского обкома пренебрегли этим строгим указанием.

¹⁰⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1251. Л. 1 об.

¹⁰¹ «Возрождение» — периодическое издание, выходило в Лондоне (в 1926–1935 гг. как еженедельная газета, в 1936–1940 гг. как еженедельник). Редактор — П. Б. Струве; «Дни» — газета, выходила в 1922–1933 гг., до 1925 г. в Берлине как ежедневная, затем в Париже как еженедельная. Редактор — А. Ф. Керенский; «Последние новости» — ежедневная газета, выходила в 1920–1940 гг. в Париже. Среди редакторов — П. Н. Милюков. Одна из самых авторитетных газет русского зарубежья; «Руль» — ежедневная газета, выходила в 1920–1931 гг. в Берлине. Редактор — И. В. Гессен.

4 от 2 марта 1929 г. были воспроизведены, помимо прочего (по всей видимости, полностью), такие статьи, как «Настроения в России», «Комсомольские настроения», «Как понимают фашизм в России» из «Последних новостей» и передовую статью «Хлебные карточки» из «Возрождения»¹⁰². Важно отметить, что все номера газет, из которых были взяты статьи, вышли с 9 по 14 февраля; другими словами, весь цикл занимал не более двух недель.

Однако в марте 1930 г. издание сводок белоэмигрантской прессы было прекращено. Вместо них уже 12 марта вышел первый «Бюллетень заграничной печати». Подчеркивалось, что «для ознакомления руководящих кадров партии с освещением в заграничной печати положения СССР Секретариат ЦК ВКП(б) счел целесообразным издание Секретным отделом «Бюллетеня заграничной печати». В бюллетене будет даваться обзор буржуазной, социал-демократической и белогвардейской (в т. ч. троцкистской) печати»¹⁰³.

На первый взгляд, подобное изменение представлялось вполне логичным. Партийные работники, не владеющие за редким исключением иностранными языками, могли теперь знакомиться хотя бы с некоторыми материалами западной прессы. Однако на практике подобное изменение привело не к росту объективных представлений о внешнем мире и о самом СССР, а, скорее, к их сокращению. Действительно, количество изданий русского зарубежья было ограничено, и сводки позволяли довольно подробно представить их содержание; к тому же, общее настроение всех без исключения эмигрантских газет было в лучшем случае критическим по отношению к Советской власти. Зато безбрежный океан зарубежной прессы позволял найти любые статьи с любым «направлением» (не случайно сразу же в перечне использованных изданий появились коммунистические, а также никому не известные провинциальные газеты, где можно было найти публикации буквально на любой вкус, в том числе и об успехах социалистического строительства в СССР). Другими словами, бюллетени заграничной печати были на порядок более субъективными, чем сводки эмигрантской прессы.

¹⁰² ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1655. Л. 23–24.

¹⁰³ Там же. Д. 1898. Л. 23.

В первом выпуске бюллетеня были представлены разделы «Общее положение СССР» (выдержки из статей «Таймс», «Роте Фане» и др.), «Положение в деревне» («Таймс», «Манчестер Гардиан», «Тан» и др.), «О советах» («Социалистический вестник», «Дни»), «Кампания против преследований религии» («Манчестер Гардиан», «Каррент Хистори», «Дэйли Геральд» и др.), «Внешнее положение СССР», «О Красной армии», «Разное». Подобные разделы (обычно, впрочем, их насчитывалось меньше) были и в последующих выпусках, но уже в пятом выпуске появились разделы «О положении в Индии» и о состоянии английской независимой рабочей партии.

В Свердловском архиве сохранились и засекреченные инструкции по выдаче «Бюллетеней заграничной печати» и списки получавших их лиц за 1933 г. Это секретарь горкома, заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета — всего каждый номер читали 4–5 человек из многотысячной городской партийной организации. Бюллетени выдавались строго под расписку, в одной из инструкций, определявших порядок их выдачи, они красноречиво именовались «конспиративными материалами»¹⁰⁴.

Постепенно подобные секретные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание все меньше отличалось от материалов, публикуемых официальной советской прессой. Так, в закрытых (они готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) информационных сводках Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), в частности, за май–июнь 1935 г., основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма» и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни на Западе. Никаких материалов, существенно дополнявших сообщения советской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в данных сводках не было¹⁰⁵.

Позднее к таким обзорам (их, помимо ВОКСа, готовил ТАСС и некоторые другие организации) добавились и переводы из-

¹⁰⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 588.

бранных книг для узкого круга. Так, 29 мая 1936 г. члены Политбюро опросом решили: «Принять предложение т. Радека об издании книги Веббов «Советский коммунизм — новая цивилизация» в количестве 2000–3000 экз. для распространения по списку»¹⁰⁶ (позднее и английские издания книги Веббов оказались в спецхране). Издавалась в СССР «для служебного пользования» в 1936 г. и «Майн Кампф»¹⁰⁷.

Сохранились пометы И. В. Сталина на экземпляре этой книги из его личной библиотеки; некоторые из них были опубликованы Д. А. Волкогоновым. «Я тоже видел это же издание книги «Майн кампф» — но в фонде Михаила Ивановича Калинина, с собственноручными пометами «всесоюзного старосты» — пишет Б. С. Илизаров, и отмечает, что «читал Калинин с интересом, это очевидно, но в то же время, предполагаю, боялся, что потом его пометы прочитает кто-то, кому не следовало бы их видеть, и он с экспрессией отмечает прочитанное репликами: «Фу, какая глупость!» или «Мелкий лавочник!», — явно рассчитанными на стороннего читателя»¹⁰⁸.

Проблема, однако, заключалась в том, что даже среди «узкого круга» допущенных к подобной литературе многие не очень-то ею интересовались. Так, Н. С. Хрущев, будучи членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной союзной республики — Украины, наряду с другими «избранными», получил «Майн Кампф», однако «не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватало терпения, и я ее бросил, недочитавши»¹⁰⁹. И в этом Хрущев был не одинок. Как вспоминал генерал армии М. А. Гареев, ему приходилось встречаться с ответственными сотрудниками, работавшими перед войной в НКВД и Генштабе, которые признавались, что никогда полностью не читали и не принимали всерьез рассуждений фюрера в этой книге¹¹⁰.

¹⁰⁶ Куликова Г. Б. СССР 1930-х гг. глазами видных представителей Запада // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 183.

¹⁰⁷ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 149.

¹⁰⁸ Илизаров Б. С. Образ Сталина — взгляд из XXI века. СПб., 2006. С. 24.

¹⁰⁹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 80.

¹¹⁰ См.: Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 20.

В результате в личных записях заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова по итогам заседания Оргбюро ЦК в декабре 1936 г. появилась такая фраза: «Не знаем, что говорит о нас враг, не читают [так в документе. — *авт.*] иностранных газет...»¹¹¹

* * *

Советская интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, в несколько лучшем положении, чем остальные социальные группы, включая и политическую элиту. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио (а также, что немаловажно, нацеленность на получение подобной информации, реальный интерес к происходящему за пределами СССР, умение анализировать и т. д.)

Так, в дневниках К. И. Чуковского за 1921–1923 гг. неоднократно встречаются упоминания: «...Сегодня все утро читал Нью-Йоркскую “Nation” и Лондонское “Nation & Athenaeum”. Читал с упоением... вдруг после огромного перерыва прочитал “Times” — и весь мир нахлынул на меня... Перелистал я новые номера “London Mercury” — каждая статья интересна... Сегодня прочитал книжку “London Mercury”, с упоением...» и пр.¹¹² И академик В. И. Вернадский в своих дневниках постоянно отмечал и комментировал материалы западной прессы.

Писатель Вс. Вишневский, возглавлявший Оборонную комиссию Союза советских писателей, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио. «Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», — записывал в своем дневнике «красный профессор» А. Г. Соловьев, работавший в 30-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики¹¹³.

В течение какого-то времени для узкого круга сохранялись некоторые независимые каналы получения информации. Известный декрет 1922 г. «Об улучшении быта ученых» преду-

¹¹¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 11. Л. 140.

¹¹² Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1997. С. 161, 162, 256–257.

¹¹³ Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. 1912–1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 187.

сма­три­вал сво­бод­ный вы­езд на­уч­ных ра­бот­ни­ков за гра­ни­цу и по­лу­че­ние от­ту­да ли­те­ра­ту­ры¹¹⁴. Од­на­ко по­сте­пен­но на­ли­чие да­же столь не­зна­чи­тель­но­го (в ма­с­шта­бах стра­ны) ис­клю­че­ния из пра­вил ста­ло вы­зы­вать раз­дра­же­ние по­ли­ти­че­ско­го ру­ко­вод­ства. Так, в до­клад­ной за­пис­ке Г. Г. Яго­ды и на­чаль­ни­ка Сек­рет­но-опе­ра­тив­но­го уп­рав­ле­ния ОГ­ПУ Г. Е. Ев­до­ки­мо­ва от 9 ян­ва­ря 1930 г. со­об­ща­лось, что «на­ибо­лее удо­б­ным спо­со­бом сно­ше­ния с за­гра­ни­цей, ши­ро­ко поль­зуе­мым ака­де­ми­ка­ми, бы­ла пе­ре­пра­вка кор­ре­спон­ден­ции и до­ку­мен­тов че­рез ака­де­ми­че­ское Бю­ро ме­ж­ду­на­род­но­го кни­го­об­ме­на». При этом ав­то­ры за­пис­ки осо­бо под­чер­ки­ва­ли, что че­рез это же Бю­ро ака­де­ми­ки не­ле­галь­но по­лу­ча­ли эми­грант­скую ли­те­ра­ту­ру¹¹⁵.

В 1929 г. в би­бли­о­те­ке Ака­де­мии на­ук бы­ла вве­де­на цен­зу­ра ино­стран­ных жур­на­лов. В хо­де ра­боты т. н. «комис­сии Фи­гат­не­ра» за­ве­ду­ю­щий ино­стран­ным от­де­лом БАН С. К. Пил­кин объ­яс­нял: «Мы по­лу­ча­ем не­ко­то­рое ко­ли­че­ство за­гра­ни­ч­ных жур­на­лов, в ко­то­рых ча­сто по­яв­ля­ют­ся ста­тьи ан­ти­со­вет­ско­го со­дер­жа­ния, к нам об­ра­ща­ют­ся пред­ста­ви­те­ли Г­ПУ с про­сь­бой ука­зать, ка­кие ме­ры мы при­ни­ма­ем, что­бы эти ан­ти­со­вет­ские ста­тьи не про­ни­ка­ли да­ль­ше, и вот нам при­шлось за­ве­сти про­смот­р та­ко­го ро­да жур­на­лов, что­бы яв­но вы­ра­жен­ное ан­ти­со­вет­ское на­прав­ле­ние не про­ни­ка­ло да­ль­ше»¹¹⁶.

С кон­ца 20-х гг. со­краща­ют­ся бюд­жет­ные сред­ства, вы­де­ляе­мые на­уч­ным уч­ре­жде­ни­ям на за­куп­ку ино­стран­ной пе­ри­о­ди­ки и на­уч­ной ли­те­ра­ту­ры. Воз­ни­ка­ли и и­ные, чи­сто ад­ми­ни­стра­тив­ные ог­ра­ни­че­ния.

Уже в мае 1935 г., спе­ци­аль­но соз­дан­ный для со­дей­ствия про­ве­де­нию в СС­С­Р Ме­ж­ду­на­род­но­го фи­зи­о­ло­гичес­ко­го кон­гресса пра­ви­тель­ствен­ный ко­ми­тет вы­нуж­ден был «про­сить Глав­лит дать рас­по­ря­же­ние о бес­пре­пят­ствен­ном про­пус­ке че­рез гра­ни­цу на­уч­ной ли­те­ра­ту­ры ино­стран­ных де­ле­га­тов кон­гресса»¹¹⁷.

¹¹⁴ См.: Со­бра­ние узаконений ра­боче-кре­стьян­ско­го пра­ви­тель­ства РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 1. Ст. 5.

¹¹⁵ См.: Ака­де­мия на­ук в ре­ше­ниях По­лит­бю­ро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. М., 2000. С. 89. Бю­ро ме­ж­ду­на­род­но­го кни­го­об­ме­на (точ­нее, Бю­ро по кни­го­об­ме­ну с за­ру­бе­ж­ны­ми стра­на­ми АН) бы­ло соз­да­но в ок­тя­бре 1922 г.

¹¹⁶ Цит. по: Пер­че­нок Ф. Ф. Ака­де­мия На­ук на «ве­ли­ком пе­ре­ло­ме» // Звез­да: ис­то­ри­че­ский аль­ма­нах. Вып. 1. М., 1991. С. 200.

¹¹⁷ ЦГА СПб., Ф. 7384. Оп. 18. Д. 62. Л. 53.

Конечно, общая картина была не столь однозначной. Так, профессор З. Г. Френкель, который в 1933–1936 гг. был председателем ученого совета в ленинградском Институте коммунального хозяйства, позднее с гордостью вспоминал, что «существенным достижением было обеспечение библиотеки Института всей советской и новейшей зарубежной специальной литературой. В те годы (1933–1938) удавалось получать основные английские, американские, французские и немецкие периодические издания. Каждый день я начинал просмотр свежих журналов и изданий, отмечая в них то, что могло иметь прямое или косвенное отношение к работе ИКХ»¹¹⁸. Таким образом, в условиях постоянной борьбы политических и прагматических тенденций, столь характерной для советской действительности, первостепенное значение могла, как в данном случае, получать личная инициатива, активность заинтересованных лиц.

Немало сложностей возникало при получении иностранной литературы отдельными, пусть даже и выдающимися, учеными. В дневниках академика Вернадского постоянно встречаются записи о перебоях с доставкой иностранной прессы. Так, в феврале 1932 г. он писал: «Письма на почту о неприсылке "Weekly Times"»¹¹⁹. Явно перехватывают и м. б. даже организовано. 3 естественно-исторических журнала приходят аккуратно — а этот — нет. Есть или любители читатели, или — за деньги. Легко свалить на цензуру: она явно не причем, по крайней мере, заверяют и я думаю не лгут: они не чувствуют и не понимают всего ужаса и позора своей работы, чисты сознанием». Но уже через несколько дней, потеряв терпение, Вернадский приходит к противоположному выводу: «Не получаю "Weekly Times": думаю, что помимо главной есть и 2-я цензура, и она действует самостоятельно»¹²⁰. Позднее, в декабре 1934 г., он отмечал, что не доходит «New York Times»¹²¹, и вообще — «доходили естественнонаучные журналы и теряются общие журналы и газеты»¹²².

¹¹⁸ Френкель З. Г. Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 76.

¹¹⁹ Очевидно, имеется в виду «The Times Weekly edition», еженедельное обозрение прессы, издававшееся с 1877 г.

¹²⁰ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 231, 246.

¹²¹ Американская газета, издается с 1851 г.

¹²² Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 358.

Трудно сказать, что имел в виду академик, говоря о «2-й цензуре» и существовало ли нечто подобное в действительности; тут еще много неясного. Конечно, общественно-политическая пресса, в отличие от чисто научных изданий, не могла не привлекать особого внимания соответствующих инстанций¹²³. Но вполне вероятно и другое: кто-то из работников почты интересовался происходящим в мире не меньше Вернадского.

Постепенно усложнилась ситуация и с получением научных изданий. «Одним из самых основных недостатков научной работы в нашем Союзе, требующим немедленного, коренного и резкого перелома, является ограниченность нашего знакомства с мировым научным движением» — писал В. И. Вернадский председателю СНК В. М. Молотову в феврале 1936 г. Он подчеркнул, что с 1935 г. «наша цензура обратила свое внимание на научную литературу... Это выражается, в частности, в том, что с лета 1935 года систематически вырезаются статьи... Целый ряд статей и знаний становятся недоступными нашим ученым»¹²⁴. Еще более резко академик высказался в августе 1936 г.: «Цензура вообще стала бессмысленно придирчивой, небывало глупой и бесцеремонной». Обращения Вернадского к главе правительства возымели, впрочем, действие: начальник Главлита С. Б. Ингулов получил выговор за «превышение власти», и на некоторое время ситуация применительно лично к Вернадскому изменилась к лучшему¹²⁵.

В сентябре 1938 г. вышел не подлежащий оглашению приказ Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита СССР, содержащий «Список учреждений и организаций, имеющих право получения запрещенной в СССР иностранной литературы».

¹²³ В 1970–80-е годы автору много приходилось работать в отделе специального хранения, в просторечии спецхране, ИНИОНа с материалами зарубежной прессы. В газетах и журналах, и без того скрытых от большинства читателей, нередко встречались вырезанные места. Как правило, речь шла о материалах, посвященных советскому политическому руководству. Можно предположить, что существовал более высокий уровень допуска, и имевшие его могли читать «Times» или «Observer» без купюр. Поговаривали и о т. н. «втором спецхране», существование которого, однако, работниками библиотеки отрицалось.

¹²⁴ Вернадский В. И. Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 95.

¹²⁵ Week-end в Болшево или еще раз «вольные» письма академика В. И. Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. № 23. СПб., 1998. С. 319.

Все учреждения и организации, там упомянутые, были разделены на 3 категории. В первую категорию входили 52 организации, имеющие право на получение без просмотра всей иностранной литературы, в т. ч. секретариат СНК, ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, редакции «Правды» и «Известий», НКВД, Иностранный отдел ГУГБ НКВД, иностранные посольства (!), ТАСС, Институт марксизма-ленинизма, а также видные деятели иностранных компартий.

Вторую категорию составили 30 организаций и лиц, имеющих право получать всю литературу, кроме белоэмигрантской, троцкистской и фашистской, в т. ч. ВЦСПС, библиотеки им. В. И. Ленина, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Академии наук, действительные члены Академии наук СССР.

Наконец, третья категория, означавшая право на получение, прежде всего, научно-технической и специальной литературы, включала в себя свыше 100 адресатов, в т. ч. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Наркомпрос, Союз безбожников, редакции центральных газет, республиканские Академии наук, крупные заводы и т. д.¹²⁶

Что касается основной массы советской интеллигенции, она вынуждена была довольствоваться чтением советских газет. Это, впрочем, не исключало возможности достаточно глубокого анализа международной ситуации. Так, в воззвании, подброшенном во время съезда советов в Славяно-Сербском районе Донецкой губернии и составленном, вероятно, кем-то из представителей сельской интеллигенции говорилось: «Германия, несмотря на то, что она побежденная, все же промышленность в ней дает 90–95% довоенной производительности и это все покупается населением, значит производительность есть, есть и покупательская способность, страна любая при таких условиях может процветать»¹²⁷.

Примеры критического анализа советской прессы, позволяющего делать выводы, далекие от желаемых для самих авторов публикаций, содержатся в опубликованных дневниках тех лет¹²⁸.

¹²⁶ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 279–280.

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 199. Л. 69.

¹²⁸ В качестве примера можно привести опубликованные дневники тех лет: Куллэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924–1932 годов // The New Review-Новый журнал. Кн. 189. 1992; Мендельсон Н. М. Дневник московского интеллигента // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006; Шитц И. И. Дневник великого перелома (март 1928 — август 1931). Paris, 1991; и др.

Конечно, извлекать таким образом достоверную информацию удавалось далеко не всегда; так, долго живший на Западе и имевший возможность читать иностранную прессу, В. И. Вернадский тем не менее признавал, например, что итоги президентских выборов в Германии в 1932 г. оказались для него неожиданными: «Победа Гинденбурга — Гитлера и status quo коммунистов в Германии — при условии кризиса — серьезный признак, который здесь учитывается. Я не ожидал — влияние здешних “газет”?»¹²⁹ Характерны кавычки, в которые академик поставил слово «газеты», несомненно, имея в виду специфику советской прессы.

Не только представители интеллигенции критически оценивали материалы советской печати. Так, в марте 1926 г. в письме на имя И. В. Сталина крестьянин Н. Жариков подчеркивает, что «большинство изданий нашей периодической литературы страдает бессодержательностью, вялостью и заведенной монотонностью». Причину подобного явления он видит в том, «что государство пользуется монопольно печатью»¹³⁰. А некий комсомолец Кропотов, работник текстильной фабрики им. Ленина в Свердловске, в марте 1928 г., выступая на собрании, заявил: «В наших газетах пишут, что за границей капиталисты удлинняют рабочий день, снижают зарплату, а разве у нас лучше... Зачем нас обманывают и еще тычут пальцем на капиталистов Германии, Англии и др.»¹³¹

Передачи иностранного радио были доступны только тем, кто знал иностранные языки; кроме того, многие просто опасались слушать эти передачи. Как вспоминала научный работник Л. А. Исаакян, «появилось радио “Филипп” — был такой приемник в доме, где я жила. И я там, совершенно обезумев, слушала по ночам и музыку, и французов, и австро-венгров, и кого хотите. Этого нельзя было делать в 30-е годы, поэтому

¹²⁹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 294. В ходе первого тура президентских выборов в Германии весной 1932 г. П. фон Гинденбург получил 18,6 млн голосов, А. Гитлер 11,3 млн, а лидер коммунистов Э. Тельман лишь 5 млн голосов. Пик популярности КПП приходится на ноябрь 1932 г., когда на выборах в рейхстаг коммунисты получили 6 (но все же не 8, как иногда писала советская пресса) млн голосов.

¹³⁰ Цит. по: Лившин А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 124.

¹³¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1354. Л. 21.

хозяйка говорила: «Тихо, тихо, тихо, чтоб тут не было слышно, и чтоб соседи не знали, что ты слушаешь это радио»¹³².

В воспоминаниях музыканта Ю. Б. Елагина, который в 1930-е годы работал в театре им. Вахтангова, упоминается и такое исключение из правил: «Нашей совсем уже из ряда вон выходящей привилегией было то, что раз в неделю на кинофабрике “Мосфильм” специально для нас, вахтанговцев, демонстрировались ленты заграничной кинохроники... Мы смотрели американские и немецкие хроникальные фильмы. Мы увидели скачки в Париже, журналистов на приеме у президента Рузвельта, гитлеровские ночные шествия с факелами, теннисные состязания на Кубок Дэвиса, Муссолини, говорящего речь с балкона дворца в Риме и заседание английского парламента»¹³³. Конечно, для основной массы советских зрителей заграничная кинохроника была доступна лишь в отдельных фрагментах, соответствующим образом подобранных, смонтированных и прокомментированных¹³⁴.

В декабре 1927 г. в беседе с членом Коллегии НКВД, впоследствии заместителем наркома иностранных дел Б. С. Стомоняковым, финский посол в СССР, выражая озабоченность слабым знакомством советского народа с Финляндией, высказал мысль о целесообразности издания для распространения в СССР книг на русском языке о географии, истории, культуре Финляндии, которые «будут служить целям объективной информации, а не пропаганды». Стомоняков «сослался на свою неосведомленность и на то, что, насколько мне известно, еще не было случая распространения у нас книг о других странах, изданных этими странами»¹³⁵. Как бы предвосхищая предложения финского коллеги, глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса отмечал в 1926 г., что «сама мысль о каком-либо распространении иностранной периодики в СССР... становится при существующих советских цензурных и административных порядках попросту беспредметной»¹³⁶.

Не случайно, когда в июне 1941 г., буквально накануне Великой Отечественной войны, в ходе проверки букинистиче-

¹³² На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 259.

¹³³ Елагин Ю. Б. Укрощение искусств. М., 2002. С. 55.

¹³⁴ О формировании визуального образа внешнего мира см. в главе 4.

¹³⁵ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. X. М., 1965. С. 528.

¹³⁶ Цит. по: Шишкин В. А. Указ. соч. С. 102.

ских магазинов было обнаружено некоторое количество иностранных изданий, не прошедших цензуру, последовал категоричный вывод: «Проникновение большого количества (28 томов за квартал) иностранной литературы фашистского и антисоветского содержания в букинистические магазины говорит о том, что работники некоторых посольств нашли хорошую лазейку в лице букинистических магазинов для пропаганды своих идей»¹³⁷.

Что касается советской официальной информации о внешнем мире, можно с уверенностью говорить, что уже в 1920-е годы пропаганда была ориентирована на создание «правильной» картины мира. Задача эта облегчалась тем, что еще в первые годы Советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации. Все же в советской печати содержался довольно значительный объем объективной информации о положении в мире (тем более, что в те годы оно было далеко не радужным: последствия мировой войны, экономические трудности, реальное, а не выдуманное нарастание революционных настроений в ряде стран, в том числе колониальных — все это находило отражение в советской печати и при этом в основном соответствовало действительности). Кроме того, в этот период позитивные, лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры, и в этом качестве — как средство успешного строительства социализма.

Впрочем, обсуждение внешнеполитической информации, даже и с «правильных» позиций, приветствовалось далеко не всегда. Так, в мае 1927 г. по всей стране был разослан секретный циркуляр отдела печати ЦК ВКП(б), в котором подчеркивалось, что апрельский пленум ЦК признал недопустимым открытие дискуссии по китайской революции¹³⁸. Однако в ряде

¹³⁷ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 315.

¹³⁸ Пленум проходил с 13 по 16 апреля 1927 г. В информационном сообщении о пленуме более чем скупое говорилось: «Заслушав и обсудив сообщение Политбюро о решениях, принятых им в связи с последними международными событиями (события в Китае и др.), Пленум одобрил политику Политбюро по международному вопросу». Другими словами, решение о недопустимости дискуссий по поводу китайской революции было секретным. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 168.

крупнейших провинциальных газет появились статьи представителей оппозиции и ответы редакции, выражающие точку зрения партии, что фактически означает дискуссию. Вывод заведующего отделом С. И. Гусева был безапелляционен: «не допускать дискуссий»¹³⁹.

В конце 1920-х годов система международной информации стала быстро идеологизироваться. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к “чужим” идеологическим и политическим ценностям»¹⁴⁰.

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за «безыдейность», недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, внимание, уделяемое интересным, выигрышным с точки зрения журналистики, но непринципиальным с политической точки зрения деталям. «Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи», — вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н. Г. Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати МИД и генеральный директор ТАСС. По его мнению, «последней каплей», переполнившей чашу терпения политического руководства, явилось освещение советской прессой процесса подготовки и подписания «пакта Бриана — Келлога» в 1928 г. Пресса, подчеркивал Пальгунов, слишком много внимания уделяла различным несущественным деталям (способным, однако, заинтересовать читателя), и игнорировала многие политические аспекты события¹⁴¹.

Примером того, как цензура оценивала международную информацию, появлявшуюся в газетах, могут служить обзоры прессы, сохранившиеся в архивах. Так, в «Кратком обзоре окружных газет Уральской области», составленном по отдельным номерам газет за июль и декабрь 1928 г., приводились

¹³⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 448. Л. 20.

¹⁴⁰ Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 40.

¹⁴¹ Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 5–6.

следующие примеры «аполитичных» заголовков (речь шла о положении в Китае) — «Мукденцы без боя покинули Пекин», «Чжан Цю Лин опасно ранен в голову». Как подчеркивал цензор, «совершенно очевидно, что подобные заголовки ничего не дают задаче нашей политической информации. Они политически бездушны»¹⁴². В закрытом обзоре газеты «Вечерняя Москва» (март 1932 г.) в вину журналистам ставилось то, что они не прокомментировали надлежащим образом информацию об отставании Москвы от Берлина и Нью-Йорка по числу подстанций «Скорой помощи». По мнению составителя обзора, комментарий должен был ответить на вопрос, какое количество подстанций «Скорой помощи» находится в пролетарских кварталах Нью-Йорка¹⁴³. В «Бюллетене Главлита СССР» за октябрь 1936 г. в «Сводке важнейших изъятий, задержаний и конфискаций» шла речь о конфискации тиража районной газеты «За колхоз» (Островский район Ленинградской области). Причиной послужило сообщение об увеличении срока службы в немецкой армии, опубликованное под рубрикой «В защиту мира»¹⁴⁴.

Весной 1932 г. внимание цензора привлекла статья с «политически верным» заголовком «Цепные псы капитализма» в многотиражной газете Учебного комбината связи. В статье цитировались такие высказывания лидеров западной социал-демократии: «Советский рай — это деградирующая голодная страна, которой не могут понять только немецкие коммунисты. Русский рабочий живет хуже, чем немецкий, и это не скроешь коммунистическими баснями... Он не имеет ни хозяйственных, ни политических прав, он не может открыто выражать свое мнение, он живет угнетенный и придавленный и ходит одетый в лохмотьях». Неясно, о чем свидетельствует данный пассаж — о простодушной наивности журналиста, или все же о сознательной попытке хотя бы в такой форме высказаться о ситуации в стране (второе, впрочем, представляется

¹⁴² ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 2. Д. 17. Л. 9. Чжан Цю-Лин (правильно — Чжан Цзолинь, 1876–1928) — китайский генерал. В годы Синьхайской революции (1911–1913) стал фактическим правителем Манчжурии. В 1926–1927 гг. возглавлял т. н. «армию умиротворения», объединившую войска милитаристов Северного и Восточного Китая. В 1928 г. был взорван в собственном поезде агентами японской разведки. «Мукденцы» — сторонники Чжан Цзолиня.

¹⁴³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 40.

¹⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1626. Л. 183.

менее вероятным). В любом случае, статья была снята из номера¹⁴⁵.

На состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде ВКП(б) речь шла о дальнейшем возрастании угрозы военного нападения на СССР и необходимости в связи с этим всесторонней, в том числе идеологической, подготовки к войне. Оценки и решения съезда послужили толчком к дальнейшему усилению внимания к системе внешнеполитической информации и ужесточению контроля над ней.

В резолюциях состоявшегося в июле 1930 г. 2 Всесоюзного агитационно-пропагандистского совещания подчеркивалось, что слабое отражение международных вопросов является серьезнейшим недостатком содержания политических занятий. «Значительно шире и глубже должны быть поставлены вопросы международного положения, экономического кризиса капитализма, мирового революционного движения, ибо этого требует необходимость усиления интернационального воспитания бойцов в РККА»¹⁴⁶.

В августе 1930 г., также отталкиваясь от решений XVI съезда, агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. В принятом постановлении отмечалось возрастание интереса трудящихся к международной информации и ставилась задача обеспечивать «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма». Для этого требовалось «в максимальной мере использовать те возможности в области углубленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных и полуколониальных народов, которые представляет **широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация** [курсив мой. — авт.]» Однако, по мнению авторов постановления, в данный момент состояние внешнеполитической инфор-

¹⁴⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 8.

¹⁴⁶ Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. — май 1941 г. М., 1985. С. 80.

мации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а главное, «освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах». В числе мер, предложенных совещанием, были такие, как подготовка квалифицированных коммунистических кадров журналистов-международников, политизация работы корреспондентов ТАСС за границей, укрепление связей с Коминтерном, Профинтерном, иностранными компартиями и др.¹⁴⁷

Примером «правильной картины мира», представленной в советской прессе, может служить отрывок из воспоминаний Н. А. Седикова¹⁴⁸. Автор воспоминаний несколько лет работал за границей, занимал заметные должности в советском государственном и партийном аппарате. Трудно сказать, как он на самом деле воспринимал «внешний мир»; по крайней мере, в своих недавно опубликованных мемуарах он так воспроизводит свои впечатления от номера «Правды» за 22 июня 1941 г.: «Я получил газету “Правда”, просматриваю — Передовая статья — “Народная забота о школе”. “Пленум Московского областного комитета ВКП(б) об итогах весеннего сева и предстоящей уборке урожая 1941 г.” “Сахарной свекле — образцовый уход”. Лекция — “Свобода и необходимость”. Фотоснимок — новый Киевский стадион. Какое замечательное сооружение! “Подготовка к Всесоюзному дню физкультурника” — это день, который не забывается никогда, который как в зеркале отражает всю нашу прекрасную жизнь. Какой жизнерадостный,

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 444. Л. 114.

¹⁴⁸ Седиков Николай Александрович (1891–1977) — сын политического ссыльного. Окончив профессиональную школу в г. Благовещенске, работал в телеграфных учреждениях дальневосточных городов. С 1917 г. активный участник профсоюза работников связи. Затем заместитель председателя исполкома Зейского горного округа (1919–1920), начальник отделения кадров политотдела 2-й Амурской армии (1920–1922), заведующий отделом кадров Центросоюза (1923), управляющий делами Англо-русского акционерного общества «Аркос» (Лондон, 1924–1927), заместитель начальника отдела кадров Наркомторга СССР и представитель этого ведомства в Латвии (1927–1929), руководитель отделов кадров Внешторга СССР и Наркомзема РСФСР (1930–1933). С 1933 г. в аппарате ЦК ВКП(б). С 1938 г. по болезни на пенсии.

мобилизующий будет фильм об этом празднике. Сколько надежд он несет всему передовому человечеству. Как-то на просмотре такого фильма сидящий со мной рядом рабочий говорит: “Скажи пожалуйста, до чего же хороша жизнь, смотришь на все это и хочется еще больше работать, а ведь для буржуев за границей — это бомба”.

Это у нас, а в капиталистических странах: “Война в Западной Европе”. “Война в Африке, в Средиземном море”. “Война в Сирии, в Китае”. Изуверские, грабительские дела фашистов во Франции, Чехословакии, Польше, Греции, Югославии, Бельгии, Голландии, Норвегии.

Всюду война. Кругом нас разбойничьи дела империалистов. Всюду идет истребление самых лучших, передовых людей и уничтожение ценностей, созданных этими людьми. Капиталисты затеяли очередную грабительскую войну, без которой они не могут существовать.

А мы, социалистическая страна, среди этого старого, прогнившего насквозь и погибающего империалистического мира идем семимильными шагами к завершению той новой жизни, о которой человечество мечтало с древнейших времен, — к коммунистическому обществу»¹⁴⁹.

Изменения происходили и в организации радиовещания. В октябре 1926 г. в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о «Рабочей радиогазете». В материалах, подготовленных к обсуждению ее руководителем А. А. Садовским, утверждалось: «Радиогазета при известных условиях может быть мощным политическим орудием, особенно в моменты крупных международных потрясений (пример: английская забастовка в мае 1925 г.)»¹⁵⁰.

Созданное в 1924 г. акционерное общество «Радиопередача» обладало определенной организационной и творческой самостоятельностью. Постепенно, однако, такая ситуация перестала устраивать политическое руководство. Началась длительная реорганизация радиододела, которая завершилась в январе 1933 г., когда постановлением СНК СССР был образован

¹⁴⁹ Седиков Н. А. «Старики» в Отечественной войне // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 471.

¹⁵⁰ Цит. по: Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2002. С. 248.

Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию. Его первым председателем был назначен П. М. Керженцев.

Одновременно вводилась жесткая цензура микрофонных текстов, в 1932 г. были ликвидированы радиогазеты, в 1936 г. была введена обязательная рассылка микрофонных материалов из Москвы для местного вещания, наконец, в 1937 г. были запрещены радиопереклички¹⁵¹.

Усиливалась централизация в области средств массовой информации (впрочем, как и в других областях). В плане работы ВОКС на 1929–1930 годы необходимость этого мотивировалась следующим образом: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь идет о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей необходима подобная монополия: «Всесоюзное Общество культуры с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач... В виду невозможности допустить бесконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»¹⁵². И впоследствии на протяжении 1930–1940-х годов руководство ВОКС неоднократно претендовало, впрочем, без особого успеха, на монополию в этой области. В частности председатель ВОКС В. С. Кеменов в декабре 1940 г. в обширной докладной записке, направленной секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову и Г. М. Маленкову, негативно оценил деятельность всех прочих учреждений и организаций, причастных к культурной пропаганде за рубежом, и в очередной раз предложил предоставить ВОКС монополию в этой области¹⁵³. Очевидно, что установление более жесткого контроля над всеми сторонами жизни советского общества, в том числе и в области внешнеполитической информации и пропаганды,

¹⁵¹ Подробнее см.: Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. М., 2000.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л 119.

¹⁵³ См.: ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993. С. 317–318.

отвечало не только идеологии и общим интересам режима, но и чисто бюрократическим аппетитам отдельных ведомств.

Специальное постановление ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС «центральной информационным органом Союза ССР», наделив его «исключительным правом а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации»¹⁵⁴. В январе 1935 г. последовало соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР¹⁵⁵.

Ограничения охватывали не только сферу печати и информации. В 1928 г. состоялось Первое всесоюзное партийное киносовещание при ЦК ВКП(б), которое в своем постановлении призвало проводить «решительный курс на дальнейшее сокращение импорта картин, постепенно ограничивая импорт культурными и высокохудожественными фильмами. Однако при обязательном условии идеологической допустимости для нас ввозимых картин»¹⁵⁶.

Разрастался аппарат, осуществлявший цензурные функции.

Уже в декабре 1918 г. вышло «Положение о военно-революционной цензуре», в соответствии с которым цензуре подлежали все книги, издававшиеся в РСФСР. До июня 1922 г. на них ставился обязательный знак «РВЦ №...» (что означало «революционная военная цензура»)¹⁵⁷. В июне 1922 г. декретом СНК РСФСР было образовано Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит), ставшее главным органом советской цензуры, в функции которого входил предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввозом литературы из-за границы.

В декабре 1923 г. К. И. Чуковский записал в дневник свои (может быть, утрированные, но показательные) впечатления от посещения ленинградского Обллита: «Вчера и третьего дня был в цензуре. Забавное место. Слонового вида угрюмый коммунист — без юмора — басовитый — секретарь. Рыло кувшинное, не говорит, а рывкает. Во второй комнате сидит тов. Быстрова, наивная, насвистанная, ни в чем не виноватая, а в

¹⁵⁴ КПСС в резолюциях... М., 1985. Т. 6. С. 81.

¹⁵⁵ См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1935. № 5. Ст. 36 б.

¹⁵⁶ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 169.

¹⁵⁷ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 44–45.

следующей комнате — цензора, ее питомцы: нельзя представить себе более жалких дегенератов: некоторые из них выходили в приемную — каждый — карикатурен до жути...»¹⁵⁸

Уже в 1922–1923 гг. были созданы отделы специального хранения (спецхраны) в Книжной палате, Румянцевской библиотеке (позднее Библиотеке им. В. И. Ленина) в Москве и Публичной библиотеке в Ленинграде для хранения секретной и антиправительственной литературы. С 1923 г. спецхраны из ведения библиотек перешли под контроль Главлита и Главполитпросвета. Постепенно туда же стали поступать практически все эмигрантские и многие иностранные издания. В результате только в спецхране Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в конце 30-х гг. было 4 тыс. иностранных книг¹⁵⁹.

О том, как была организована работа спецхранов, можно узнать из опубликованных материалов Горьковского обллита. Закрытый спецфонд был создан при Горьковской областной библиотеке им. В. И. Ленина в 1936 г. в соответствии с приказом Главлита. К 1947 г. туда было передано почти 18 тыс. экз. печатной продукции. Т. к. каждое издание должно было сохраняться не более, чем в 2 экз., около 4 тыс. «лишних» экз. было уничтожено. Своеобразным «ноу-хау» Горьковского обллита явилось создание временных, «дочерних» спецфондов, или, вернее, «спецшкафов» — такие спецшкафы были созданы при вузовских библиотеках в годы войны, Временно (т. е. на период войны) помещенная в них литература должна была выдаваться лишь по решению дирекции и партбюро вуза.

В спецфонд поступали книги, газеты и журналы, вышедшие в свет, но впоследствии изъятые Главлитом; издания, выпущенные с соответствующими грифами, например, «для служебного пользования», и иностранные издания, пропущенные Главлитом, но с ограничениями; наконец, издания из числа «устаревших, а также не подлежащих выдаче по политическим соображениям», изъятые из библиотек¹⁶⁰.

Массовые чистки библиотечных фондов начали проводиться с 1923 г., хотя изъятия как таковые в соответствии

¹⁵⁸ Чуковский К. И. Дневник (1901–1929)... С. 265.

¹⁵⁹ Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции. М., 1995. С. 162–164.

¹⁶⁰ Общество и власть Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941 г. — 1953 г. М., 2005. С. 733.

с инструкциями Наркомпроса происходили и раньше. В журнале «Красный библиотекарь» даже появилась специальная рубрика «К очистке библиотек».

О том, как происходило изъятие не отвечающих господствующей идеологии книг «на местах», российских и иностранных одновременно, свидетельствует протокол 1928 г., сохранившийся (в единственном экземпляре) в одном из провинциальных архивов.

В комиссию вошли представители Губоно, Губархбюро, губернской библиотеки, ГПУ, Гублита, однако реально присутствовали лишь представители Губоно и библиотеки. Были подготовлены два списка (несколько сотен книг в каждом) — «Для полного изъятия» и «Для передачи губернской библиотеке». При этом предполагалось «литературу, утвержденную к полному изъятию, разрешить реализовать в Госторге, придав непригодный для прочтения вид или уничтожить на месте»¹⁶¹.

Не успели справиться с «чисткой» советских библиотек, особенно в связи с политическими процессами 30-х годов, когда пришлось перевести в спецхраны большую часть политической литературы, изданной в 20-е годы, как возникли новые проблемы.

В 1939–1940 гг. были присоединены Западная Украина и Белоруссия, Бессарабия, прибалтийские страны, а также часть финских территорий. И везде, как в публичных библиотеках, так и в частных домах, как подчеркивалось в письме в «Правду» из Выборга в январе 1941 г., «остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинки, Риге, Берлине». При этом само собой разумелось, что «содержание этих книг — антисоветское... В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять»¹⁶².

В Литве за первое полугодие 1941 г. силами местного Главлита были просмотрены книжные фонды 71 библиотеки,

¹⁶¹ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1498. Л. 21 об.

¹⁶² Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 226.

52 книжных магазинов, изъято около 27 тыс. книг, отобрано для пересмотра 30 тыс.¹⁶³

Помимо географии, на цензуру, по-прежнему, действовала и политика. Сближение с гитлеровской Германией привело к тому, что в феврале 1940 г. в «Список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотек» попали труды Н. Корнева «Третья империя в лицах» (М., 1937) и Э. Отвальта «Путь Гитлера к власти» (М., 1933). Причиной послужило то, что автор первой книги «очень остро говорит об изуверстве германского фашизма и непрочности той базы, на которой держится фашизм. В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике», а во второй книге «имеется ряд мест, которые сейчас, после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны... Плохо говорится о Гитлере (на многих страницах)»¹⁶⁴.

Вскоре, в связи с указаниями Главлита, были сданы в макулатуру как «устаревшие» многие книги и брошюры издания 1938–1939 гг. Это были книги антифашистского характера, в том числе принадлежавшие перу видных деятелей западных компартий, в том числе М. Тореза. Тогда же большое количество книг о фашизме было переведено в спецхран.

Впрочем, отношения советской цензуры с гитлеровской Германией были гораздо сложнее, чем может иногда показаться. В январе 1941 г. литовский Главлит буквально искромсал несколько номеров местной газеты на немецком языке, «Дейтше Нахрихтен фюр Литauen», вычеркивая из них такие, в частности, пассажи: «Немец не желал войны. Ему эта война была навязана миром, ненавидевшим всей душой новую Германию, как предтечу и носителя новой идеи, нового, лучшего мирового порядка... Мы будем иметь европейско-африканские, российско-азиатские и американские пространства». Убирались упоминания о высоком уровне социального обеспечения в гитлеровской Германии. Наконец, передовая статья «Истинные пути национал-социалистического народа» была снята целиком, «как проводящая агитацию за фашизм и расхваливающая Гитлера»¹⁶⁵.

¹⁶³ LYA. F.1771. Ар. 2. В. 383. L. 122.

¹⁶⁴ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 291.

¹⁶⁵ LYA. F. 1771. Ар. 2. В. 383. L. 84–86.

Буквально накануне войны очередь дошла и до букинистических магазинов. В первой половине 1941 г. сотрудники Мособлгорлита дважды проводили их проверку. «Результаты удручающие: масса книг на иностранных языках — без штампа. В “Лавке писателей” обнаружено 50 томов иностранных книг, причем 2 из них с антисоветским содержанием... через 3 месяца в той же лавке обнаружены не представлявшихся на контроль Мособлгорлита 400 экз. русской литературы и 100 иностранной, причем 4 из них подлежат изъятию»¹⁶⁶. Другими словами, «удручающими» оказалось не количество книг, «подлежащих изъятию», а количество книг, вполне безобидных, но не просмотренных цензором.

Изъятие книг на вновь присоединенных территориях еще продолжалось, когда началась война, и многие регионы оказались под нацистской оккупацией. В результате все пришлось повторять заново; так, только в освобожденной Литве республиканский Главлит в 1944–1945 гг. ударными темпами изъяс практически всю литературу, изданную за годы оккупации (свыше 3,5 млн экз.) и продолжал изъятие оставшихся книг и прочих изданий уже досоветского периода. В отчете особо подчеркивалось, что букинистические магазины проверялись трижды в неделю. Очевидно, опыт, полученный в предвоенной Москве, был учтен работниками литовской цензуры...¹⁶⁷

* * *

Исследователи уже обратили внимание на значительное сходство между функциями и приоритетами дореволюционной и послереволюционной цензуры. Так, с 1828 по 1917 годы все иностранные издания, ввозимые в Россию, делились на 4 категории — а) разрешенные к свободному распространению; б) запрещенные совершенно; в) запрещенные для широкой публики; г) разрешенные с изъятиями (т. е. из них вырезались или замазывались фрагменты). Причины для изъятия могли быть следующими: 1. Пренебрежение к русскому и другим царствующим домам. 2. Сопrotивление существующему социальному порядку. 3. Изображение русских как варваров. 4. Идеи,

¹⁶⁶ Блюм А. В. Цензура в СССР. С. 315.

¹⁶⁷ См.: Tininis V. Komunistinio rezimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953. T. 3. Vilnius, 2003. P. 168–169.

оскорбляющие религию и нравственность. В советское время были примерно те же категории, причем «не для публики» означало помещение книги или периодики в отдел специального хранения, а изъятия стали делаться уже в процессе перевода, и, по мнению американской исследовательницы М. Т. Чолдин, сохранялись примерно те же причины для запрещения¹⁶⁸. Вместе с тем цензура была гораздо более размытой, закрытой, распространенной, дополнялась самоцензурой, что, в частности, дало М. Т. Чолдин повод ввести новый термин — **всецензура**¹⁶⁹.

В «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)», принятом в июне 1922 г., определялись следующие критерии для запрещения издания и распространения произведений: агитация против советской власти, разглашение военных тайн республики, возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений и порнографический характер произведения¹⁷⁰.

В интересной, насыщенной фактическим материалом, но несколько односторонней в своих оценках и выводах монографии В. А. Иванова утверждается (в соответствии с общими взглядами автора на роль органов ОГПУ-НКВД в советской системе), что уже с зимы 1931 г. органы госбезопасности, отстранив Обллиты, безраздельно управляли сферой цензуры¹⁷¹. В подтверждение автор приводит полный текст телеграммы Секретно-оперативного управления ОГПУ (декабрь 1930 г.), где содержался перечень фильмов, которые не должны были быть допущены на экран¹⁷². В. А. Иванов, однако, проигнорировал тот факт, что СОИ ОГПУ в своей телеграмме ссылалось на соответствующее распоряжение Главреперткома¹⁷³. Другими

¹⁶⁸ Цензура в царской России и Советском Союзе... С. 9.

¹⁶⁹ Там же. С. 10.

¹⁷⁰ История советской политической цензуры... С. 36.

¹⁷¹ Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 45.

¹⁷² Там же. С. 413.

¹⁷³ Главрепертком — Комитет по контролю за репертуаром, создан постановлением СНК СССР в феврале 1923 г. при Главлите. Состоял из трех членов — председателя (от Главлита) и 2 членов (от Главполитпросвета и НКВД). На Комитет возлагалось разрешение к постановке драматических, музыкальных и кинематографических произведений и составление и публи-

словами, решения все же принимались органами цензуры, ОГПУ лишь контролировало их выполнение по своим каналам.

Тем не менее, руководство Главлита, время от времени, пыталось превратить свое ведомство в некое «сверхминистерство цензуры». Так, в апреле 1933 г. в секретной записке начальника Главлита Б. М. Волина в Политбюро предлагалось «на базе Главлита РСФСР создать Объединенный Главлит Союза при Совнаркоме СССР (или ЦИК) с Главлитами союзных республик (непосредственно подчиняющимися центру) при соответствующих Совнаркомах или ЦИК'ах...»¹⁷⁴

Предложение не было принято, однако уже в октябре 1933 г. начальник Главлита был одновременно назначен уполномоченным СНК по охране государственных тайн с образованием соответствующих самостоятельных отделов, причем их личный состав считался состоящим на действительной военной службе. Решение было утверждено Политбюро.

В 1936 г. комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) предложила проект постановления ЦК о Главлите. Речь шла о выводе Главлита из системы Наркомпроса и превращение его в Главное управление по делам цензуры при СНК СССР. Еще более функции Главлита предполагалось расширить в проекте, подготовленным руководством управления в 1938 г. В них должно было войти изъятие и конфискация произведений печати и искусства, общий контроль за выполнением решений партии и правительства о печати, зрелищах, радиовещании и т. д. Хотя эти проекты не были реализованы, они достаточно адекватно отражали господствующие тенденции в цензурной политике тех лет. Аппарат Главлита рос так быстро, что в 1938 г. его начальник Н. Г. Садчиков обратился к председателю Совнаркома В. М. Молотову с просьбой дать согласие на строительство специального «дома цензуры», в котором предполагалось разместить Главлит и переданную ему Книжную палату¹⁷⁵.

В материалах Свердловского Обллита сохранились «Списки запрещенных иностранных книг», которые рассылала Ино-

кация списков разрешенных и запрещенных произведений. В апреле 1928 г. ГРК был переподчинен Главискусству при Наркомпросе, в 1934 г. преобразован в Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром при Наркомпросе.

¹⁷⁴ История советской политической цензуры... С. 298.

¹⁷⁵ Там же. С. 65–67, 10, 313.

странная группа Главлита, с ноября 1932 по октябрь 1933 г. Цензоры проверяли книги на немецком, французском, английском, реже польском, чешском, финском, итальянском языках, даже на языке эсперанто, и очень редко — на русском (эмигрантские издания). Все книги по результатам проверки были разделены на три категории: допущенные к распространению в СССР; не допущенные к распространению; допущенные в единственном экземпляре только адресату для индивидуального использования, но не распространения. В результате за 12 месяцев из 1221 книги, прошедших цензуру, было допущено 635 (52%), не допущено 484 (39,6%), допущено в единственном экземпляре 102 (8,4%)¹⁷⁶.

О масштабах деятельности Главлита свидетельствует тот факт, что, по свидетельству его руководства, по цензурным соображениям в 1938 г. было уничтожено до 10% всей печатной продукции, выписываемой из заграницы (подобные меры обходились государству до 250000 золотых рублей в год). В 1939 г. из-за границы было получено примерно 2 млн 360 тыс. экземпляров газет, журналов, книг и брошюр. Из этого числа цензура проверила около 613 тыс. контрольных экземпляров. В результате 44 тыс. названий были запрещены для широкого пользования, а 17,5 тыс. конфискованы и уничтожены (в сумме — те же 10% от числа проверенных изданий)¹⁷⁷.

Ситуация усугублялась крайне низким культурным и образовательным уровнем советских цензоров.

В уже упоминавшихся дневниках К. И. Чуковского описана такая сценка, подсмотренная в ленинградском Обллите 16 декабря 1923 г.: «Я видел кандидатов: два солдафона в бараньих шапках стояли перед Быстровой [сотрудник Обллита. — А. Г.], и один из них говорил:

— Я теперь зубрю, зубрю и скоро вызубрю весь французский язык.

— Вот тогда и приходите, — сказала она. — Нам иностранные (цензора) нужны...

— А я учу английский, — хвастанул другой.

— Вот и хорошо — сказала она»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 2. Д. 34. Л. 1-110.

¹⁷⁷ История советской политической цензуры... С. 311, 326.

¹⁷⁸ Чуковский К. И. Дневник (1901-1929)... С. 265-266.

Неудивительно, что история советской цензуры изобиловала различными казусами; так, в августе 1925 г. Главрепертком потребовал снять из репертуара Ленинградского академического театра драмы (бывшего Александринского) пьесу Оскара Уайльда «Идеальный муж» как «утверждающую парламентаризм»¹⁷⁹.

В конце 1935 г. Комиссия партийного контроля и отдел печати и издательств ЦК ВКП(б) проверяла работу Главлита. В отчете о проверке утверждалось, что «состояние цензуры в стране является совершенно неудовлетворительным». В центральном аппарате Главлита было 4 сектора — политико-экономический, художественный, сельскохозяйственный и, наконец, так называемый краевой сектор, просматривающий всю литературу, издающуюся в краях и областях. При этом в политико-экономическом секторе не было ни одного экономиста, в художественном секторе (за исключением начальника сектора) ни один цензор не имел специальной подготовки. «Если положение с цензурой в центре явно неудовлетворительно, то на местах, а особенно в районах, оно является прямо катастрофическим» — подчеркивали авторы отчета. Из 3250 райуполномоченных Главлита лишь 297 человек были освобожденными работниками, остальные работали в цензуре по совместительству. «Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в большинстве случаев недооценивают работу по цензуре, совсем не дают на нее работников или дают людей проштрафившихся, ни к какой работе вообще не способных» — заключали проверяющие¹⁸⁰.

Этот общий вывод можно проиллюстрировать, в частности, материалами обследования Удмуртского обллита в марте 1934 г. Предварительной цензурой в районах области занимались 13 человек, из них 12 по совместительству (в т. ч. 7 заведующих РОНО). С высшим образованием — 1 человек, со средним — 8, с низшим 2. Два человека получили свое образование в совпартшколе. В областном аппарате работали 2 человека, начальник Обллита (образование — заочный комвуз, стаж работы 4 года), и цензор (образование низшее, стаж работы 1 месяц)¹⁸¹.

¹⁷⁹ Блюм А. В. Цензура в СССР... С. 90.

¹⁸⁰ Цит. по: Общество и власть... С. 114–116.

¹⁸¹ ЦГАУР. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 54. Л. 60–61.

Если верить новому (с 1938 г.) начальнику Главлита Н. Г. Садчикову, после репрессий 1937–38 гг., в ходе которых только в центральном аппарате Главлита была репрессирована треть сотрудников, «качественный состав работников цензуры» был «значительно укреплен»¹⁸². Однако на практике наблюдалась, скорее, обратная тенденция: в 1938 году 75,7% работников Главлита имело среднее и высшее образование, в 1939 г. 73%, в 1940 г. лишь 55%. При этом 60% работников цензуры имели стаж работы до 1 года, и только 12% работали в цензуре более трех лет¹⁸³. По данным годового отчета Свердловского обллита за 1939 г., из более, чем 80 сотрудников высшее образование имело 2, среднее 17; при этом лишь 20 человек работали в цензуре больше двух лет (и лишь 4 из них — с 1936 г.)¹⁸⁴

Сам Садчиков, партийный работник из Ленинграда, возглавлявший Главлит до конца 1944 г., отнюдь не был исключением. Впечатления от личной беседы с ним зафиксировал в своем дневнике 9 февраля 1938 г. академик В. И. Вернадский. Садчиков, в частности, был уверен, что «Манчестер Гардиан» — «английский реакционный журнал». По данному поводу Вернадский иронически заметил в упомянутой дневниковой записи: «И в руках этих гоголевских типов — проникновение к нам свободной мысли!»¹⁸⁵

Неудивительно поэтому случаи, когда, например, один из районных цензоров г. Ворошиловска (ныне Алчевск) предлагал изъять из местного музея бюст Аристотеля, а в Московской области был отмечен «случай запрещения передачи по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист»¹⁸⁶.

* * *

Как ни ограничивалось поступление информации из-за рубежа, еще больше ограничений с самого начала существовало

¹⁸² История советской политической цензуры... С. 319.

¹⁸³ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 45.

¹⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 18. Л. 29.

¹⁸⁵ Цит. по: Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 12.

¹⁸⁶ Невежин В. А. Синдром наступательной войны... С. 45; ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 75. Л. 38.

в сфере личных контактов. «Любая связь с заграницей квалифицируется также как нарушение закона, как и контакты с зарубежными представителями в СССР», — писал в августе 1927 г. глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса¹⁸⁷ (на самом деле, очевидно, имелась в виду статья УК РСФСР 58-3, где речь шла о «сношениях **в контрреволюционных целях** [курсив мой. — А. Г.] с иностранным государством или с отдельными его представителями», вступившей в действие в июне 1927 г.)¹⁸⁸

Значительное число советских граждан поддерживало отношения с родственниками, оказавшимися за границей (чаще всего речь шла о государствах, образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи — Польше, Финляндии, странах Прибалтики).

При этом вся международная переписка (за исключением правительственной, дипломатической и частной переписки «правительственных лиц РСФСР по особому списку») подлежала обязательной перлюстрации¹⁸⁹. Занимались перлюстрацией информационный отдел ВЧК, позднее отдел политконтроля ОГПУ, секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, 2-й спецотдел НКВД. Делались достаточно обширные выписки из писем, некоторые из них, в частности письма «с восхвалениями существующего режима в капиталистических странах», конфисковывались; к проверенным письмам прилагался специальный меморандум, включавший в себя имена и адреса отправителя и получателя, а также отдел ОГПУ-ГУГБ, куда в случае необходимости передавался меморандум. Данные о результатах перлюстрации поступали также (хотя и нерегулярно) в партийные органы¹⁹⁰.

Необходимо отметить, что отношение к перлюстрации в обществе было далеко не однозначным. В ходе обсуждения

¹⁸⁷ Цит. по: Шишкин В. А. Указ. соч. С. 159.

¹⁸⁸ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

¹⁸⁹ Измозик В. С. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: исторический альманах. 21. СПб., 1997. С. 162–164.

¹⁹⁰ См.: Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // The Russian Review. Vol. 55. April 1996. P. 288. Существуют очень интересные воспоминания бывшего советского цензора, в которых система перлюстрации, в том числе международной корреспонденции, описана во всех подробностях; к сожалению, они относятся уже к первым послевоенным годам. См.: Авзегер Л. Я вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // Источник. 1993. № 0. С. 41–57.

проекта новой Конституции в октябре 1936 г., например, высказывались такие предложения: «После слова: “неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом” закончить словами: “если эта переписка не направлена против государства”. Дополнить: всю переписку с заграницей проверять и тем самым повысить бдительность в охране интересов нашей Родины... Или: “Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом” — добавить: “только внутри СССР”. Письма, посылаемые за границу, должны обязательно просматриваться нашими соответствующими органами»¹⁹¹.

Время от времени (в зависимости от ситуации внутри страны) требования к перлюстрации ужесточались. Так, в 1927–1929 гг., в условиях «сплошной коллективизации», ОГПУ распорядилось за счет уменьшения читки международной корреспонденции усилить просмотр внутренней корреспонденции, в частности идущей в армию¹⁹². Но уже в январе 1930 г., рассматривая вопрос об операции по ликвидации кулачества, коллегия ОГПУ предложила «на время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить стопроцентный просмотр писем, идущих в Красную Армию, а также **усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы** [курсив мой. — А. Г.]»¹⁹³

В результате цензоры ОГПУ обнаружили все возрастающее количество писем, идущих из деревни за границу, с применением техники тайнописи (писали молоком, использовали и другие органические вещества). В результате была усилена работа спецлабораторий и, одновременно, — «контрразведывательные мероприятия» по поиску и «разработке» авторов писем. Одновременно было усилено внимание к деятельности радиолюбителей, которые также время от времени передавали короткие сообщения о репрессиях, о продовольственных трудностях и пр. своим зарубежным коллегам. Любопытно, что и радиолюбители, и их радиостанции отнюдь не были запрещены. Они были отнесены к категории государственного резерва

¹⁹¹ Общество и власть. Российская провинция. 1930 — июнь 1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 417–418.

¹⁹² Иванов В. А. Указ. соч. С. 32.

¹⁹³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (ТСД). Т. 2. С. 155.

для связи на случай войны. Однако среди них была создана сеть осведомителей, установлено постоянное наблюдение и налажен строгий учет¹⁹⁴.

Тем не менее, в ряде западных стран стали появляться в прессе разоблачительные материалы, основанные на свидетельствах из СССР, что вызывало, опять-таки, соответствующую реакцию ОГПУ по усилению контроля.

Неудивительно, что связи с границей, даже родственные, зачастую воспринимались как «пятно» в анкете. Так, в апреле 1928 г. в материалах полпредства ОГПУ по Сибирскому краю, посвященных специалистам Кузбасстреста, особо подчеркивалось: «ранее работал в Германии, где и учился... Выписывает немецкую литературу... С проживающими в Германии и Англии родственниками ведет переписку»¹⁹⁵.

Получение помощи от родственников из-за рубежа уже являлось преступлением. Только в Ленинграде и Ленинградской области за связь с белой эмиграцией в 1935 г. было репрессировано около 2000 человек, в основном т. н. «бывших», при этом свыше 700 были обвинены как «контрреволюционеры, существующие на средства иностранных фирм и зарубежных родственников»¹⁹⁶.

Не спасали даже относительно высокие посты: в 1937 г. был исключен из партии и снят с должности председатель одного из райисполкомов Омской области Безденежных за то, что «имел жену польку, мать жены по 1937 г. включительно вела переписку с Польшей, о чем Безденежных знал, но мер к прекращению этой переписки не принял»¹⁹⁷. И подобных примеров можно привести огромное количество.

Профессиональные связи и связи «по интересам» также вызывали пристальное внимание «компетентных органов». В 1932 г. было закрыт основанный в 1908 г. Союз эсперантистов. Даже международные контакты филателистов вызывали подозрения; так, в 1931 г. был арестован известный филателист, у которого изъяли 79 листов филателистической переписки. Этого оказалось достаточно для обвинения и осуждения

¹⁹⁴ Иванов В. А. Указ. соч. С. 41–42, 46–47.

¹⁹⁵ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926–1932. Сборник документов. Новосибирск, 1999. С. 144–145.

¹⁹⁶ Иванов В. А. Указ. соч. С. 89.

¹⁹⁷ ЦДООСО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1310. Л. 100.

на 10 лет «за участие в антисоветской организации». В 1934 г. подозрения местных чекистов вызвала переписка заведующего Ливенской электростанцией со своими коллегами из Франции: «связан письменной связью с заграницей — Франция, Париж, что не исключает возможности шпионажа». В результате заведующий был уволен с должности начальника электростанции и стал простым электриком, а позднее был репрессирован и погиб¹⁹⁸.

Иногда подобные обвинения принимали анекдотические формы. Так, в ходе обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова в феврале 1935 г. на одном из пермских заводов был поставлен вопрос о необходимости увольнения «двурушника и контрреволюционера» инженера Радина. Выступавший привел следующий аргумент: «Сегодня я получил ответ из библиотеки, поинтересовался — какие иностранные журналы выписываются. Мне говорят, что Радин просил выписать журнал “Философик”. Скажите пожалуйста, зачем ему понадобилось импортировать философию из-за границы, да тем более из фашистской Германии»¹⁹⁹.

Впрочем, несмотря ни на что, до конца 30-х годов подобные связи были не столь уж редким явлением. В документах НКВД время от времени фиксировалось недовольство, вызванное пристальным вниманием ко всем, имеющим связи с заграницей²⁰⁰. В декабре 1937 г. в ходе выборов в Верховный Совет СССР выяснилось, что в одном из московских институтов «из 11 ч. агитаторов не оказалось ни одного человека, у которого не было бы хвостов», а именно: «Мать и сестра в Латвии, с которыми она поддерживает связь... Имеет родственников в Латвии, имеет с ними связь... Мать живет в Польше, с которой он держит связь... два брата за границей, поддерживает с ними связь» и т. д.²⁰¹

По данным наркомата связи, к лету 1941 г. ежедневно из СССР за границу отправлялось в среднем 1,5 тыс. телеграмм и 33 тыс. писем, поступало соответственно 1 тыс. телеграмм

¹⁹⁸ Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. Орел, 2003. С. 83, 291.

¹⁹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 133.

²⁰⁰ См., напр.: ЦГАИПД СПб., Ф. 24. Оп. 5. Д. 2714. Л. 99.

²⁰¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 16. Л. 117–119.

и 31 тыс. писем; очевидно, впрочем, что в это число входила и разного рода деловая переписка между учреждениями²⁰².

Порой информация, все же поступавшая таким путем из-за границы, приходила в прямое противоречие с официальной пропагандой; так, одна из жительниц Вологды осенью 1937 г. заявила: «Зря вы говорите о голоде и нищете за границей, т. к. мне пишут оттуда и там все дешевле, чем здесь, и денег присылают». А некая гражданка Тихонова из Удмуртии рассказывала, что «ее брат живет в Сан-Франциско, он надавит на кнопку и ему все готово, имеет свою автомашину»²⁰³. Неслучайно в годы «ежовщины» подобные контакты послужили основой для многих уголовных дел с трагическим исходом²⁰⁴.

Постепенно под жестким контролем оказались все заграничные поездки независимо от их цели²⁰⁵. С апреля 1919 г. право выдачи заграничных паспортов принадлежало только НКВД. В июне 1922 г. были введены новые правила, ужесточившие порядок получения разрешения на выезд. В частности, требовалось получить удостоверение ГПУ об отсутствии препятствий для выезда, а для получения подобного удостоверения необходимо было представить, помимо различных справок и свидетельств, поручения двух граждан РСФСР²⁰⁶. Другими словами, речь шла о введении своеобразной «круговой поруки». Примерно то же самое предлагал в мае 1921 г. нарком просвещения А. В. Луначарский: «установить для всех, желающих выехать за границу артистов очередь при Главном художественном комитете, отпускать их по 3 или 5, с заявлением, что вновь отпускаться будут только лица после возвращения ранее уехавших. Таким образом мы установим естественную круговую поруку. Отправлять будем только по ходатайству артистов, может быть через профессиональный союз или через госкоммуны, так что они сами будут виноваты, если из первой пятерки кто-либо останется за границей, и таким образом они автоматически закупорят для себя отъезд»²⁰⁷.

²⁰² История советской политической цензуры... С. 86.

²⁰³ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 940. Л. 56; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 350. Л. 48.

²⁰⁴ См.: Общество и власть... С. 182–183.

²⁰⁵ Об ограничениях, существовавших в этом отношении до революции, см.: Мэтьюс М. Ограничения свободы проживания и передвижения в Советском Союзе (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 26–27.

²⁰⁶ См.: Павлова И. В. Указ. соч. С. 44.

²⁰⁷ История советской политической цензуры... С. 422.

В соответствии с решением, принятым в 1928 г., членам ВКП(б) для частной поездки за границу требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции — одного из 9 крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)²⁰⁸.

Всего в 1925–1927 гг., например, из СССР выехало немногим более 140 тыс. человек, а въехало около 130 тыс. (примерно 10 тыс., по-видимому, эмигрировали). Однако в эти 130 тыс. входят все поездки, как частные, так и «по казенной надобности»²⁰⁹.

Можно утверждать, что, в результате целого комплекса ограничительных мер, частные поездки за границу постепенно становятся исключительно редким явлением. Так, в апреле 1934 г. советский полпред в Швеции А. М. Коллонтай обратилась к заместителю наркома иностранных дел Б. С. Стомонякову по поводу ограничений, наложенных шведами на въезд советских граждан (речь шла о специальном дискриминирующем штампе в заграничных паспортах): «Сначала нам удалось довольно быстро заставить МИД сделать исключение из изданного им общего правила... для тех союзных граждан, которые едут по поручению каких бы то ни было наших учреждений и органов. Позже НКВД счел необходимым поставить перед нами задачу освободить от данного штампа и остальных советских граждан, т. е. едущих в Швецию по исключительно личным делам, без каких бы то ни было поручений и командировок. **Число таких лиц, естественно, можно считать единицами (мы тут по крайней мере таких случаев просто не знаем)**» [курсив мой. — А. Г.]²¹⁰

Таким образом лишь небольшая часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем как правило речь шла о служебных командировках. Необходимо, однако, избегать преувеличений. И. В. Павлова, например, утверждает, что «число желающих временно выезжать за границу, **в том числе и в командировки**, чрезвычайно сократилось, а в конце 1920-х гг. **исчезла сама мысль о возможности таких поездок** [курсив мой. — А. Г.]»²¹¹. Очевидно,

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 345. Л. 50.

²⁰⁹ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 70.

²¹⁰ ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 773.

²¹¹ Павлова И. В. Указ. соч. С. 44–45.

что при наличии хотя бы некоторого числа «таких поездок» (что несомненно, и чему можно привести множество примеров), не могла исчезнуть и мысль о них.

Тем не менее, контроль даже и за служебными командировками постоянно ужесточался. В 1920-е годы нередко были случаи, когда командированные или сотрудники советских учреждений за границей совершали должностные преступления, растрачивали казенные деньги, наконец, отказывались возвращаться в СССР (только по линии Наркомата торговли в 1920-е годы насчитывалось более 100 «невозвращенцев»). С точки зрения советской партийной номенклатуры, специфика «заграничной» жизни, изобилующей соблазнами, сама толкала на преступления. Вот как красочно формулировала свои выводы в 1928 г. комиссия Замоскворецкого РК ВКП(б), обследовавшая партийную ячейку Наркомата торговли (стилистика и орфография документа сохранены): «Условия жизни командированных за границу предрасполагают к загниванию работника. У партийца за отсутствием партнагрузок — много свободного времени. Серьезные занятия (изучение местной культуры, театры, собрания, общения с рабочими) чаще всего недоступны и по незнанию языка и по политическим соображениям. Хороший оклад и наличие свободных денег в кармане толкает его в кафе, в кабаре, в магазины, втягивает в мещанский образ жизни (хождение в гости к русским товарищам, игра в карты, частые выпивки). Во внерабочее время лишь небольшая часть втягивается в работу учреждения, в общественную жизнь и партработу. Изучением языка, самообразованием точно так же занимаются лишь отдельные единицы. Сравнительно большое количество белоэмигрантов западноевропейских столиц всемерно стараются проникнуть в соваппарат. Очень легко устанавливают знакомства с работающими в советских органах и затем использует сотрудника в своих интересах, содействуя созданию условий, в которых успешно произрастают факты измен не только беспартийных, но и членов партии; факты перебежничества командированных, злоупотреблений, что имело место во всех странах»²¹².

Постепенно выстраивалась централизованная и очень жесткая система отбора сотрудников для работы за границей.

²¹² РГАЭ. Ф. 4083. Оп. 11. Д. 113а. Л. 20.

В начале 1930-х гг. существовала специальная комиссия ОГПУ, в которую входили также представители ЦК и учреждения, которое командировало сотрудника, причем решающее слово принадлежало ОГПУ²¹³. Затем была сформирована «комиссия по выездам» из представителей Орграспредотдела ЦК, ЦКК и ОГПУ. В мае 1934 г. она была ликвидирована постановлением Политбюро и образована комиссия ЦК ВКП(б) под руководством секретаря ЦК А. А. Жданова. В нее вошли заместитель председателя Совнаркома В. И. Межлаук, заместитель председателя Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов, заведующий Особым сектором ЦК А. Н. Поскребышев, заместитель председателя ОГПУ Я. С. Агранов. В декабре 1934 г. в связи с отбытием Жданова в Ленинград председателем комиссии был назначен Ежов. В апреле 1937 г. был утвержден новый состав комиссии — секретарь ЦК А. А. Андреев, А. С. Агранов, А. Н. Поскребышев.

Всем наркоматам, центральным и местным организациям запрещалось отправлять за границу представителей, группы или делегации без санкции комиссии, причем та должна была «решать вопрос о командировках за границу не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»²¹⁴.

Порядок работы комиссии, установленный в 1937 г. — сначала рассмотрение вопроса о данной командировке на основе личного доклада соответствующего наркома и заключения НКВД, затем утверждение решения комиссии на Политбюро²¹⁵. Все командированные были «обязаны являться в Комиссию по выездам для получения инструкции как себя держать с иностранцами за границей»²¹⁶.

Состав различных (дипломатических, научных, общественных и т. д.) делегаций, вплоть до технических работников, персонально утверждался Политбюро.

Сохранились многочисленные обращения крупнейших деятелей советской науки с просьбой разрешить им заграничную

²¹³ Агабеков Г. Секретный террор. М., 1998. С. 12.

²¹⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 70.

²¹⁵ Протоколы Политбюро, относящиеся, в частности, к поездкам за границу советских ученых, собраны и опубликованы В. Д. Есаковым. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1922–1952. М., 2000.

²¹⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 72.

командировку. Как правило, все зависело от личного статуса ученого и от отношения к нему на данный момент влиятельных членов Политбюро. «Право выезда за границу, неразрывно связанное с правом полного научного общения в мировой научной среде, является для меня элементарной необходимостью [подчеркнуто в документе. — А. Г.] *Я могу жить в стране, где этого права нет, только при условии фактического его для меня осуществления, как это было до сих пор* [курсив мой. — А. Г.]», — писал академик Вернадский неперемому секретарю АН СССР В. П. Волгину в июне 1930 г. В течение ряда лет «невъездным» был академик Е. В. Тарле. В январе 1935 г. он обратился к В. М. Молотову с письмом, в котором сообщал, что приглашен для чтения лекций в Сорбонну. Однако нарком просвещения А. С. Бубнов счел «нецелесообразным разрешать поездку проф. Тарле... это человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист». В результате Тарле решением Политбюро было отказано²¹⁷.

Но и возвратившись из служебной командировки, советские граждане вряд ли могли широко делиться своими впечатлениями; по крайней мере, разведчикам, вернувшимся из-за рубежа, категорически запрещалось сравнивать советскую и западную действительность²¹⁸.

Зачастую подобная практика приводила к обратным результатам: люди, побывавшие за границей, не могли удержаться, чтобы не рассказать об увиденном. Конечно, их рассказы, порой преувеличенные, воспринимались по-разному. «Вот результат нашей дурацкой пропаганды. Твердим, что в капиталистических странах все плохо. Советские люди представляют себе, что в Америке все голодные, раздетые, живут в трущобах, и, приехав сюда, теряют всякое чувство пропорции» — комментировал подобные рассказы современник²¹⁹.

Любопытно, что подобного, т. е. прямо противоположного желаемому, результата иногда достигала и западная пропаганда, неадекватно освещавшая ситуацию в СССР. Немецкий журналист писал в 1925 г.: «Когда иностранец приезжает в Россию

²¹⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б)... С. 97, 192.

²¹⁸ См.: Вайль Б. Судьба Александра Улановского // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 158; Старков Б. А. Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад. Сборник статей. СПб., 1996. С. 205.

²¹⁹ Улановские Н. и М. История одной семьи. М., 1994. С. 102.

и вместо ужасающих картин, рисуемых этой пропагандой, находит нормальную жизнь, то он бывает так удивлен, что закрывает зачастую глаза на все отрицательные стороны русской жизни»²²⁰.

Постепенно сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. Уже в начале 30-х годов ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве практически не осталось большевиков, прошедших эмиграцию (единственным и вполне объяснимым исключением был М. М. Литвинов). В декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э. Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырёх жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей во все не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...»²²¹

На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики в марте 1935 г. председатель КПК Н. И. Ежов «сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»²²². Выступая на февральско-мартовском 1937 г. пленуме ЦК, Л. М. Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»²²³. В записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. З. Мехлиса, датированной октябрём 1937 г., подчеркивалось, что «кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми», в частности один из цензоров иностранных газет «владеет 9 языками, до 1927 г.

²²⁰ Цит. по: Кузьмин М. С. Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917–1932). Л., 1971. С. 28.

²²¹ Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 121.

²²² Соловьев А. Г. Указ. соч. С. 178.

²²³ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 26–27.

ездил по различным странам (Литва, Германия, Англия), нуждается в серьезной проверке»²²⁴.

Отдельной и слабо изученной темой является история пребывания иностранных граждан в СССР. Существует ряд работ, в том числе и очень основательных, посвященных частным аспектам этого вопроса²²⁵, а также документальные публикации, прежде всего в региональных изданиях. Однако общая картина по-прежнему остается неясной.

Возьмем хотя бы количественный аспект. В течение многих лет в отечественной литературе фигурировали следующие цифры: на протяжении 1920–30-х гг. СССР посетили примерно 100 тыс. иностранцев или в среднем 5 тыс. человек в год²²⁶. Данная цифра была приведена в статье В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара без какой-либо ссылки на источники и должна была иллюстрировать «закрытость» советского общества, наличие «железного занавеса». Так, авторы подсчитали среднее количество «посетителей» не только за год, но даже и за день, просто разделив 5 тысяч на 365, получив, таким образом, ничтожное количество — 13–14 человек. Особо отмечалось, что «возможности их перемещения по стране были строго ограничены и находились под неусыпным контролем соответствующих ведомств»²²⁷. Эти подсчеты с тех пор вошли в научный оборот и фигурировали в различных изданиях (в частности, на них неоднократно ссылался и автор данной работы).

Обращение даже к вполне доступным источникам дает иную картину. Так, например, только в 1923 г. советские порты посетило около 1400 иностранных судов (и, соответственно, никак не менее, а вернее всего много более 10 тыс. моряков)²²⁸. В 1925–1927 гг. в СССР въехало примерно 190 тыс. иностранных подданных, а выехало соответственно 170 тыс.²²⁹

²²⁴ История советской политической цензуры... С. 68–69.

²²⁵ См., например: Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000.

²²⁶ Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. Вып. 1. М., 1924. С. 259.

²²⁹ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 70–71 (таблица «Миграция через границы СССР за 1925–1927 гг. по подданству»).

Если посмотреть по годам, динамика получается следующей. В 1925 г. в СССР въехало около 50 тыс. иностранных подданных и примерно столько же выехало; в 1926 г. въехало 65 тыс., а выехало около 50 тыс., и, наконец, в 1927 г. въехало 70 тыс. человек, выехало чуть меньше. Правда, значительную часть иностранцев составляли китайские подданные, которые как раз чаще других оставались в стране. Но даже если брать лишь европейские страны и США, получаем следующую картину (имеется в виду, разумеется, подданство, а не национальность приезжавших). За три года в СССР побывало свыше 11 тыс. немцев, более 10 тыс. латышей, свыше 5 тыс. эстонцев, около 4 тыс. финнов, 3,5 тыс. граждан Чехословакии, свыше 2 тыс. англичан, примерно столько же американцев и литовцев, по 1,5 тыс. французов, австрийцев, шведов, по 1 тыс. итальянцев и датчан, и некоторые другие, то есть всего около 50 тыс. человек²³⁰.

Что касается предыдущих и последующих лет, точных цифр пока найти не удалось, однако можно попытаться хотя бы определить тенденцию. Так, только в Ленинграде и Ленинградской области в 1935 г. было принято на учет почти 12 тыс. иностранцев (в том числе свыше 9 тыс. туристов), а снято с учета чуть меньше 13 тыс. При этом 22% составляли финские подданные, 16% немецкие²³¹.

Количество иностранных граждан, живущих в СССР, с 1926 по 1937 год уменьшилось примерно вдвое (подробнее речь об этом пойдет далее); можно предположить, что соответственно уменьшился и въезд. Но и в этом случае речь идет о многих сотнях тысяч человек за период с 1922 по 1939 годы.

Цифра в 100 тыс. приводится в ряде работ по истории туризма, однако здесь разъясняется, что речь идет именно и только о туристах. Основной поток туристов, около 70 тыс.

²³⁰ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 70–71 (таблица «Миграция через границы СССР за 1925–1927 гг. по подданству»). Насколько неполны наши сведения о масштабах посещения СССР, говорит следующий пример. По данным ВОКС, за эти же годы, 1925–1927, в СССР побывало лишь 3180 человек в составе делегаций и примерно 2300 человек в индивидуальном порядке (т. е. примерно в 10 раз меньше, чем по данным справочника). См.: Куликова Г. Б. «Технология гостеприимства» в Советском Союзе (1920–1930-е годы) // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. М., 2004. С. 149.

²³¹ Иванов В. А. Указ. соч. С. 171.

человек, пришелся на середину 30-х годов. Затем последовало резкое сокращение, вызванное прежде всего ухудшением международной ситуации. Так, в 1937 г. СССР посетило 13 тыс. человек, в 1938 5 тыс., а в 1939–1941 гг. лишь 3 тыс., причем большей частью из Германии²³². Таким образом, данная цифра не учитывает многочисленные профсоюзные, рабочие, спортивные и др. делегации — если их не обслуживал «Интурист»; бизнесменов; ученых и деятелей культуры, приезжавших в научные командировки и на гастроли; иностранных моряков; иностранных специалистов; политэмигрантов; и т. п.

Вместе с тем с самого начала действовали определенные механизмы, своеобразные фильтры, позволяющие ограничивать допуск в страну «нежелательных лиц». Осенью 1919 г. американский журналист И. Макбрайд перешел линию фронта, чтобы побывать в Советской России. Он вспоминал впоследствии, что его много раз допрашивали, причем «каждый раз допрос вел пользующийся доверием коммунист, человек, хорошо разбирающийся в вопросах мирового революционного движения, человек, который знал, какие задавать вопросы, и умевший определять по ответам, можно ли вас допускать в страну или нет»²³³. В 1922 г. был создан Особый комитет по организации заграничных турне и художественных выставок во главе с А. В. Луначарским. Первоначально речь шла об организации гастролей, часть выручки которых передавалась на борьбу с последствиями голода, но вскоре по решению Совнаркома визы на въезд в СССР стали выдаваться иностранным художникам и артистам лишь по представлению этого комитета. Таким образом предполагалось не впускать в СССР «людей с реакционными взглядами»²³⁴. Тут, как и в случае с цензурой, также прослеживаются определенные параллели с дореволюционной практикой. Согласно «Своду уставов о паспортах и беглых» 1857 г., паспорта, необходимые для въезда в Россию,

²³² См.: Некоторые аспекты функционирования индустрии туризма. М., 1998. С. 23; Орлов И. Б., Крессова М. Д. Иностраный туризм в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х годов: проблемы становления «Freemen Industry» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. М., 2004. С. 163.

²³³ См.: Россия победоносная. Беседа с Исааком Макбрайдом // Иностранная литература. 1987. № 11. С. 189.

²³⁴ Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. М., 1975. С. 89.

не давали «неблагонадежным», цыганам, «торговцам зельем и дурманом», существовали ограничения для евреев, а у священников брали подписку в том, что они не входят и никогда не входили в орден иезуитов²³⁵.

«Мы вовсе не хотим, чтобы какая-то официальная делегация или комиссия разъезжала по СССР и претендовала на какие-то полномочия по ознакомлению с документами и по осмотру всевозможных предприятий, как это им заблагорассудится, — писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в апреле 1928 г. по поводу предложения о посещении СССР группой американских банкиров. — Если к нам частным образом едут те или иные банкиры, мы их примем, если только в числе этих банкиров нет нежелательных для нас лиц... Мы не можем заранее поручиться пустить всех лиц...»²³⁶

Особенно болезненную реакцию вызывали попытки тех или иных иностранных общественных организаций наладить контакты с подобными им организациями в СССР. Например, в 1929–1930 гг. прошла кампания за выезд ряда национальных меньшинств, в частности немцев, а также сектантов из СССР. В Колумбии в марте 1930 г. даже прошел специальный съезд, призвавший ЦИК СССР выпустить всех молокан в Америку и организовавший сбор средств для оказания помощи переселенцам²³⁷. Отношение к подобным инициативам со стороны советских официальных лиц исчерпывающе сформулировано в докладной записке секретаря комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР от 11 мая 1936 г. на имя председателя комиссии П. А. Красикова, в которой особо подчеркивалось, что «они [сектанты. — А. Г.] имеют связь с заграницей. Под видом туриста приезжал к ним сектант и делал гнусное дело»²³⁸.

Как отмечает немецкий исследователь В. Дённингхаус, прихожане евангелическо-лютеранской церкви Москвы в 30-е годы все больше рассматривались властью в качестве потенциальных идеологических противников режима. По Москве ходили упорные слухи об их «связях с внешней и внутренней

²³⁵ См.: Мэтьюз М. Указ. соч. С. 27.

²³⁶ ДВП СССР. Т. XI. М., 1965. С. 256–257.

²³⁷ См.: Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 197–203; ТСД. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 932.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1883. Л. 2.

контрреволюцией»²³⁹. В Ленинграде в те годы в 1932–1933 гг. был ликвидирован ряд католических организаций, члены которых, помимо обязательной «контрреволюционной агитации» обвинялись (и, видимо, не без оснований) в конспиративных связях с рядом иностранных посольств и консульств, а также представителями Ватикана в России²⁴⁰.

Конечно, речь шла не только о религиозных организациях. В январе 1934 г. органы ОГПУ обнаружили прелюбопытнейший документ, озаглавленный «Открытое письмо Московских и Харьковских гомосексуалистов г-ну Маринусу Ван-дер-Люббе»²⁴¹. В тексте «письма» содержался риторический вопрос и одновременно призыв о понимании к «западной цивилизации»: «Разве мы, третий пол, с нашей нежной душой и чувствами способны на разрушение культуры, порядка, цивилизации... Культурная Европа, а тем более Германия должны понять это». Письмо было передано в Ленинград; ожидалось, что местные гомосексуалисты также его подпишут. В результате несколько человек было осуждено на длительные сроки, в том числе и по политическим статьям²⁴².

Кандидатуры иностранных специалистов, приглашенных в СССР, утверждались на самом верху. Специальное постановление СТО, принятое в августе 1934 г. требовало: «трудовые договоры учреждений и предприятий с иностранными специалистами, приглашенными на работу в СССР, должны быть утверждены соответствующими народными комиссарами и начальниками центральных управлений»²⁴³.

Политэмигранты получали свой статус, проходя через т. н. «легитимационную комиссию» МОПРа, причем только в 1931–1933 гг. половине обратившихся было отказано (всего за три года статус политэмигранта получили около 1700 человек)²⁴⁴.

5 сентября 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения

²³⁹ Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 440.

²⁴⁰ Иванов В. А. Указ. соч. С. 56–57.

²⁴¹ Немецкий гомосексуалист, обвиненный в 1933 г. в поджоге рейхстага.

²⁴² Иванов В. А. Указ. соч. С. 59–61.

²⁴³ СЗ СССР. 1934. № 45. Ст. 358.

²⁴⁴ См.: Журавлев С. В., Тяжелникова В. С. Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы (постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 181.

программы по интуризму в 1932 г.» План на 1932 г. был определен в 75–80 тыс. туристов и 30 тыс. транзитных пассажиров, причем предполагалось получить значительную прибыль²⁴⁵. Иностраный туризм рассматривался уже не столько как канал рассчитанной на западное общественное мнение пропаганды, сколько как источник валюты. Однако широкий прием иностранных туристов начался лишь в 1934 г. К нему основательно готовились — открывались курсы гидов, ремонтировались гостиницы и т. д. В ноябре 1935 г. было принято специальное постановление СНК, разрешающее «в целях развития туризма в СССР и привлечения иностранной валюты» в течение 1936 года обмен валюты на территории СССР. Госбанку предписывалось организовать необходимое количество меняльных пунктов²⁴⁶. Приехавших туристов, как правило, повсюду сопровождали переводчики, предоставленные ВОКСом или «Интуристом», которые должны были в течение 24-х часов представить подробные отчеты о пребывании, настроениях и высказываниях гостей (а одновременно, естественно, и их советских собеседников, хотя официально такая задача перед ними не ставилась). Эти отчеты направлялись руководству ВОКСа, а затем в НКВД²⁴⁷.

Выступая на совещании по вопросам работы «Интуриста», секретарь ЦК А. А. Жданов подчеркивал: «Общий курс ЦК на то, чтобы не пускать в эти места [т. е. рестораны и гостиницы, предназначенные для иностранных туристов. — А. Г.] советских граждан»²⁴⁸.

Для иностранных моряков, посещавших советские порты, работали специальные клубы. Помимо решения чисто пропагандистских задач, они должны были «проводить политико-воспитательную работу среди иностранных моряков и обслуживать их культурно, **чтобы отвлечь от хождения по горю** [курсив мой. — А. Г.]»²⁴⁹

²⁴⁵ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 159.

²⁴⁶ СЗ СССР. 1935. № 58. Ст. 476.

²⁴⁷ Образцы таких отчетов см.: ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее. Исторический альманах. № 14. М.; СПб., 1993; «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3.

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

²⁴⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 1.

Принимались меры, чтобы ограничить общение с иностранцами не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами «по долгу службы». В мае 1935 г. на предложение руководства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) установить контакты с вновь созданным в Англии Британским Советом, выполнявшим схожие функции, последовал резкий отказ, подписанный далеко не самым высокопоставленным чиновником Наркомата иностранных дел²⁵⁰.

В ноябре 1940 г. руководство ВОКС выступило с новой инициативой — взять на себя работу с иностранными корреспондентами. На это последовал следующий ответ начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александра: «Зам. наркоминдела тов. Вышинский считает нецелесообразным развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает соображения тов. Вышинского»²⁵¹.

Изоляция иностранной колонии в России в этот период невольно вызывает аналогии с ситуацией в допетровской Руси²⁵². Это касалось и представителей дипломатического корпуса; так, в январе 1929 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан в беседе с полпредом СССР отмечал, что французский посол в СССР «может изучать Советский Союз только на основании советской прессы, ибо он совершенно изолирован от общества и людей»²⁵³.

Опять-таки, общее число иностранцев, постоянно проживавших в СССР, остается предметом дискуссии. В частности, по авторитетному мнению С. В. Журавлева, ссылающегося при этом на целый ряд обобщающих работ и монографических исследований, максимальное число иностранцев из индустриальных стран Запада проживало в СССР в 1932–1933 гг. — примерно 35 тыс.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 749. Л. 130.

²⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 39. См. также: Небезин В. А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 29.

²⁵² См.: Проезжая по Московии: Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... Гл. 1.

²⁵³ ДВП СССР. Т. XII. М., 1967. С. 50.

иностранных специалистов и рабочих и членов их семей²⁵⁴. Добавим к этому несколько тысяч политэмигрантов.

По материалам всесоюзных переписей 1926 и 1937 гг. в СССР проживало, соответственно, 390 тыс. и 190 тыс. иностранных граждан²⁵⁵. В 1926 г. больше всех было граждан Персии (Ирана), свыше 90 тыс. человек, на втором месте — Япония и Китай (свыше 80 тыс. граждан в обоих случаях²⁵⁶). 26 тыс. человек имели турецкое гражданство. Если говорить о странах Запада, то на первом месте неожиданно оказывается Греция (46 тыс. человек)²⁵⁷. Затем идут Польша (10 тыс.), Германия (8 тыс.), Австрия (7 тыс.), Финляндия (4 тыс.), Чехословакия (3,5 тыс.) и так далее. Если же говорить о «Западе» в целом, то Европу (без Турции) представляло около 100 тыс. человек (в том числе примерно 500 британских и 700 французских подданных), а граждан США насчитывалось всего лишь около 300 человек²⁵⁸.

Но круг общения иностранных граждан, независимо от их статуса, был ограничен. Большой частью они концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации.

Характерно, что в середине 30-х гг. даже к иностранным коммунистам принимались ограничительные меры; так, им запрещено было вести партийную работу в ВКП(б). Согласно директиве ЦК МОРП 1935 г., при распределении политэмигрантов на работу вне Москвы запрещалось оставлять их в портовых и близких к границе городах; в Домах политэмигранта и гостиницах создавалась сеть осведомителей, следивших за их настроениями²⁵⁹.

²⁵⁴ Журавлев С. В. «Маленькие люди»... С. 29.

²⁵⁵ Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 40–41; Материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Архивы Урала. 1996. № 2. С. 198.

²⁵⁶ Большое количество граждан Японии объясняется, очевидно, тем, что здесь учитываются прежде всего корейцы. В межвоенный период Корея официально входила в состав Японии, а корейская эмиграция в СССР всегда была очень многочисленной (по американским данным, только в 1930-е годы в СССР эмигрировало 170 тыс. корейцев. См.: Журавлев С. В. «Маленькие люди»... С. 29).

²⁵⁷ Возможно, значительная часть этнических греков, живших в Российской империи, поспешила в годы революции и гражданской войны принять греческое гражданство.

²⁵⁸ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 год... С. 40–41.

²⁵⁹ Журавлев С. В., Тяжелникова В. С. Указ. соч. С. 181.

Как вспоминал известный впоследствии советский разведчик Л. Треппер, «иностранцы коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам нечасто представлялась возможность попутешествовать и пообщаться с русским населением»²⁶⁰. По прибытии в Москву их предупреждали о необходимости быть бдительными в отношении советских граждан и «не смешиваться» с ними, так как те могли «оказаться шпионами и саботажниками»²⁶¹.

В 1937–1938 гг. иностранная колония в СССР подвергалась массовым репрессиям. Так, в июле 1937 г. Политбюро предложило НКВД арестовать всех немцев, работающих на оборонных заводах, и часть из них выслать за границу. В августе 1937 г. появилось «Закрытое письмо» НКВД о «фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки» и началась операция против поляков, в том числе политэмигрантов и перебежчиков. В январе 1938 г. было решено продлить операцию по разгрому «контрреволюционных национальных контингентов» — поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, а также «погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»²⁶². В марте 1938 г. последовало директивное письмо отдела руководящих партийных органов, подписанное Г. М. Маленковым, в котором предлагалось срочно, не позднее 15 марта, подготовить списки членов и кандидатов ВКП(б) — «поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев, китайцев, японцев, турок, иранцев, чехов, англичан, французов, итальянцев, венгерцев» и пр. — с указанием национальности, подданства, места работы и т. д.²⁶³

* * *

В массовом сознании, в том числе и благодаря развернутой системе пропаганды, претендующей на «всемирность», а также

²⁶⁰ Треппер Л. Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М., 1990. С. 43.

²⁶¹ Блейк О. Московские будни — 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С. 93.

²⁶² Девис Р., Хлевнюк О. В. «Развернутое наступление социализма по всему фронту» // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 136–137; Иванов В. А. Указ. соч. С. 169.

²⁶³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 74. Л. 7.

успехам советской культурной дипломатии, СССР как правило отнюдь не воспринимался как «закрытое» общество. В газетах постоянно появлялись отчеты о пребывании иностранных делегаций, развернуто цитировались положительные (и, конечно, замалчивались отрицательные) отзывы гостей из-за рубежа о жизни в СССР. «Советские музыканты, певцы, шахматисты завоевывали лавры на международных конкурсах, и росло ощущение принадлежности к большому миру за пределами наших непроницаемых границ» — писал позднее в своих мемуарах В. М. Бережков²⁶⁴. Подобное восприятие мира до сих пор часто воспроизводится в воспоминаниях о тех годах. Вместе с тем в материалах «Гарвардского проекта» утверждалось, что советская молодежь, вообще настроенная к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений, в числе главных претензий к нему называла, наравне с террором, то, что режим «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»²⁶⁵. Разумеется, речь шла о той части советской молодежи, которая в силу различных обстоятельств сама оказалась на Западе и могла оценить достоверность советской пропаганды.

О том, что советский народ, в первую очередь молодое поколение, не знает ничего о внешнем мире, писали многие иностранцы, побывавшие в СССР²⁶⁶. Во время советско-финской войны, в январе 1940 г. в Хельсинки вышел на русском языке первый номер газеты «Друг пленных», органа Главного штаба финской армии. Планировалось, что газета будет выходить дважды в неделю, исключительно для советских военнопленных. В передовой статье под многозначительным заголовком «Правда дороже всего на свете» говорилось: «...мы считаем, что главная ваша беда и беда всего русского народа заключается в том, что вы совершенно не знаете правды об окружающей вас жизни. Ваша власть держала вас отрезанными от всего мира и сообщала вам только то, что считала нужным и полезным. Судьбе было угодно, чтобы попав в плен в свободную страну, вы получили возможность узнать правду, как живут другие

²⁶⁴ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 262.

²⁶⁵ Кодин Е. В. Указ. соч. С. 127.

²⁶⁶ В частности, А. Кестлер и А. Жид. См.: The God that Failed. N. Y., 1965. P 54; Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 78.

народы... Вы узнаете правду и сможете сравнить свою жизнь с жизнью других стран»²⁶⁷.

Однако реальная жизнь советского общества была богаче любых схем и обобщений. Представления, бытовавшие в обществе порой разительным образом отличались от тех, которые рисовала официальная пропаганда, хотя, как правило, были столь же мифологичны. Достоверная информация проникала иногда самыми неожиданными путями; можно привести множество примеров, когда люди, обладавшие навыками аналитического мышления, как правило, представители старой интеллигенции, на основе материалов советской прессы делали самые неожиданные (и достаточно глубокие) выводы о происходящем в мире²⁶⁸.

Любопытно сравнить, как формировался образ СССР в условиях господства другого тоталитарного режима. В служебном циркуляре СД (апрель 1943 г.) отмечалось, что «до периода открытых враждебных действий против Советского Союза, начавшегося 22 июня 1941 года, немецкий народ, за небольшим исключением, узнавал о его социальной и хозяйственной структурах и культурной жизни только из прессы, кино, пропагандистских выступлений и прошедшей цензуру литературы». В результате подавляющее большинство немцев «видело в Советском Союзе бесчеловечную и бездушную систему подавления и представляло народ Советского Союза как полуголодную и тупую массу». Лишь появление многочисленных рабочих с Востока и военнопленных и личные контакты с ними привели, по мнению авторов циркуляра, к определенным изменениям в восприятии России и русских²⁶⁹. Если принять на веру выводы данного документа, можно прийти к выводу, что в советском обществе представления о внешнем мире, Германии в том числе, даже в условиях сталинского режима были более полными разносторонними²⁷⁰.

²⁶⁷ Друг пленных. 1940. 27 января. С. 1.

²⁶⁸ Подробнее об этом см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 145–168.

²⁶⁹ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin, 1992. С. 183–184.

²⁷⁰ См. например: Голубев А. В. Фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX — начало XXI в.) Омск, 2003. С. 372–374.

Период, когда контакты с внешним миром контролировались достаточно эффективно, закончился в 1939 г., когда советские войска вступили на территорию Польши. Увиденное там потрясло многих и, несмотря на все старания пропаганды, рассказы об этом быстро распространялись сначала в армии, а затем и в стране. «Полк, в который я попал после переброски на западную границу страны, участвовал в разделе Польши. Меня поразили трофейные одеяла, которые выдавали даже рядовым бойцам. Они казались признаком неслыханного богатства. И вообще кое-какие слухи насчет более высокого уровня жизни за границей просачивались в нашу среду» — вспоминает известный философ А. А. Зиновьев²⁷¹. Тот же эффект произвело и присоединение Прибалтики.

Затем началась Великая Отечественная война. Сначала в Германию были угнаны тысячи советских людей, в большинстве своем молодых. Вот какой они увидели Германию: «...кругом белые дома, обложенные снизу камнем, готические шпили церквей, клумбы с цветами. Вот, говорят, как живет буржуазия! А где живут “труженики”, мы не увидели. Вообще жизнь, открывшаяся из вагона, была так не похожа на ту, в которой пребывали мы и которой гордились, что жилище обыкновенного селянина принимали за палаты буржуа-миродея»²⁷².

В 1944–1945 годах, в ходе Великой Отечественной войны, Красная Армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии, встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Миллионы советских солдат увидели настоящую повседневную жизнь Запада. «Человек, проживший за границей, вряд ли теперь слепо будет верить в советскую “зажиточность” и эти люди еще “сделают погоду”, т. к. в их руках есть материал, чтобы опровергнуть “правду” советской жизни» — говорил директор одного из ленинградских рынков²⁷³.

²⁷¹ Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М, 1999. С. 196.

²⁷² Ларин О. Тогда меня звали Вольдемар и Вилли // Новый мир. 1995. № 5. С. 159.

²⁷³ Цит. по: Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. В 2-х книгах. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 122–123.

Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию», — справедливо отмечает Е. Ю. Зубкова²⁷⁴.

Как вспоминал позднее В. Белкин, бывший студентом МГИМО в 1945–1947 гг., «во-первых, среди нас были участники заграничных походов, способные связно изложить свои впечатления. Во-вторых, мы так или иначе в ходе учебы знакомились с литературой, освещавшей экономическое положение зарубежных стран... В книжных магазинах, особенно букинистических, можно было купить по не очень высокой цене множество хороших книг, с помощью которых можно было соотнести жизненные уровни СССР и стран Запада, по крайней мере, в историческом плане... Не стоит забывать, что мы интенсивно изучали иностранные языки, а число радиоприемников, хоть и медленно, но увеличивалось»²⁷⁵. И хотя эти воспоминания касаются весьма узкой социальной группы, в первую очередь — студентов одного из самых престижных вузов, некоторые черты, отмеченные мемуаристом, были характерны и для общества в целом.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»).

Обосновывая дальнейшие изменения в сторону все большей «закрытости» советского общества, И. В. Сталин в феврале 1947 г. на обсуждении второй серии фильма «Иван Грозный» проводил такие исторические параллели: «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке

²⁷⁴ Зубкова Е. Ю. Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 95; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 18–55.

²⁷⁵ АОМ. Ф. 2. Д. 21. Оп. 1. Л. 6–7.

зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния... Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустил онемечивание России...»²⁷⁶

Но все меры, предпринятые в этом направлении, дали лишь ограниченный и временный эффект. Последовавшая робкая десталинизация 50–60-х гг., сопровождавшаяся определенным расширением контактов с внешним миром, а затем и «разрядка» 70-х оставили после себя совершенно иную ситуацию, анализ которой выходит за рамки данной работы.

²⁷⁶ Цит. по: Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 85.

Глава 2. «Придут из Китая англичане»: Будущая война в представлении советского общества

В мифологизированном по преимуществу массовом сознании, по образному выражению французского историка М. Блока, всегда правил «Старик Наслышка»²⁷⁷. Изустная передача была гарантом подлинности и достоверности. Традиционная культура отсекала рациональные, лежащие за пределами понимания, моменты и привносила свои, фантастические трактовки. В огромной степени это относится и к восприятию внешнего мира, в том числе и в межвоенный период, о котором пойдет речь²⁷⁸.

Довольно долго мир приходил в себя после первой мировой войны, и не успели еще излечиться все раны, как на горизонте замаячила вторая мировая. Некоторые западные историки даже предлагают рассматривать первую и вторую мировые войны как одну войну в двух действиях — слишком очевидны были минусы Версальской системы, слишком много нерешенных вопросов оставила Великая война 1914–1918 гг.

Воздействие первой мировой войны было столь значительным, что позволило ввести новое понятие — «тотальная война», т. е. война, которая не только затрагивает, но и коренным образом меняет ситуацию во всех сферах жизни общества.

Потери на фронтах (10 млн убитых, 20 млн искалеченных, 5 млн вдов и 9 млн сирот), потери, понесенные гражданскими лицами в результате военных действий или бомбардировок (в относительно далекой от театра боевых действий Англии от авиационных бомб погибло свыше 1400 человек); от болезней (только пандемия «испанки» унесла примерно 27 млн человек); от внутренних конфликтов (например, избиение армян в Турции); крах финансовой системы многих стран и одновременно — кратковременное процветание в колониях, сопро-

²⁷⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 77.

²⁷⁸ Подробнее о восприятии внешнего мира массовым сознанием см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

вождавшееся переходом части функций управления в руки туземной элиты; невиданный рост государственного контроля; формирование военно-промышленного комплекса; массовое вовлечение женщин в производство; даже изменения в организации и проведении досуга — вот что такое «тотальная война»²⁷⁹.

Воспоминания о предыдущей войне и страх перед будущей способствовали попыткам европейской дипломатии изменить традиционные правила игры. Была создана Лига наций, подписан пакт Бриана — Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созывались конференции по разоружению. Державы-победительницы войны действительно не хотели, мелкие хищники Восточной Европы, оглядываясь на «старших братьев», также воздерживались от силового метода решения своих проблем; появление же гитлеровской Германии, этого, в прямом смысле слова «уродливого детища Версальского договора», в 20-е годы предугадать было нелегко.

Все вышесказанное относится к Европе, в меньшей степени — к Северной Америке. Но была еще и Советская Россия, в которой последствия мировой войны померкли перед последствиями революции и войны гражданской.

Пока Европа приходила в себя, надеясь, что мировая война не повторится, в советском обществе ожидания новой войны, напротив, с каждым годом усиливались, и так продолжалось по крайней мере до конца 1920-х годов.

Возможность войны с «капиталистическим окружением» в 20-е годы (вопреки расхожим представлениям) ощущалась гораздо более остро, чем в 30-е. Причин для этого много, например, живая память о мировой и гражданской войнах с участием иностранных держав. Комментируя очередные слухи о войне, М. М. Пришвин в июле 1929 г. в дневнике упомянул о своем «малодушном состоянии», оправданном предшествующим опытом, и добавил: «Такой маленький человек, трус жизни, воспитанный войной, революцией, голодом, живет в каждом из нас...»²⁸⁰

²⁷⁹ См.: Ходнев А. С. «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16–20; Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113.

²⁸⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Кн. 6. М., 2004. С. 109–110.

Вообще пропаганда всех уровней не уставала напоминать о «враждебном капиталистическом окружении». В результате в массовом сознании постоянно фигурировали своеобразные «призраки войны», чаще всего не имеющие серьезных оснований, иногда совершенно фантастические, но для многих казавшиеся вполне реальными.

Играли свою роль и особенности восприятия, когда доходившая, например, до деревни, внешнеполитическая информация многократно искажалась и «перекраивалась» по законам мифологического сознания.

Характерный пример содержится в одной из сводок отдела ОГПУ Коми области за декабрь 1926 г.: «Гражданин деревни Рим Жашартской волости Римских Илья Никитич получает газеты и читает среди крестьян только статьи о подготовке к войне со стороны иностранных держав. Темное население, видя это, говорит, что опять скоро будет война»²⁸¹. И таких интересующихся политикой, крестьян, как этот житель северной деревни с итальянским названием, фактически формирующих представления односельчан о мире, было немало по всей России. В сводках ОГПУ постоянно встречались утверждения, что «грамотные крестьяне, читая в газетах о военных приготовлениях в Польше, Румынии и Англии находят, что война неизбежна»²⁸².

Ключевой проблемой при изучении массового сознания советского общества является определение того, насколько распространены были те или иные зафиксированные высказывания, отношения, оценки. Материалы ОГПУ или источники личного происхождения в лучшем случае свидетельствуют о том, что данное мнение было «широко распространено» или что о том-то и о том-то «все говорят». Однако подобные утверждения, как правило, ничем не подтверждены, даже если в целом и соответствуют действительности. В лучшем случае можно говорить о спектре настроений и о большей или меньшей их распространенности, как в имеющихся источниках, так и — с меньшей степенью уверенности — в исторической реальности²⁸³.

²⁸¹ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 130.

²⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 71.

²⁸³ Некоторые исследователи подвергают контент-анализу такие достаточно репрезентативные источники, как письма в органы власти и в газеты, или материалы перлюстрации. Это позволяет выделить количество писем, где

Существуют все же некоторые возможности статистически определить настроения тех лет, касающиеся внешнего мира. В частности, мы можем оценить позицию молодежи — социальной группы, особенно подверженной воздействию официальной пропаганды²⁸⁴. Это тем более важно, ибо, во-первых, в молодежной среде как правило воспроизводились взгляды, существовавшие в семье или в ближайшем окружении, в том числе и оценки внешнеполитических событий, и, во-вторых, именно повзрослевшая молодежь 20-х годов в 30-е и последующие годы уже во многом определяла массовое сознание всего общества.

В 1928 году педагоги-педологи проводили массовый опрос учащихся об отношении к «внешней и внутренней контрреволюции», в частности по вопросам войны и мира, отношений СССР с границей. Вопросы были поставлены так: «Как живут между собой» и «Как должны жить СССР и буржуазные страны». Отвечая на первый вопрос, только 4,4% опрошенных говорили об исключительно мирных отношениях СССР с буржуазными странами, 77,5% определили их как враждебные, 9,1% как «реальные» (т. е. борются, но одновременно заключают договоры, торгуют и т. д.)

Но когда речь зашла о том, как **должны** жить между собой СССР и буржуазные страны, картина заметно меняется. 50,5% были настроены миролюбиво, 38,5% говорили о «враждебности» и лишь 4,6% о «реальной» политике²⁸⁵.

Интересно, что по мере взросления резко, в два раза, возрастает число «воинственно настроенных». Как отмечает Е. М. Балашов, «с возрастом у школьника усиливалось ощущение угрозы, исходящей от “империалистических” государств,

затрагивались те или иные проблемы, или процентное соотношение высказываний «за» и «против» существующего порядка вещей. См., например: Лившин А., Орлов И. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Частные письма середины 1920-х годов (из архивов Политконтроля ОГПУ) // Нестор. 2005. № 1(5). С. 27–92; и др. Однако внешнеполитические сюжеты в подобных материалах встречаются редко и не могут служить основанием для сколько-нибудь обоснованных подсчетов.

²⁸⁴ Подробнее см.: Балашов Е. М. Контуры будущего гражданина: новые и традиционные элементы в явлениях детского сознания, 1917–1920-е годы // Нестор. 2001. № 1(5). С. 150–192.

²⁸⁵ Цит. по: Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003. С. 217.

и формировались вполне устойчивые «оборонные» представления, в основе которых лежало разделение мира на два антагонистических лагеря»²⁸⁶. Исследователь связывает это с воздействием официальной пропаганды. Не отрицая ее роль, можно добавить, что с возрастом школьники все больше социализировались, втягивались во «взрослую» жизнь, в которой, как будет показано ниже, «оборонные» представления (даже независимо от усилий пропаганды) играли весьма существенную роль.

При этом, однако, часто встречались утверждения: «СССР и буржуазные страны должны воевать, но торговать нужно и им, и нам, поэтому надо договоры заключать». Были и такие высказывания, что с «буржуазными министрами» нужно враждовать, а с «угнетенными народами» жить мирно...²⁸⁷ У крестьянских детей среди наиболее часто встречающихся пожеланий на 5 месте (1,2% опрошенных) стояло пожелание об «уничтожении войны»²⁸⁸. И постоянно звучали вопросы: «Почему мы не хотим войны?.. Как СССР готовится к войне?..»²⁸⁹

* * *

В исторической литературе давно уже изучаются так называемые «военные тревоги» 1927–1929 гг., однако на протяжении всех 1920-х годов любое событие, происходившее на международной арене и хоть как-то затрагивающее СССР, воспринималось массовым сознанием прежде всего как признак надвигающейся (а нередко — и начавшейся) войны.

Немецкий журналист, побывавший в 1922 г. в СССР, писал: «Услышав, что я из Германии, крестьяне забросали меня вопросами... каково положение в Германии, сколько стоит фунт хлеба, что думают в Германии о России и как полагают, поможет ли России ввоз из Германии...» И тут же главный вопрос — «Немцы-то придут с машинами или с пулеметами?»²⁹⁰

²⁸⁶ Цит. по: Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». СПб., 2003. С. 184.

²⁸⁷ Козлов В. А., Семенова Е. А. Социология детства (обзор социолого-педагогических обследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов. Вып. 1. М., 1993. С. 48–49.

²⁸⁸ Рыбников Н. А. Крестьянский ребенок. Очерки по педологии крестьянского ребенка. М., 1930. С. 57.

²⁸⁹ Козлов В. А., Семенова Е. А. Указ. соч. С. 49.

²⁹⁰ Глазами иностранцев, 1917–1932. М., 1932. С. 209.

Даже в относительно спокойные годы, не отмеченные особыми кризисами за пределами СССР, «всякое международное положение Советской власти истолковывается как близкая война и скорая гибель Советской власти» — констатировал информационный отдел ОГПУ в декабре 1924 г.²⁹¹ Вот, в частности, что ожидали крестьяне Каргопольского уезда Вологодской губернии от предстоящей войны в марте 1923 г.: «Распространившийся слух по уезду о якобы начавшейся войне с Польшей встречается большинством крестьян сочувственно, говорят, что тогда кончится грабительская политика Соввласти, что тогда коммунистов будут вешать и топить в реках, и что мы мол скоро свергнем и сотрем с лица земли проклятых большевиков и ненавистную власть, освободимся от ига жидовской власти, которая устраивает гонения на православную веру, закрывает церкви...»²⁹²

Понятно, что слухи о войне вызывали такие мероприятия, как пробные мобилизации, учет конского поголовья или формирование территориальных частей. Панические настроения населения подпитывались материалами газет, нередко публиковавших заметки, рисунки, содержание которых могло быть истолковано как описание реальных военных действий. Так, например, в газете «Победа», издававшейся в Полоцке, 21 сентября 1926 г. по случаю опытной мобилизации была помещена картинка, на которой призывник шел к пограничному столбу, с подписью: «Да здравствует Варшава». Заголовок этой же газеты был украшен рисунком, на котором красноармейцы со штыками наизготовку двигались к польской границе²⁹³.

Своеобразным ответом на болезненную реакцию населения стало появление в 1927 г. секретного циркуляра Агитпропа ЦК ВКП(б) о работе газет в связи с пробными мобилизациями. Перед прессой ставились следующие задачи: разъяснение роли опытных мобилизаций; борьба с паническими настроениями и кулацкой агитацией, разъяснение пробных мобилизаций как одного из составных звеньев подготовки страны в условиях мирного времени; усиление освещения и разъяснения вопросов

²⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 4 об.

²⁹² ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 54.

²⁹³ См.: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев в 1920-е годы // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX в.). Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 278–279.

международного положения СССР в связи с задачами опытных мобилизаций, выявление миролюбивой политики СССР. Бросается в глаза подчеркивание того, что мобилизация — это мероприятие мирного времени («война — это мир», как писал Дж. Оруэлл). Лишь четвертый пункт циркуляра, «Проверка аппарата редакций газет для работы в условиях действительной мобилизации», напоминал, что это не совсем так²⁹⁴.

Характерно, однако, что так же — с точки зрения военных ожиданий — оценивались населением, казалось бы, никак, даже косвенно, не связанные ни с внешней опасностью, ни с обороноспособностью страны те или иные действия власти.

Так, снятие колоколов с церковей в ходе антирелигиозной кампании неожиданно напомнило крестьянам о временах Петра: прошел слух, что колокола снимают, чтобы перелить на пушки. Приезд секретаря ЦК ВКП(б) В. М. Молотова в Курскую губернию в 1925 г. крестьяне объяснили «неладными взаимоотношениями с западными государствами, в частности с Америкой, говоря, что что-то уж больно изъездилась наша власть, волнует их там, что дела СССР плохи, вот теперь и ездят по местам, чтобы задобрить мужичков, в случае трахнет Америка по голове — то вы, мол, мужички, не подкачайте...»²⁹⁵ А проведение всесоюзной переписи 1926 г. было истолковано так: «Наверно, скоро будет война: перепишут, узнают сколько населения и объявят ее»²⁹⁶.

С особенным нетерпением ожидали войны противники Советской власти. Все они, от университетской профессуры и технической элиты, склонных рассматривать любой международный кризис как пролог к интервенции, до жителей отдаленных уголков национальных окраин, например, Бурят-Монголии, где ожидали прихода «царя трех народов, который избавит от налогов»²⁹⁷, связывали с войной неизбежное падение Советской власти.

С этой точки зрения интервенция рассматривалась не только как весьма вероятный, но и как самый благоприятный поворот событий. В 1931 г. арестованные специалисты горнодобывающей промышленности Урала подробно рассказывали

²⁹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 448. Л. 17.

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187. Л. 20; Д. 188. Л. 1.

²⁹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 32. Л. 6.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 42.

о своих политических взглядах, надеждах и ожиданиях (их показания, кстати, не производят впечатления сфабрикованных). В частности начальник отдела правления Пермской железной дороги А. А. Троицкий заявил на допросе: «Я увидел, что надежды на мирное “перерождение” бесповоротно рухнули, что социалистический строй крепнет, советское хозяйство бурно растет, что дальнейший его рост определенно угрожает капиталистическому миру. Будучи твердо убежден в целесообразности частной собственности, я видел единственный выход из создавшегося положения: иностранная интервенция, т. к. знал, что внутренними силами опрокинуть Советскую власть невозможно». О том же говорил инженер Д. А. Антонов: «Мне все время казалось, что попытка построить социализм в одной стране при условии капиталистического окружения, заранее обречена на неудачу. Я думал, что вмешательство может легко вылиться в форму вооруженной интервенции, подобной той, которая была в 1918–1920 гг., но более широкой и организованной. Рабочее движение на Западе я считал недостаточно сильным для того, чтобы воспрепятствовать интервенции... Интервенцию и вообще политические осложнения я считал при курсе, взятом Советской властью за последние годы, объективно неизбежным»²⁹⁸.

Подобные настроения были распространены в самых широких слоях населения, и, что не менее важно, об этом знали все, кто интересовался политической ситуацией. Так, в августе 1928 г. В. И. Вернадский записывал в дневнике: «Говорят (слухи из разговоров в лесах, где ездил) — в деревнях говорят: вот будет война — расправимся: коммунисты, интеллигенты, попросту город... Деревня пойдет на город...»²⁹⁹ О том же писал и московский историк И. И. Шитц в декабре 1930 г.: деревня «против войны даже ничего не имеет (крестьяне в массе ждут войны и от нее — разрешения всего)»³⁰⁰.

Не случайно один из самых известных «невозвращенцев» Г. З. Беседовский был уверен, что в конце 1920-х годов

²⁹⁸ Биографии специалистов, работающих в горнодобывающей промышленности (по материалам архивно-следственного дела) // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 57; 1996. № 1. С. 61, 62.

²⁹⁹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 87

³⁰⁰ Шитц И. И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991. С. 258.

«в Москве желали во что бы то ни стало избежать военного конфликта, прекрасно понимая, что такой конфликт неминуемо поведет к революционному взрыву внутри России»³⁰¹.

По мнению ОГПУ, в советской деревне отношение к будущей войне определялось исключительно социальным положением: «Бедняцкие и середняцкие слои к возможности войны относятся отрицательно, боясь новой разрухи, кулачество же злорадствует»³⁰². Как правило, вина за распространение слухов о войне официальной пропагандой возлагалась на «социально-чуждые» элементы, в частности в деревне — на кулаков и зажиточных. Однако этому противоречит любопытное замечание в одной из сводок о том, что «политическими вопросами интересовалась больше беднота и батрачество, а зажиточные слои интересуются больше экономическими, а особенно налоговыми вопросами»³⁰³.

Отношение к войне основной массы населения страны можно проиллюстрировать следующим высказыванием, зафиксированным в 1925 г. в Ярославской губернии: «Вот только было начали перестраиваться, пообзаводиться, а тут все опять отберут, а кто выиграет неизвестно, если весь мир обрушится на нашу Республику, то ее хватит не больше, как на три дня...»³⁰⁴ Похожий вывод делали информаторы ОГПУ и по материалам Коми области в октябре 1922 г.: «ввиду продолжительной империалистической и гражданской войны население на все такие явления смотрит враждебно и старается заняться сельским хозяйством»³⁰⁵.

Не только у противников власти, но и у многих лояльно настроенных в отношении к ней граждан с ожиданием войны были связаны не только опасения, но и надежды на решение тех или иных внутривластных проблем. Так, в августе 1927 г. среди строительных рабочих Свердловска ходили такие разговоры: «лишь бы открылась война, тогда мы перестреляли бы всю буржуазию»³⁰⁶. Даже многие члены партии разделяли подобные настроения. Например, в январе 1928 г. были зафик-

³⁰¹ Беседовский Г. З. На путях к термидору. М., 1997. С. 286.

³⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 114.

³⁰³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 92. Л. 283.

³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 57.

³⁰⁵ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 43.

³⁰⁶ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1121. Л. 70.

сированы высказывания коммунистов И. Я. Шарова о необходимости объявления войны для того только, чтобы взяться в первую очередь за ответственных партийных работников, и И. Г. Лувских о том, что в случае войны надо побить сотню нэпманов, а потом и «сволочь» в партии³⁰⁷.

Порой дело даже доходило до таких вопросов, как этот, заданный на партконференции в Копейском районе Челябинского округа в ноябре 1927 г.: «Не являются ли оттяжки войны слишком невыгодными для СССР?»³⁰⁸ Трудно сказать, что подразумевал спрашивающий; то ли он всерьез воспринял заверения в том, что западный пролетариат восстанет в случае войны против СССР и таким образом начнется мировая революция, то ли устал от ожидания войны, к которой готовили массы (но одновременно не были готовы с военной или экономической точки зрения).

Конечно, было и немало сомневающихся в неизбежности войны, даже среди школьников I-й ступени, у которых встречались подобные сомнения: «Никакой войны не будет, мужиков пугают»³⁰⁹.

Больше всего скептиков, впрочем, встречалось среди старой интеллигенции, особенно тех, кто, как академик В. И. Вернадский, имел возможность бывать на Западе. Так, в августе 1928 г. он записал в дневнике: «Удивляет меня все время везде опасение войны и уверенность, что она неизбежна... когда возвращаешься из-за границы, поражает ожидание войны и соответствующая пропаганда прессы. Реальной опасности нет — но едва ли можно сомневаться, что коммунистическая партия — хорошо ли, худо ли готовится к войне»³¹⁰.

Другие представители интеллигенции в отсутствие достоверной и разносторонней информации быстро учились читать советскую прессу «между строк». Так, в ноябре 1930 г. И. И. Шитц отмечал в своем дневнике: «Говорят о войне. Или, лучше сказать, не говорят, а носятся с мыслью о ней, причем газеты так и заливаются криками об «интервенции». По известиям

³⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 69. Л. 13–14.

³⁰⁸ Там же. Оп. 5. Д. 87. Л. 133.

³⁰⁹ Цит. по: Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Т. 1. Краснодар, 2002. С. 145.

³¹⁰ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 76, 87.

с запада (об этом передают через третьи руки от лиц, там бывших, или «сверху»), там смеются над нервностью большевиков, не собираясь воевать. Но у нас в войне уверены»³¹¹.

* * *

Если уверенность в неизбежности (в лучшем случае — высокой вероятности) войны, независимо от отношения к ней, разделялась подавляющим большинством населения, то что касается причин, хода, особенностей новой войны... тут версий было множество, иногда весьма оригинальных.

Подготовка великих держав к совместному нападению на СССР была постоянной темой разговоров. «Чужие державы хотят уничтожить коммунистов и из-за границы к нам никаких материалов не высылают... На западной границе штабные генералы разных государств присутствуют на больших военных маневрах [в Польше. — А. Г.] с целью в случае войны с Россией всемо организованным фронтом напасть на СССР... Капиталистические страны сговариваются на съезде в Париже — каким путем вести нападение на Республику... Прибывающие делегации из иностранных держав приезжают для того, чтобы снять план о местности для того, чтобы легче вести войну...»³¹² Эти и подобные им высказывания постоянно воспроизводятся в материалах ОГПУ и партийных органов на протяжении всех 20-х годов.

Одна из наиболее очевидных возможных причин войны против СССР — недовольство Запада советским строем как таковым. При этом порой западные страны изображались как благодетели, готовые начать войну исключительно из симпатий к русскому народу. В этой связи упоминалось, например, что «для завоевания симпатии русских масс в России Англия взяла под свое покровительство православное духовенство»³¹³. Иногда выражалась надежда, что нажим Англии заставит предоставить льготы частному капиталу.

Любое поражение революционного движения за рубежом, особенно если оно было связано, как в Китае, с вмешательством иностранных держав, трактовалось как единая кампания по наведению порядка: «европейские государства сначала

³¹¹ Шитц И. И. Указ. соч. С. 248–249.

³¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 75, 57.

³¹³ Там же. Д. 181. Л. 88.

восстановили порядок в Германии, потом в Болгарии, сейчас восстанавливают в Китае и скоро примутся за Россию» — так расценивали ситуацию жители Акмолинской губернии в январе 1925 г.³¹⁴ О том же, как следует из закрытого письма секретаря Троицкого окружкома в Уральский обком ВКП(б), говорили в феврале 1926 г. южноуральские казаки: события в Китае напрямую связывали с призывом в территориальные части и со дня на день ожидали всеобщей мобилизации. Впрочем, в том же письме делалась любопытная оговорка: «В массе казачества эта агитация не имеет успеха хотя бы уже потому, что сроки “мобилизаций” уже десятки раз проходят и ни в какой мере не подтверждаются»³¹⁵.

Постоянно сообщалось о том, что в цари намечают великих князей — то Кирилла, то Михаила, то Николая Николаевича (последний даже объявил будто бы об отмене всех налогов на 5 лет)³¹⁶.

Избрание в 1925 г. нового немецкого президента (им стал П. фон Гинденбург) неожиданно породило целую волну слухов о том, что теперь и в России, которая, как и Германия, пережила революцию, будет избран президент. Новое слово неожиданно стало очень популярным (при этом часто делались оговорки, что президент, в сущности, тот же царь, только выборный, а значит справедливый). «У нас должно быть новое правительство, ибо Германия, Англия и Польша предложили Советской власти до 1 мая снять всех коммунистов, взамен же их избрать президента, в противном случае, если не будет избран президент, а коммунисты не сняты с должностей, то эти государства на Россию пойдут войной, а разбив ее установят выборного президента» — говорил крестьянин-середняк Балашов из Акмолинской губернии³¹⁷.

³¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 187.

³¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 173. Л. 28. Данное письмо опубликовано: Общество и власть. Российская провинция. Челябинская область. Документы и материалы. Т. 1. 1917–1945. Челябинск, 2005. С. 214–216.

³¹⁶ Самым экзотическим оказался слух, зафиксированный летом 1925 г. в Новониколаевской (позднее Новосибирской) губернии о том, что настоящая фамилия председателя Совета народных комиссаров А. И. Рыкова — Романов, Михаил Александрович, что он скрывался в Англии, «теперь попал к власти и скоро станет на престол...» См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 122.

³¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 71.

Следующая возможная причина войны — отказ большевиков от уплаты царских долгов и национализация иностранной собственности. «Франция требует с нас долги, а нам платить нечем, а раз мы не заплатим — будет война, а если уже будет война, то Франция победит. Вот тогда и вы заживете лучше, и мануфактура будет дешевле, и хлеб появится в достаточном количестве» — уверял односельчан бывший помещик Каверзнев из Калужской губернии³¹⁸.

Интеллигенция, отнюдь не просоветски, но патриотически настроенная, склонна была в качестве реальной причины будущей войны видеть стремление Запада расчленив Россию. Как отметил в своем дневнике в мае 1929 г. И. И. Шитц, «в газетах даже у нас уже сообщают о новом политическом мотиве, приписываемом Польше, а на деле весьма распространенном на западе: пока Россия вооруженною рукой держит чужие страны — Кавказ, Ср. Азию, Украину — с чуждыми ей народами, военная опасность на востоке не устранена. За этим мотивом нетрудно видеть стремление расчленив бывшую Россию, раз что она не идет в ногу с Европой, и расчленив на основе советского учения о самоопределении народностей. Почему, в самом деле, требовать ухода из Египта (ими высоко поднятого) и удерживать Украину, которой место в объединении с Галицией?»³¹⁹ Относясь к числу пассивных, но несомненных противников Советской власти, Шитц не разделял радужных надежд части старой интеллигенции, связанных с ожиданием интервенции. Показательно следующее его утверждение (апрель 1930 г.): «Едва ли найдется “энтузиазм” для защиты нынешней власти. Найдется ли здоровое национальное чувство отбиваться от поляков, — или мы сведены будем к Руси Ивана Грозного, с тем чтобы уже *долго* не подняться?..»³²⁰ Можно предположить, что это «здоровое национальное чувство» (при отсутствии советского патриотизма как такового) разделялось значительной частью населения.

Иногда причина войны выглядела совсем уж незначительно-прагматической, например: «Советская власть отправила за границу много различных продуктов, но вместо оплаты запад-

³¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 58.

³¹⁹ Шитц И. И. Указ. соч. С. 114.

³²⁰ Там же. С. 179, 181.

ноевропейские державы высадили на Черном море десант, который окружил Одессу»³²¹.

Люди более образованные, как, например, некий инженер, руководитель изыскательской партии, прибегали к чисто марксистской аргументации, говоря, что «Англия путем нажима добьется вмешательства в наши дела Польши и Германии и завоюет наши рынки»³²². Подобные утверждения, кстати, были характерны для официальной пропаганды.

Обобщая настроения населения, информационный отдел ОГПУ утверждал: «Советскую власть в предстоящей войне оправдывают, приписывая обвинение всецело империалистам». Как бы отвечая аналитикам ОГПУ, некий гражданин Цепин заявлял: «Наши много кричат в газетах, что войны мы не хотим, между прочим, сами же эту войну вызывают. Кто возбудил волнения в Китае, по чьей инициативе взорван Софийский собор, конечно, русские коммунисты»³²³.

Естественно, среди активных сторонников Советской власти существовали и другие мнения о возможном начале войны. Так, в письме, отправленном из Ленинграда в Кострому в декабре 1924 года, выдавая «военно-революционную тайну», автор, курсант Объединенной интернациональной школы, писал: «Если бы в Эстонии разгорелось восстание, то я уже шагал бы по полям Эстонии»³²⁴. В 1926 г. нередко выражалось недовольство тем, что Красная Армия не вмешалась и не ввела войска в Польшу сразу же после переворота Ю. Пилсудского, а также высказывались претензии польским рабочим, которые «спят и дают хлестать себя нагайками»³²⁵.

В июле 1929 г., комментируя слухи о начале конфликта на КВЖД, М. М. Пришвин писал: «В политике я постоянно ошибаюсь, потому что строю свои суждения по материалам, доставляемым мне больше сердцем, и мой разум при этом осмеливается выступить лишь в согласии с чувством. Потому суждения мои в политике всегда обывательские и неверные. Так, я очень

³²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 108.

³²² Там же. Д. 189. Л. 85.

³²³ Там же. Л. 71, 106.

³²⁴ Частные письма середины 20-х годов... С. 74.

³²⁵ Цит. по: Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги» второй половины 1920-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 158.

уверился, что события на К. В. Д. [КВЖД. — А. Г.] на этот раз кончатся войной. Мне представлялось, что революционное правительство еще способно рискнуть и начать войну, чтобы зажечь “мировой пожар”. Я это думал, потому что в корне своем сам большевик, а в жизни уже давно этого нет: я судил по себе, не считаясь с тем, что революция давно пережита и “пятилетки”...»³²⁶ Впрочем, уже через месяц его настроение резко изменилось: «Новая тревога войны. Все толкователи событий по обыкновению своему ошиблись, упустив из виду одно обстоятельство. Они говорили, что не будет войны, потому что наши никогда на нее не решатся. В это и уперлись. Между тем ее начинают китайцы или кто-то там за их спиной»³²⁷.

Тем не менее время шло, а война все не начиналась, и в результате появились новые слухи, объяснявшие на сей раз, в чем причина задержки войны. Большинство из них сводились к тому, что власти, боясь войны, тайно пошли на уступки Западу: «Советская власть держится только потому, что за все недоразумения иностранцам она платит или золотом или хлебом в натуре». Иногда упоминались и более серьезные формы платежа; так, время от времени утверждалось, что Англии отдали Архангельск, каменноугольную промышленность Донского бассейна и Урала, а золотопромышленность Сибири и Сахалина передали Японии — «чтоб не нападали»³²⁸.

Один из вариантов такого слуха возник в результате очередного учета лошадей: «Сейчас каждый год у крестьян будут забирать лошадей, потому что Советская Россия должна их отдавать англичанам, иначе будет война»³²⁹. Для российского крестьянина, главной ценностью которого продолжала оставаться лошадь, такое утверждение было, может быть, и естественным; интересно, однако, что ответили бы англичане, если бы им в счет уплаты старых долгов предложили табун крестьянских «сивок» и «гнедков»?..

По мнению некоего кустаря Назаренко, «война была бы объявлена еще в мае сего года, но иностранцы, предчувствуя хороший урожай в России, не торопятся с объявлением войны, стараясь закупить у нас хлеб... войну они объявят тогда, когда

³²⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 431.

³²⁷ Там же. С. 447.

³²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 103; Д. 188. Л. 40.

³²⁹ Там же. Д. 188. Л. 72.

будет в руках нужное количество хлеба, а теперь под разными предложениями подделываются к СССР»³³⁰.

Иногда причиной того, что война все не начинается, объявлялась позиция белоэмигрантов, в частности тех же Николая Николаевича и Кирилла, которые «все время ходатайствуют перед этими державами [Англией и Америкой. — А. Г.], чтобы они пожалели русский народ и не делали войны»³³¹.

В дневнике М. М. Пришвина за июль 1930 г. есть любопытное свидетельство о бытовавших в среде интеллигенции объяснения затянувшейся «мирной передышки»: «Говорят, однако, будто европейцы сговорились не трогать нас и дать возможность продолжить свой опыт для примера социалистам всего мира»³³². И, наконец, наиболее интересная версия была высказана уже в 1931 г. в Вологде, в очереди за мясом, где обсуждали вопрос о войне. Одни говорили, что война этим летом неизбежна, а другие — «что войны не будет, т. к. капиталисты ждут, пока в СССР народ сам с голоду умрет, доказывая свою правоту тем, что при условии мирной обстановки в следующем 1932-м году будет жить еще трудней, т. к. у крестьян ничего не осталось, а колхозы в снабжении города сельхозпродуктами не справятся»³³³.

Интересно, что популярный в поздней литературе тезис о вере советский людей в революционный пролетариат Запада, который не допустит войны против СССР, применительно к 20-м годам, не подтверждается: такие высказывания встречаются довольно редко, и только в городах.

В январе 1927 г., во время знаменитой «военной тревоги», московские рабочие интересовались: «Может ли нам помочь Англия, когда на нас будет идти какая-нибудь страна, если не поможет, то почему?..»³³⁴ Каким образом могут поддержать нас английские рабочие в случае войны с СССР?»³³⁵

³³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 106.

³³¹ Там же. Д. 180. Л. 108.

³³² Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. М. 2006. С. 149.

³³³ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 154.

³³⁴ Это единственный случай, когда Англия упоминается в качестве возможного союзника; из контекста следует, что спрашивавший имел в виду, скорее всего, английских рабочих.

³³⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 129 об.

Если верить составителям сводок, в Ленинграде летом 1927 г. были «характерны для рабочей массы» следующие мнения: «В будущей войне мы не одиноки, нас поддержит западноевропейский пролетариат»³³⁶.

Осенью 1927 г. среди строительных рабочих Свердловска в связи с рабочими выступлениями в Австрии³³⁷ был отмечен рост оптимистических настроений относительно ожидаемой войны: «Слухи о войне, имеющие массовую распространенность в середине июля в настоящее время наблюдаются лишь частично. Особенно успокаивающе действовало на рабочих известия о событиях в Австрии... Во время обеденного перерыва десятник Торопов в группе собравшихся рабочих говорил: “Здорово работают наши братья венские рабочие. Вот они в будущую войну нас поддержат”»³³⁸.

Встречались утверждения о том, что Красную армию-освободительницу «будут встречать с красными флагами, особенно наши соседи: Польша, Румыния, Болгария»³³⁹.

Однако все чаще высказывались сомнения в безоговорочной международной солидарности трудящихся, в революционности западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают... хотя бы демонстрации рабочие делали, что ли, а раз молчат рабочие — это буржуазии на руку»³⁴⁰.

Звучали и откровенно скептические вопросы, в частности, «в чем конкретно выражается сочувствие западноевропейских рабочих по отношению к СССР», и высказывания, например, «английские рабочие перешли на сторону Чемберлена»³⁴¹.

Довольно часто в сводках отмечалась «неуверенность в поддержке со стороны иностранных рабочих», которая приво-

³³⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 12.

³³⁷ 14 июля 1927 г. Венский уголовный суд оправдал участников разгона рабочей демонстрации, в ходе которого погибли двое рабочих, в январе того же года. В результате 15 июля в Вене началась всеобщая забастовка, массовые демонстрации рабочих. Полиция применила оружие, начались уличные бои, приведшие к многочисленным жертвам. Выступление было подавлено.

³³⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1121. Л. 70–71.

³³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 17.

³⁴⁰ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 262. Л. 140.

³⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 133, 174.

дила к выводу: «Теперь капитализм победит. На союз международных рабочих мало надежды»³⁴².

Наконец, на Северном Кавказе в 1927 г. встречались высказывания о том, что война будет проиграна из-за отсталости советского оружия и враждебности европейских рабочих³⁴³.

Намного чаще надежды «на союз международных рабочих» характерны уже для 30-х годов, когда подросли новые поколения, воспитанные исключительно в духе советской пропаганды и идеологии, а ожидания войны потеряли прежнюю остроту.

* * *

В качестве наиболее вероятного противника СССР рассматривались разные (иногда весьма неожиданные) страны. Например, весной 1925 г. в Армавирском округе появилось воззвание, гласившее: «Долой ненужный красный произвол, да здравствует великая священная итальянско-русская война против красных варваров», а в Гомельской губернии листовка, в которой содержался следующий призыв: «Да здравствует Антанта Бельгия, Сербия, Польша, Румыния, Германия, Турция, Норвегия, Китай, Эстония»³⁴⁴.

Среди потенциальных противников выделялись две группы — великие державы (Англия, Франция, США, Япония, реже Италия) и непосредственные соседи СССР (Финляндия, Польша, Эстония, Румыния, Болгария, Турция, Китай)³⁴⁵.

Когда речь шла о возможных противниках, как правило, проявлялись региональные различия; так, в западных губерниях чаще прочих в качестве противника фигурировала Польша, а на Дальнем Востоке — Япония. Впрочем, встречались самые разные варианты. Например, в августе 1925 г. в Тульской и Тамбовской губерниях ожидали войны с Польшей,

³⁴² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 14

³⁴³ См.: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 187.

³⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 182. Л. 16 об.; Д. 188. Л. 59.

³⁴⁵ Характерно, хотя и неудивительно, что в этом отношении массовое сознание почти буквально воспроизводило представления советской военной элиты. См.: Минц М. М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг. Автореф. канд. дисс. М., 2007. С. 16.

в Вологодской — с Польшей и Англией, а в Архангельской и Северо-Двинской почему-то с Японией и Китаем³⁴⁶.

Вне конкуренции в качестве самого опасного и очевидного противника выступала именно Англия, причем на протяжении всего периода 1920-х годов.

В начале 20-х годов представления о грядущей войне с Англией опирались в основном на воспоминания о недавней интервенции союзников, в частности, на Севере. Так, в апреле 1923 г. в Архангельской губернии были зафиксированы слухи о высадке союзного десанта для захвата Архангельска. С другой стороны, именно признание Англией СССР в феврале 1924 г. рассматривалось крестьянами Коми области как признак укрепления советской власти³⁴⁷.

Постепенная нормализация англо-советских отношений, тем не менее, истолковывалась далеко не всегда благоприятным для власти образом. С 1924 г. постоянно воспроизводятся слухи о том, что какая-то часть Русского Севера будет передана Англии³⁴⁸. Так, в сентябре 1924 г. в Печорском уезде говорили об уступке Англии Архангельской губернии, в том числе, естественно, и данного уезда. А летом 1926 г. в Архангельском уезде той же губернии прошел слух, что «Вологодская, Архангельская и Олонецкая губернии проданы Соввластью Англии за старые царские долги, что скоро мы все будем под властью англичан...»³⁴⁹

Однако время шло, передача северных губерний Англии так и не состоялась, и в связи с обострением англо-советских отношений с весны 1927 годы вновь пошли слухи о войне с Англией. В соответствии с ними коварный Альбион, так и не получивший, кстати, долги, требовал у СССР три губернии —

³⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 71.

³⁴⁷ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 60, 68.

³⁴⁸ Эти слухи оказались на редкость устойчивыми: они, в частности, были зафиксированы в Архангельске в июне 1944 г. Трудящихся города волновал среди прочего такой вопрос: «Правда ли, что благоустраивают города Архангельск и Молотовск [бывший и будущий Северодвинск — *авт.*] в связи с передачей их в аренду Англии». См.: Голубев А. В. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 444–445.

³⁴⁹ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 80, 119.

Архангельскую, Вологодскую и Коми АО, в противном случае угрожая войной³⁵⁰.

Иногда ожидания английской интервенции принимали совершенно гротескные формы; так, накануне Первомайских праздников 1927 г. один из крестьян Псковской губернии предупредил: «Скоро придут из Китая англичане и всех перережут...»³⁵¹

Впрочем, ожидаемый приход англичан пугал далеко не всех. Как утверждали одни, англичане нападут и увезут весь лес. Ничего, возражали другие, «пусть придет Англия, худого нам ничего не сделает. Если коммунисты и в дальнейшем будут так руководить, то мы готовы связаться с Англией». «Хорошо бы нас завоевала Англия, — восклицали третьи, — что бы Чемберлену прилететь сюда, наш брат крестьянин всех коммунистов уничтожит». Но были и другие голоса. «Английские капиталисты знают безнадежность шансов победы [над] СССР в случае войны, ибо наш Союз крепок и силен, и при том же, в случае нападения СССР будет поддерживать пролетариат всего мира, поэтому англичане не смеют выступить против нас», — уверенно говорил односельчанам один из крестьян Сысольского уезда Коми АО летом 1927 г.³⁵²

Характерно, что Германия, противник в недавней Великой войне, в этом ряду встречается крайне редко, и, как правило, лишь в том случае, когда перечисляются практически все соседи СССР и наиболее значимые державы, как в вышеупомянутой листовке. Иногда Германия упоминалась как территория, на которой формируются войска белогвардейцев для похода в СССР (на самом деле на территории Германии воинских формирований Белой армии не было).

Порой встречались утверждения, что Германия может начать войну против СССР под давлением других держав, в частности Англии: «Англия путем нажима добьется вмешательства в наши дела Польши и Германии и завоюет наши рынки... Америка и Англия заставляют Германию начать войну

³⁵⁰ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 145.

³⁵¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 369.

³⁵² ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 146, 148, 152.

с СССР, на что дают необходимые средства» и т. д.³⁵³ И лишь в единичных случаях Германия присутствовала в массовом сознании в качестве инициатора новой войны. Вот один из таких случаев: «Тверская губ., Краснохолмская вол., Бежицкий у., быв. помещик Сергеев: ожидается война с Польшей. Скоро будет война с Германией». Характерно, что о войне именно с Германией говорит человек «из бывших», по своему воспитанию и убеждениям принадлежащий дореволюционной эпохе³⁵⁴. Но в таких случаях вспоминали, как правило, о международной солидарности пролетариата: «рабочие Германии дружные, на нас их не скоро натравишь...»³⁵⁵

Даже возникавшие время от времени осложнения в советско-германских отношениях массовым сознанием воспринимались относительно спокойно; по крайней мере, они не приводили к выводам о неизбежной в самом ближайшем будущем войне (для сравнения отметим, что после взрыва в Софии слухи о войне с Болгарией держались несколько месяцев). Так, весной 1924 г. после полицейского налета на советское торгпредство в Берлине³⁵⁶, в сводках Политуправления РВС СССР утверждалось, что «красноармейцы проявляют живой интерес к конфликту с Германией, выражая опасения за могущие получиться осложнения», но настроение вместе с тем «приподнято-революционное. Выражая свое негодование по поводу налета, военморы заявляют, что политика Соввласти слишком миролюбива»³⁵⁷.

За весь период с 1922 по 1932 гг. лишь однажды Германия фигурировала в массовом сознании в качестве основного источника военной угрозы. Это не было связано с какими-либо

³⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 85; Д. 181. Л. 88.

³⁵⁴ Там же. Д. 180. Л. 108.

³⁵⁵ ВОАНПИ. Ф. 1858. Д. 26. Л. 140.

³⁵⁶ 3 мая 1924 г. немецкий коммунист, бежавший из-под ареста, пытался укрыться в советском торгпредстве в Берлине. Полиция провела в торгпредстве обыск, попутно ознакомившись со всеми находившимися там документами. Советская сторона расценила это как грубое нарушение принципа дипломатического иммунитета и заявила официальный протест. Инцидент был официально урегулирован лишь в конце июня, когда германская сторона согласилась подтвердить экстерриториальность применительно к одному из зданий торгпредства. См.: О, Коннор Т. Э. Г. В. Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991. С. 143–144.

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 347. Л. 19; Д. 346. Л. 6.

международными или дипломатическими осложнениями или революционными событиями в Германии и представляло собой классический случай проявления мифологической составляющей массового сознания. В апреле 1925 г. на выборах президента Германии победил П. фон Гинденбург. Очевидно, само имя престарелого фельдмаршала вызвало ассоциации с событиями первой мировой войны и последующей немецкой оккупации. Уже в августе 1925 г. появились сообщения, что один из российских немцев, «носясь с портретом Гинденбурга, убеждает всех в скором приходе последнего на Украину»³⁵⁸. О том, что слухи о войне с Германией основывались на ассоциациях с событиями прошлых лет, свидетельствует записка, подброшенная в почтовые ящики в Псковской губернии в октябре 1925 г. «Скоро посетят Россию кровавые гости: Айронсайд³⁵⁹, за ним Гинденбург, а вслед за ними Франция, Англия, Болгария, Латвия и другие страны»³⁶⁰. И, наконец, своеобразной кульминацией стал зафиксированный в ноябре в Курской губернии слух о том, что «главки немецкой республики [так в документе; очевидно, имеются в виду “главы” или “глава республики” — *авт.*], находят неправильным введенный в России большевиками порядок, а потому считают пойти войной на Россию и что таковая скоро произойдет»³⁶¹.

Но это исключение не оставило заметных следов в массовом сознании; более того, в отличие от других западных государств, Германия иногда фигурировала в качестве вероятного союзника в грядущей войне.

Разумеется, уровень симпатий к Германии как таковой не стоит преувеличивать; среди просоветски настроенной части российского общества существовало убеждение, что правительство Германии «всецело находится на поводу у капиталистов»³⁶².

Иногда какое-нибудь рядовое событие, вроде приезда германской делегации, оказывало позитивное влияние на настроения в СССР. Так произошло в августе 1925 г., когда буквально

³⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 121.

³⁵⁹ Э. Айронсайд — британский генерал, с октября 1918 по сентябрь 1919 г. главнокомандующий союзными экспедиционными войсками на Севере России. В августе 1925 г. был в Польше на военных маневрах.

³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 126.

³⁶¹ Там же. Д. 180. Л. 101.

³⁶² Там же. Д. 346. Л. 88 об.

по всей стране ходили слухи то ли о начале, то ли о близости войны (в т. ч., как указывалось выше, с Германией), в сводках ОГПУ применительно к некоторым районам Центральной России подчеркивалось: «население истолковывает приезд делегации как предотвращение скорой войны»³⁶³.

Любопытно свидетельство И. И. Шитца, отнюдь не склонного доверять официальной пропаганде. В ноябре 1930 г. он записал в дневнике: «Вот, например, как рассуждают молодые специалисты, толковые, образованные, не партийцы, но все же взошедшие на советских дрожжах: интервенция несомненно будет, сомнения нет; вопрос лишь в том, как скоро и как бы нам быть к ней готовыми; некоторая уверенность в нашей способности *отбиться* у молодежи есть; они не скрывают того, что у нас большую часть играет немецкая подготовка; передают, что часть немцев, живущая мыслью о реванше французам, определенно готовилась заключить с СССР военный союз, что в Россию приезжали штабные немцы, все изучили, всем остались очень довольны, но только, вернувшись в Германию, встретили там резкий отпор у правительственной стороны, которая будто бы остерегается союза с СССР; отголоски этих споров проникли будто бы и в печать (в Германии)»³⁶⁴.

Ситуация изменилась лишь после 1933 г., после прихода к власти нацистов, когда Германия постепенно становится наиболее вероятным потенциальным противником, сменив в этом качестве Францию и Польшу, Японию и Англию (об этом речь пойдет дальше).

Наряду с Германией, поразительно незначительное место в ожиданиях войны занимала в 20-е годы Франция. В советской пропаганде она периодически выдвигалась на первый план в качестве потенциального противника, организатора интервенции и т. п. Например, такая стихотворная подпись сопровождала карикатуру М. Черемных 1923 года «Жирная Америка и тощая Европа»:

«Европа смотрит взглядом тусклым,
Товара нет и порван зонт,
И под дождем штыков французских
Европы мрачен горизонт»³⁶⁵.

³⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 33.

³⁶⁴ Шитц И. И. Указ. соч. С. 249.

³⁶⁵ Крокодил. 1923. № 3. С. 536.

«Французские штыки» появились здесь неслучайно — именно Франция являлась доминирующей в военном отношении державой Европы, именно Франция и ее восточноевропейские союзники, прежде всего Польша, воспринимались советской военно-политической элитой в качестве источника непосредственной угрозы для СССР. Считалось, что Англия, представлявшая особую опасность в политическом или экономическом отношении, в соответствии с традиционными российскими стереотипами, предпочитала воевать исключительно чужими руками. Опыт мировой войны, в ходе которой Англия мобилизовала массовую сухопутную армию и потеряла на фронтах свыше 700 тыс. человек, ничего не изменил: привычные стереотипы оказались сильнее исторической реальности. Кроме того, именно Франция являлась основным политическим центром белой эмиграции.

И тем не менее в массовом сознании упоминания о войне между Францией и СССР встречаются достаточно редко и, как правило, только в 1922–1924 гг.³⁶⁶ Лишь однажды Франция упоминается в качестве главного организатора войны против СССР: в марте 1925 г. был отмечен слух, что «Францией создан блок против СССР, что решено поставить в русские цари Кирилла и что свержение Советской власти неизбежно»³⁶⁷. Конечно, Франция в качестве потенциального противника неоднократно упоминалась и позднее, но обычно — в перечне всех основных капиталистических стран, причем после Англии, Польши, а порой и Америки. Возможно, здесь проявились стереотипы восприятия Франции скорее как потенциального союзника, закрепившиеся еще с 1890-х годов и получившие подтверждение в ходе мировой войны. Очевидная популярность французской культуры, симпатии к Франции и французам в целом были все же характерны прежде всего для т. н. «образованных классов» и вряд ли могут служить в данном случае объяснением.

³⁶⁶ См., например: «Совершенно секретно»... Т. 1. 1922–1923 гг. М., 2001. Ч. 1. С. 188; Ч. 2. С. 689, 826, 833; Т. 2. 1924 г. М., 2001; С. 187; Т. 3. 1925 г. М., 2002. Ч. 1. С. 219–222, 237; Ч. 2. 619; и др.

³⁶⁷ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 219.

Что касается соседних стран, то, помимо возможности их участия во всеобщей войне, развязанной Западом против СССР, слухи о войне с ними возникали постоянно из-за различных пограничных или иных инцидентов в двусторонних отношениях.

С большинством непосредственных соседей отношения СССР в 20-е годы были по меньшей мере напряженными. Существовали взаимные территориальные претензии (в отношениях с Польшей, Румынией, Эстонией). На польской, финляндской, румынской границах время от времени возникали т. н. «инциденты», а в сущности — вооруженные столкновения.

При этом соотношение сил в 1920-е годы складывалось, в отличие от более поздних времен, далеко не в пользу СССР. В случае всеобщей мобилизации в конце 1920-х годов западные соседи СССР (Польша, Румыния, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония) могли в целом выставить 2,5 млн человек, около 5700 орудий, более 1 тыс. самолетов, почти 500 танков. Полностью отмобилизованная Красная Армия могла противопоставить этому лишь 1,2 млн человек, около 5600 орудий, 700 самолетов, 200 танков, броневозов и бронепоездов³⁶⁸. А ведь за спиной потенциальных противников «первого эшелона» был еще и «западноевропейский тыл», прежде всего армии Англии и Франции.

Вместе с тем советская официальная пропаганда зачастую относилась к малым странам Европы без элементарного уважения. Достаточно полистать подшивки журналов тех лет, чтобы найти многочисленные карикатуры, где Польша изображалась в виде то собаки, то свиньи, Болгария в виде уголовника, Румыния в виде кокотки и т. п. Например, в одном из январских номеров «Крокодила» за 1931 год была опубликована целая серия откровенно оскорбительных шаржей на лидеров соседних стран — Польши, Чехословакии, Финляндии, Румынии. В заключение делался вывод:

Вот вам соседи СССР,
чудеснейшие, добрые соседи.

³⁶⁸ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 64.

За ними же мосье, милорды и миледи
им помогают на любой манер.
Там тяжесть денежных надбавок,
здесь наводных орудий блеск и шик,
и ясно, что от маленьких державок
ждать надо гадостей больших³⁶⁹.

В апреле 1925 г. в Болгарии во время панихиды в Софийском кафедральном соборе взорвались две адские машины. Погибло свыше 150 чел., несколько сотен было ранено, пострадали в том числе и члены правительства. В стране было введено осадное положение, начались массовые аресты коммунистов. Болгарский премьер-министр А. Цанков объявил, что найдены документы Коминтерна о назначенном якобы на 15 апреля восстании, сигналом к которому должны были послужить поджоги и взрывы. Народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин резко отрицал подобные обвинения и охарактеризовал взрыв как «яркое проявление отчаяния народа»³⁷⁰.

Постепенно шум вокруг взрывов, по крайней мере, за пределами Болгарии, утих, тем не менее, несколько месяцев в СССР ходили упорные слухи о том, что война с Болгарией либо на пороге, либо уже идет. «Все иностранные державы по поводу взрыва Софийского собора пришли к соглашению во что бы то ни стало перебить всех большевиков» — считали многие. Причем перспективы Советской России в этой войне оценивались обычно пессимистически. «Болгары не то что наши русские, они сразу возьмут в работу СССР. Ведь Антанта им разрешила иметь до 10000 войска» — говорили в июне 1925 г. на Северном Кавказе³⁷¹.

Еще более распространенные и правдоподобные слухи о войне были вызваны малозначительными пограничными инцидентами. В январе, июне и июле 1925 г. на Ямпольском участке (город в Винницкой обл. на р. Днестр) советско-польской границы часто вспыхивали перестрелки. Наиболее серьезный инцидент произошел 29 июня, когда около 150 польских солдат вторглись на советскую территорию,

³⁶⁹ Крокодил. 1931. № 3. С. 6.

³⁷⁰ Правда. 1925. 22 апреля; Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 8. М., 1963. С. 242–243.

³⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 149, 121.

советская застава была сожжена. 3 и 20 июля произошли новые столкновения, погибли начальник советской заставы и польский капрал. 25 августа был подписан советско-польский протокол о ликвидации инцидента. Поляки вернули имущество, захваченное на заставе, и выплатили около 5900 долларов (эквивалент ущерба в 11,5 тыс. руб.)³⁷².

Инцидент был таким образом исчерпан, однако уже в мае слухи о войне были зафиксированы в 18 губерниях, а в сентябре — в 35. «Чаще всего говорят о войне с Польшей, реже — об интервенции со стороны Англии, Франции, Америки» — подчеркивалось в материалах ОГПУ³⁷³. Изменения цен на хлеб, очередной призыв в армию, любое появление в небе самолетов ближайшей авиачасти — все списывалось на войну с Польшей.

Даже представители старой интеллигенции, совершенно не склонные верить советской пропаганде или сочувствовать власти, рассматривали «польскую угрозу» как нечто совершенно реальное. Так, И. И. Шитц весной и летом 1930 г. неоднократно отмечал в своем дневнике: «В Польше порою пахнет каким-то авантюрным стремлением к захвату Украины (она им нужна как рынок для польской промышленности)... опять глухие слухи о войне, опровергаемые официально и на западе, и даже в ближней Польше. А между тем военные расходы Польши до того выросли, что надо либо разоружаться на две трети, либо — *losschlagen* [все распродать], совсем как это было с Германией в 1914 г... Польские вождения вертятся вокруг Украины. Поляки сманивают ее освобождением от Москвы»³⁷⁴.

Поражение китайской революции 1927 г. вызвало слухи о скорой войне еще с одним соседом. В письмах, направленных в «Крестьянскую газету» в марте 1928 г. появились следующие вопросы: «Скоро ли придет в СССР уважаемый Чан Кайши уничтожить наших коммунистов? Куда будут скрываться коммунисты, когда придет Чемберлен или Чан Кайши в СССР, если их за границей не примут?..» Впрочем, эти слухи оказались не слишком устойчивыми; составители следующей, апрельской сводки, отмечали, что «фабрикация слухов перешла в новую стадию. Вместо расчетов на иностранную буржуазию, даже на

³⁷² ДВП СССР. Т. 8. М., 1963. С. 502.

³⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 188. Л. 55.

³⁷⁴ Шитц И. И. Указ. соч. С. 179, 181, 188.

китайскую, как отмечалось в предыдущей сводке, определенно выступают надежды на сибирское и, видимо, на уральское крестьянство многоземельных округов. Сильно затронутое хлебозаготовками, это крестьянство, по слухам, уже готово к восстанию»³⁷⁵. Другими словами, теперь основной противник находился не вне, а внутри СССР.

* * *

Перечень возможных причин войны и потенциальных противников, которым оперировало массовое сознание, был достаточно широк. Какой же ход и исход войны представлялся наиболее вероятным?

Прежде всего, почти никто не сомневался в поражении Советской России³⁷⁶. Это кажется удивительным, учитывая исход недавней гражданской войны и интервенции, но, тем не менее, в 20-е годы это было именно так. Эйфория 30-х годов — «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» — в 20-е была совершенно не свойственна большинству населения. Лишь в единичных случаях можно встретить высказывания о том, что «теперь мы отдохнули и не только Польше, а и всей Антанте набьем» (1925) или «довольно, мы теперь отдохнули и можем воевать — или нас побьют, или мы возьмем всемирную революцию» (1927)³⁷⁷. Характерен повторяющийся мотив «отдыха» — очевидно, после гражданской войны — отражавший состояние страны в целом.

Обычным же был вывод (по-своему соответствовавший духу советской пропаганды): «Война кончится крахом Советской власти, коммунисты будут все перевешаны и Россия будет представлять из себя западноевропейские колонии»³⁷⁸. Причем это мнение разделяли люди, которых трудно было заподозрить в малограмотности, полной неосведомленности или непонимании

³⁷⁵ ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1357. Л. 124, 142.

³⁷⁶ Столь же пессимистических взглядов придерживалось и военно-политическое руководство СССР; так, в конце 1926 г. зам. наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевский представил в Совет труда и обороны доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик», который заканчивался выводом: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы». См.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 65.

³⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 34; ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 13.

³⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 71.

происходящего; так, М. М. Пришвин в июле 1928 г., комментируя очередные слухи о войне, писал в дневнике: «...если война, то Россия станет колонией Европы, если свергнут правительство, то всеобщая резня и в конце опять колония»³⁷⁹.

Даже среди школьников, особенно I-й ступени, встречались подобные настроения: «Если будет война, то советской власти будет капут, т. к. против Советов весь мир»; «Советский Союз очень бедный и не имеет вооружения»³⁸⁰.

Единственным спасением представлялись переговоры и фактическая капитуляция СССР: «Советская власть наполовину упала, из Польши идет Николай Николаевич со своей армией и забрал несколько городов. За границей в скором времени будут переговоры, где решится судьба Советской власти, т. к. царь за границей признан, и если на переговорах будет признан царь, то Советской власти не будет, и будут служить в церквах по старому, будут поминать царя и бывшего патриарха Тихона»³⁸¹.

Чаще война представлялась как всемирная, «ибо все капиталистические страны вооружились против большевиков»³⁸², но иногда в качестве ее инициаторов и основных участников выступали русские белогвардейцы, вооруженные и поддержанные Западом, а порой даже перенесенные на территорию СССР с помощью воздушного флота, например, Америки.

Что касается начала войны, то оно представлялось либо в виде наступления поляков на западной границе (или, соответственно, японцев на восточной), либо в виде англо-французского десанта на Черном или Балтийском море. Все эти сценарии были хорошо известны, опробованы в ходе гражданской войны, да и вообще представляются самыми логичными. Но, наряду с ними, существовали и весьма оригинальные представления, связанные прежде всего с развитием военной техники (о чем, кстати, охотно и подробно писала советская пресса). Так, начало войны описывалось «в виде налета аэропланов на Москву, Ленинград и другие крупные города, которые [аэропланы. — А. Г.] разгонят правительство, так что никакой мобилизации Советская власть сделать не успеет»³⁸³.

³⁷⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 129.

³⁸⁰ Цит. по: Рожков А. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 145.

³⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 183. Л. 20 об.

³⁸² Там же. Д. 188. Л. 39.

³⁸³ Там же. Д. 180. Л. 96.

Иногда грядущая война виделась во всех подробностях, как, например, в Сталинградской губернии в сентябре 1925 г.: «поляки повели наступление на нашу границу с танками, из которых выбрасывали усыпляющий белый газ, от которого красноармейцы засыпали, поляки у спящих красноармейцев проверяли есть ли у них кресты, и у кого есть, того оставляли живыми, а у кого нет — убивали»³⁸⁴.

Вообще химическое оружие, в частности газы, в массовых «сценариях» будущей войны занимало особое место. Это объяснялось как воспоминаниями о газовых атаках времен Первой мировой войны, так и стараниями прессы, которая постоянно писала об ужасах химической войны.

Даже Политуправление РККА, проанализировав материалы прессы (преимущественно гражданской), специально отметило «запугивание читателей “ужасами химической войны” в результате преувеличения роли и значения отравляющих веществ в будущих войнах и недооценки других средств поражения». По мнению политработников, это «создает благоприятные условия для панического настроения во время войны, т. е. уже заранее определяет успех применения отравляющих веществ нашими будущими противниками, учитывающими психологию масс и не без задней мысли пускающими сейчас в свою печать всяких “химических уток” и одновременно “отвлекает внимание от некоторых вопросов обороны, не менее важных, чем вопросы противохимической защиты... основным вопросом, подлежащим освещению на страницах гражданской периодической печати должен являться вопрос о трезвой оценке химической опасности без перегиба палки в ту или иную сторону»³⁸⁵.

Причем (тут уже элемент чисто фантастический, ни в какой реальности или пропаганде не встречавшийся) газы рассматривались как особое, гуманное по сути оружие: «Скоро Англия и Франция пойдут войной на Россию, но народ убивать не будут, а лишь будут усыплять и за это время обезоруживать и убивать коммунистов... Пускают вперед аэропланы, которые выпускают усыпляющие зелья, после чего наши войска обезоруживаются и отпускаются домой... С польской границы

³⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 114.

³⁸⁵ Цит. по: Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги»... С. 159–160.

Николай Николаевич ведет наступление на пограничные отряды с помощью газа, который на людей не действует, а только оружие приводит в негодность... Уже осаждают Москву, пускают усыпительные газы и Москва трое суток, якобы, из-за этих газов уже спала, и у всех коммунистов во время сна отобрали оружие»³⁸⁶.

Более того, народная фантазия заходила так далеко, что предсказала и биологическое оружие, которое в предвоенный период, кажется, всерьез не предполагалось использовать ни в одной армии (секретные японские разработки в этой области, например, относятся уже ко второй половине 1930-х — первой половине 1940-х годов). Но в СССР уже в мае 1930 г. в одном из районов Омского округа рассказывали о чудесном ребенке, который сразу после рождения потребовал себя окрестить, и в процессе крещения предсказывал, что «в этом году будет самая сильная война, такая война, которая уничтожит весь народ в Советском Союзе (аэропланами, газами, орудьями и ружьями). Кроме того с аэропланов и вообще будут разбрасываться всякие дурные заразные болезни, от которых умрут все мужчины, женщины и дети, но дети пожалуй не все умрут»³⁸⁷.

* * *

Своего апогея «военные тревоги» достигли в 1927–1929 гг., когда буквально вся страна запасалась товарами первой необходимости, а крестьяне придерживали хлеб (что, кстати, повлекло за собой кризис хлебозаготовок, и как результат — знаменитые «чрезвычайные меры», проложившие дорогу массовой коллективизации). Наиболее известная и изученная «военная тревога» относится как раз к 1927 г.³⁸⁸

³⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 195. Л. 59 об.; Д. 188. Л. 70; Д. 189. Л. 88.

³⁸⁷ ЦДНИОО. Ф. 425. Оп. 1. Д. 287. Л. 20.

³⁸⁸ О «военной тревоге» 1927 г. см.: Баранов А. В. «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 175–193; Кудюкина М. М. Запад в представлении российского крестьянства в конце 20-х годов // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 60–68; Она же. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Ното Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 261–262; Нежинский Л. Н. Была ли военная угроза СССР в конце 1920 — начале 1930-х годов? // История СССР. 1990. № 6. С. 14–30; Николаев Л. Н. Угроза войны против СССР (конец 20 — начало 30-х гг.): реальность или миф? // Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подхо-

Летом 1926 г. по инициативе руководства ОГПУ состоялось частное совещание, на которое был приглашен нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. На этом совещании, о чем говорил Ворошилов³⁸⁹ на заседании Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по обороне в июле 1926 г., Дзержинский, «считая современную обстановку угрожающей в смысле возможности нападения на нас осенью этого года, считал необходимым принять срочные мероприятия по усилению обороноспособности СССР».

По ходу работы Комиссии заместитель наркома М. Н. Тухачевский доложил, что «в мобилизационном отношении ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы... необходимо признать, что мы не готовы к тому, чтобы выдержать серьезное нападение на нас осенью этого года». Итог заседания комиссии подвел Ворошилов, безапелляционно подчеркнувший: «Международная обстановка требует немедленного принятия срочных мер для того, чтобы не очутиться перед катастрофой»³⁹⁰. Таким образом, опираясь на политический анализ международной ситуации и данные ОГПУ, военно-политическое руководство СССР уже летом 1926 г. пришло к выводу о нарастании военной угрозы.

Осенью 1926 г., на фоне растущего обострения международной обстановки, в частности, ухудшения советско-английских отношений, состоялся очередной призыв в армию, а в ряде губерний (в двух округах Урала, Бобруйском округе, Брянской и Вологодской губерниях) прошла опытная мобилизация.

По данным ОГПУ, за небольшими исключениями население везде отнеслось к этим мероприятиям положительно: «Мы, крестьяне, никогда не откажемся дать защитников государству, только налаживающему свою жизнь»³⁹¹. Однако выводы, сделанные Политуправлением РККА, оказались более неоднозначными: «можно считать установленным, что население подня-

дов. М., 1992. С. 63–90; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1922–1941. М., 2001. С. 47–50; Симонов Н. С. «Крепить оборону страны Советов»: «Военная тревога» 1927 года и ее последствия // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161; Sontag J. P. The Soviet War Scare 1926–27 // The Russian Review. Vol. 34. № 1. P. 66–77; и др.

³⁸⁹ Ф. Э. Дзержинский скончался 20 июля 1926.

³⁹⁰ Кудряшов С. «Серп все ржавеет, а молот блестит». О состоянии Красной армии и обороне страны в 1920-е годы // Родина. 2007. № 10. С. 84.

³⁹¹ «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 638.

тых [по мобилизации. — А. Г.] районов в случае войны Советскую власть безоговорочно поддержит, хотя в массе населения война непопулярна»³⁹².

Именно «мирное» настроение населения, особенно крестьянства, чрезвычайно встревожило и командование армии, и руководство страны. Как подчеркивает М. М. Кудюкина, для быстрого перелома подобных настроений крестьянства было необходимо «проведение решительной политической кампании с лозунгами войны как оборонительной»³⁹³.

Начало этой кампании было положено выступлениями Н. И. Бухарина и К. Е. Ворошилова на XV московской партконференции в январе 1927 г.

Н. И. Бухарин говорил о враждебности стран Запада и добавил: «У нас нет гарантий, что на нас не нападут. Борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу, чем раньше»³⁹⁴. Еще более определенно высказался К. Е. Ворошилов: «Мы не должны забывать, что находимся накануне войны, и что война эта далеко не игрушка»³⁹⁵. Эти высказывания в сочетании с событиями осени 1926 г. привели к массовой военной истерии, убеждению, что война начнется не позднее весны, в крайнем случае, осени 1927 г.

Московский комитет ВКП(б) в подготовленных информационных материалах отмечал отсутствие «нервозности» в настроении широких рабочих масс. Это подтверждалось целым рядом примеров: «На ф-ке им. Свердлова, за исключением старых работниц, которые говорят о том, что опять настанут тяжелые времена, у остальных настроение бодрое. Рабочие говорят: «Раз надо драться, то будем, они готовятся к войне и мы будем готовиться, нас поддержат западные рабочие»... На «Красной швее», в связи с неудавшимся фашистским переворотом в Латвии, группа беспартийных рабочих пришла в ячейку, и, крепко ругнув фашистов, ребята заявили: «Нас осилить им не удастся, пусть попробуют сунуться»... На Хамовническом пивоваренном заводе отдельные тов. предлагают в противовес фашистским переворотам двинуть Красную Армию на сосед-

³⁹² Цит. по: Кудюкина М. М. Угроза войны глазами красноармейцев... С. 279.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Правда. 1927. 9 января.

³⁹⁵ Там же. 14 января.

ние государства, ускоряя этим события...» Но тут же упоминались «отдельные случаи заготовки продовольствия со стороны отдельных рабочих»³⁹⁶.

Цитируемая сводка завершалась следующими выводами, которые неоднократно воспроизводились и в других материалах, как партийных, так и подготовленных ОГПУ: «У громадного большинства рабочих и крестьян не чувствуется нервозности, высказываются опасения о неподготовленности к обороне... Среди новых кадров рабочих отмечены отдельные упадочные настроения... Кулацкая верхушка деревни высказывает надежды, что война приведет к свержению диктатуры пролетариата... Заметно некоторое оживление антисоветской агитации в связи с разговорами о войне»³⁹⁷.

Впрочем, информационные материалы ОГПУ были все же заметно менее оптимистичны. В них чаще отмечались «панические настроения», массовые закупки товаров первой необходимости³⁹⁸, даже отказ крестьян в некоторых районах продавать хлеб и скот на советские деньги. К осени проявились заметные трудности в заготовке хлеба. В результате выросла инфляция, потребительский рынок оказался в крайне напряженном положении³⁹⁹.

Слухи о войне порой принимали явственно апокалиптический оттенок. Так, в феврале 1927 г. на Урале ходили слухи об «огненных столпах на небе, какие были перед германской войной»⁴⁰⁰. Конечно, большинство откликов носило гораздо более серьезный характер. Например, селькор Патрушев из Шадринского округа писал в областную «Крестьянскую газету» (выходила в Свердловске): «Из частных бесед об обороне страны народ говорит, что надо бы более готовить для обороны, более расходовать средств на самооборону. Из газет видно, что наши

³⁹⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 129.

³⁹⁷ Там же. Л. 130 об.

³⁹⁸ В одной из сводок даже приводились конкретные цифры: «...со дня разрыва с Англией происходит усиленная закупка продуктов первой необходимости: соли, муки, сахара и т. п. Есть рабочие, которые закупили по 20–25 пудов муки и пудов по 5 соли». См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 15.

³⁹⁹ См. подробнее: Симонов Н. С. Крепить оборону... С. 157.

⁴⁰⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 10. Подробнее о подобных настроениях см.: Гайлит О. А. Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х годов // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 142–149.

соседи все время готовят новые орудия и газы и сильно создают морской и воздушный флот, а мы спим». Любопытно, что автор обзора писем, поступивших в редакцию, по этому поводу отметил «своевременность недавно данного по советской печати указания не преувеличивать значения военной техники в капиталистических странах и не делать вида, что в советской республике ничего не делается в смысле усиления этой военной техники»⁴⁰¹. Кстати сказать, многочисленные «накладки» в прессе, как местной, так и центральной, приводившие к эскалации «военной тревоги» даже заставили отдел печати ЦК ВКП(б) в августе 1927 г. обратиться в секретариат ЦК с запиской о необходимости созыва совещания Главлитов и их местных органов. Как отмечалось в записке, «необходимость созыва совещания диктуется следующими моментами: 1. Работа цензурных органов приобретает особое значение в связи с *наступившей предвоенной обстановкой* [курсив мой. — А. Г.] Необходимо соответствующим образом ориентировать работников ЛИТов, разобрать ряд вопросов военной и военно-экономической цензуры в целях внесения необходимого единообразия и недопущения прорывов на этом фронте...»⁴⁰² При чем пункт предлагаемой повестки дня «Цензура и военная опасность» стоял сразу за отчетным докладом Главлита. Правда, совещание так и не было созвано.

Историки до сих пор спорят, в какой степени политическое руководство действительно было обеспокоено обострением международной ситуации. Существует мнение, что военная истерия раздувалась исключительно во внутривнутриполитических целях, в качестве средства борьбы с оппозицией. Вместе с тем нельзя не отметить, что во многих документах того времени, в том числе совершенно секретных, сквозит искренняя обеспокоенность ситуацией, искреннее опасение войны. «С каждым днем становится все очевиднее, что существующая ныне паника, которая слышится в каждом публичном выступлении и читается в каждой статье партийных лидеров, не “поддельная”... а на самом деле отражает чувства и эмоции Коммунистической партии и Советского правительства, и эта нервность успеш-

⁴⁰¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 10.

⁴⁰² История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 52–53.

но передается всему народу» — сообщал в Лондон британский дипломат в январе 1927 г.⁴⁰³

В марте И. В. Сталин попытался рассеять тревожные настроения, заявив в выступлении на собрании рабочих сталинских железнодорожных мастерских Октябрьской дороги: «Войны у нас не будет ни весной, ни осенью этого года... Войны не будет в этом году потому, что наши враги не готовы к войне, потому, что наши враги боятся результатов войны больше, чем кто-либо другой, потому, что рабочие на Западе не хотят воевать с СССР, а воевать без рабочих невозможно, потому, наконец, что мы ведем твердо и непоколебимо политику мира, а это обстоятельство затрудняет войну с нашей страной»⁴⁰⁴. Однако дальнейшие события — убийство П. Л. Войкова, разрыв дипломатических отношений с Англией, переворот в Китае в июле 1927 г. только обострили ожидание скорой войны, усилили военизацию общества и привели к активизации государственной военной пропаганды. 1 июня 1927 г. в связи с разрывом англо-советских отношений появилось обращение ЦК ВКП(б), призывавшее советский народ быть готовым к отражению агрессии. На июльском пленуме ЦК Г. Е. Зиновьев заявил: «Война неизбежна, вероятность войны была ясна и три года назад, теперь надо сказать — неизбежность»⁴⁰⁵. Правда, Сталин, как и в марте, попытался несколько снизить напряжение, говоря о возможности «оттянуть» войну. 28 июля «Правда» опубликовала его «Заметки на современные темы», открывающиеся разделом «Об угрозе войны», написанные в относительно спокойном тоне⁴⁰⁶. Но практически одновременно, с 10 по 17 июля, разворачивалась всесоюзная «Неделя обороны», которую ЦК ВКП(б) рекомендовал превратить в «большую политическую кампанию»⁴⁰⁷.

Военная тревога набирала обороты.

В одной из сводок ситуация образно характеризовалась как «момент английской волынки», которая «выражалась в посылке ноты Советского правительства, наш ответ Англии и некоторых угроз со стороны Англии разрывом дипломатических

⁴⁰³ Цит. по: Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 48.

⁴⁰⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 170.

⁴⁰⁵ Цит. по: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс... С. 60.

⁴⁰⁶ См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 9. М., 1948. С. 322–330.

⁴⁰⁷ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс... С. 61.

отношений. Все население в это время насторожилось и ходили всевозможные слухи о войне, о том, Англия, якобы объявляет войну СССР, а вкупе с ней Япония и предъявила якобы ультиматум, чтобы СССР отдал без боя территорию СССР Японии от Владивостока до гор. Кургана Уральской области»⁴⁰⁸. Характерна точность, с которой перепуганное население определяло пределы территориальных требований Японии.

Как говорилось в докладной записке по итогам кампании «Наш ответ Чемберлену», проведенной в июне 1927 г. на Ижевском оружейном заводе, существовали различные оценки ситуации среди рабочих-оружейников. Одни предупреждали: «Трудно будет справиться с буржуазией, если она пойдет на рабочий класс войной», другие предлагали: «Фашисты имеют свои кружки по военной подготовке, которые равняются постоянной армии их государства, а нам нужно уметь владеть оружием каждому рабочему». И, тем не менее, подчеркивалось в документе, «несмотря на упадочное настроение части рабочих, выше приведенные вопросы и выступления рабочих целиком и полностью подтверждают, что в общем рабочие завода вполне достаточно оценивают серьезность данного момента»⁴⁰⁹.

По всей стране принимались соответствующие резолюции. Вот, например, «постановление», принятое на общем собрании в одном из сел Свердловского округа 27 марта 1927 г.: «В случае объявления нам каких-нибудь военных подготовлений капиталистическими государствами, мы, граждане селения Фирсовского объявим решительный отпор капиталу и просим все общества других селений поступать так же. Собратьям рабочим и крестьянам капиталистических государств просим поддерживать с нами политику мира»⁴¹⁰. В другом селе того же округа состоялся митинг, и председатель сельсовета с нескрываемым удовлетворением сообщал в окружную газету: «Нужно сказать, что наша деревня не видала еще такого митинга. 300 человек были только взрослые, не считая до 18 лет. А так как 6 марта был последний день масленицы и наше население наместо катания и всяких других штук провело сознательно митинг и меньше увлеклось катанием и пьянкой, а приковало свое внимание к международной обстановке». Интересно, что

⁴⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 92. Л. 283.

⁴⁰⁹ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 36–36 об.

⁴¹⁰ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 45.

митинг предварялся массовой инсценировкой, в ходе которой «вражеская пехота» во главе с «Чемберленом» (он же колхозник Пальцев), декламировавшим отрывки из своей знаменитой ноты, была разбита «красной конницей», которой командовал сам «Буденный» (в миру колхозник Зюзин)⁴¹¹.

В советской историографии подобные резолюции рассматривались как вполне достоверный индикатор массовых настроений. Современные историки, напротив, склонны их полностью игнорировать. Действительно, чаще всего они составлялись под диктовку работников сельсовета, партийных функционеров низшего звена или каких-нибудь «представителей из района». В результате принятые на бесчисленных митингах и собраниях резолюции на международные темы оказывались так разительно схожи в разных частях страны⁴¹².

И все же в 20-е годы не все было так просто. Были случаи, хотя и достаточно редкие, когда собрание отказывалось принять готовую резолюцию, ссылаясь на возможные репрессии в случае «переворота». Иногда принимались резолюции, противоположные тем, которые предлагали организаторы собрания⁴¹³. Даже в армии, в частности в Белорусском и Приволжском военных округах, были зарегистрированы случаи отказа голосовать за резолюции о военной опасности, потому что «резкие формулировки могут вызвать войну»⁴¹⁴.

С другой стороны, массовые инсценировки, подобные вышеописанной, подготовленные самими жителями села, свидетельствуют о том, что порой такие резолюции отражали настроения, действительно существовавшие в это время и в этих местах.

В июле 1927 г. в ходе «Недели обороны», как сообщал в Политуправление Приволжского военного округа Политсекретариат Вотской области⁴¹⁵, «в общественных организациях Вотобласти и среди населения чувствуется подъем, напряженность

⁴¹¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 43–44.

⁴¹² Можно сравнить, например, резолюции, принятые по разным поводам в Орловском округе в 1927 и в Луганском округе в 1929 г. См.: ГАОрлО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2014; РЦХИДНИ. ф. 17. Оп. 85. Д. 359.

⁴¹³ См. например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 95; Д. 182. Л. 6 об.; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 60; и др.

⁴¹⁴ Кудюкина М. М. Красная армия и «военные тревоги»... С. 167.

⁴¹⁵ Вотская автономная область возникла в феврале 1921 г. В 1934 г. была преобразована в Удмуртскую АССР.

и воинственное настроение»⁴¹⁶. В материалах Уральского обкома настроения масс в целом расценивались как здоровые, в пяти районах было собрано на оборону 2000 руб. (фонд «Наш ответ Чемберлену»), создано свыше 20 ячеек Осоавиахима. Вместе с тем в двух поселках вынесли резолюции — **«какой угодно ценой уступок войну предотвратит и самим не вооружаться»** [курсив мой. — А. Г.]» Были и такие высказывания — «товарищей слабит», коммунистам конец, скоро их свергнем с помощью Англии, «войны нет, а они с кружками ходят» и т. п.⁴¹⁷

Партийные информаторы сходились на том, что настроение рабочих осенью 1927 г. по отношению к войне было «в целом удовлетворительное».

В одном из документов содержалась любопытная характеристика настроений рабочих по возрастным группам: «Вопрос о войне особенно горячо обсуждала молодежь. Среди ее велись такие разговоры: Наконец-то нам представляется случай расправиться с империалистами. Многие из молодых рабочих выражали желание проситься в войсковые части и на фронт без всяких медицинских осмотров и прохождения различных комиссий. За войну высказывались и рабочие средних возрастов, но при этом выражали опасение, что наш союз в смысле подготовленности в техническом отношении, значительно ниже капиталистических государств, а следовательно пока пролетариат этих государств сумеет организованно оказать противодействие этой войне — мы можем быть побеждены химической войной. Рабочие старших возрастов часто высказываются с боязнью о войне потому, что она опять принесет разорение, будут недостатки и всяческие лишения»⁴¹⁸.

Что же касается крестьянства, то, как писал в закрытом письме, адресованном в ЦК партии, один из секретарей Челябинского окружкома ВКП(б), в сентябре 1927 г., «как общее явление, мнения основной части крестьянства, которые удалось установить при проведении собраний и митингов в основном сводятся к тому, чтобы избежать войны». И далее он приводит такие высказывания: «Лучше откупиться хлебом, налогом, но

⁴¹⁶ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 51.

⁴¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 60–61 об.

⁴¹⁸ Там же. Д. 31. Л. 19–20.

не воевать... Какой угодно ценой уступок войну предотвратить... Для того, чтобы оттянуть войну [крестьянство. — А. Г.], согласно заплатить налог в два раза больше»⁴¹⁹.

К тому же выводу пришли составители информационного сообщения по Уральской области. Подытоживая различные мнения, звучавшие в уральской деревне, они подчеркнули: «Средняцко-бедняцкая группа крестьянства стоит на той точке зрения, что нам, СССР, во что бы то ни стало надо продолжать мирный труд, период мирной передышки... Эти заявления являются продуктом глубокой продуманности создавшегося положения. Все еще чувствуя последствия империалистической и гражданской войн, бедняцко-средняцкая часть крестьянства дает себе ясный отчет в том, что война в конечном счете приведет к истощению всего народного хозяйства»⁴²⁰.

Выше уже отмечалось, что принятая в документах ОГПУ социально-классовая градация (настроения бедноты, середняков, кулачества) весьма условна⁴²¹. Социальная принадлежность высказываний (а порой и их авторов) определялась по содержанию, а точнее, по отношению к Советской власти. В цитированном выше информационном сообщении содержатся любопытные нюансы. С одной стороны, есть примеры негативных высказываний бедняков и середняков: «Что сейчас говорить о войне, когда наши крестьянские нужды во внимание не принимаются... Вот воевали, воевали, а все пошло насмарку, бедняк остался ни с чем, душат налогами».

⁴¹⁹ Там же. Д. 87. Л. 111.

⁴²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 63–64.

⁴²¹ Ряд историков, в частности, А. В. Баранов, придерживаются другого мнения. Они подчеркивают, что «на эмпирическом материале 1927 г. подтверждается гипотеза о сословно-классовой сегментации политического сознания земледельцев Юга России... Зажиточные крестьяне и казаки, часть служащих, «нэпманы» проявили неприятие советской практики властвования и надеялись на успешную войну ради свершения режима. Средняцкая толща крестьянства и часть казачества была настроена пацифистски и, скорее всего, осторожно ждала исхода событий. Наконец, третий тип настроений характерен для бедняцких слоев «иногогородних» крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это — антинэповский экстремизм и желание воинственно защищать «подлинную» советскую власть от перерождения». См.: Баранов А. В. Указ. соч. С. 189. Проблема, однако, в том, что социальная принадлежность носителей той или иной позиции, отмеченная в материалах ОГПУ, которые использует Баранов, далеко не всегда соответствовала действительности.

С другой, в разделе «Настроения кулачества» приводятся слова, вполне по смыслу совпадающие с теми, которые несколькими страницами выше характеризовались как «продукт глубокой продуманности создавшегося положения», например: «Англия скоро объявит нам войну, а тогда все мужицкие труды за годы мирной жизни пойдут насмарку, потому что если будет война, хлеб и скот у крестьян будут брать у крестьян так же, как и брали раньше»⁴²².

И в рабочей среде, по мнению как ОГПУ, так и партийных органов, «как пораженческого, так и контрреволюционного характера настроения и разговоры наблюдаются исключительно среди тех рабочих, которые ранее состояли в тех или иных политических партиях (главным образом, меньшевики)»⁴²³. Проверить это утверждение не представляется возможным, хотя, с другой стороны, в нем, очевидно есть доля истины: в политических партиях состояли рабочие, отличавшиеся более высоким уровнем образования, социальной активности, и, в силу этого, более склонные к критической оценке существующего положения.

В целом, как подчеркивает М. М. Кудюкина, реакцию населения на «военную тревогу» 1927 г. «вполне можно определить как поведение в условиях начинающейся войны. Широко циркулировали слухи не просто об угрозе войны, а о начавшихся военных действиях. Угроза вскоре оказаться на оккупированной противником территории оказывала заметное влияние на принятие решений»⁴²⁴. Примерно о том же пишет

⁴²² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 64, 67. Впрочем, не ОГПУ принадлежит сомнительная честь условного деления крестьянства на антагонистические социальные группы в зависимости не от реального социального статуса, а от взглядов и высказываний. Как отмечает американский исследователь Я. Коцонис, еще до революции в деревенском обществе «в атмосфере навешивания ярлыков и взаимных обвинений нередко возникали ссоры между различными группами сельских жителей... при этом каждая сторона называла другую “кулаками” и “подкулачниками”, торговцами или “богатеями”». См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. С. 247.

⁴²³ Там же. Л. 21.

⁴²⁴ Кудюкина М. М. Война, которой не было: военная угроза 1927 г. // Ното Belli — человек войны в микроистории и истории повседневности. Нижний Новгород, 2000. С. 262.

Н. С. Симонов: «Судя по характеру поведения, страна оказалась в своеобразных условиях имитации внешней войны»⁴²⁵.

Любопытно отметить один характерный нюанс — своеобразный «феномен отложенной тревоги». Считается, что к концу 1927 г. ситуация более или менее нормализовалась. Прекратились пугающие выступления советских лидеров, снизился тон прессы. Сводки на первый взгляд демонстрируют некоторое снижение «военных настроений». И тем не менее зимой 1928 г. вновь появляются многочисленные свидетельства о беспокойном настроении в целом ряде регионов, в частности, на Урале: «Крестьяне у нас до того перепуганы насчет войны, что только о ней и говорят. Разубедить их почти нет никакой возможности. «Почему, говорят они, нет мануфактуры, муки. Да потому, что скоро будет война и хлеб отбирают для войны». Селькор Фофанов из Кунгурского округа сообщает о некоей пророчице, которая говорит: «Весной этого года будет война и возьмут от 18 до 45 лет всех на войну, а после войны наступит на царство монархий» [так в тексте. — А. Г.]⁴²⁶.

Прошло совсем немного времени, и в ходе конфликта на КВЖД появились слухи о войне с Китаем. В июле 1929 г. власти Северного Китая захватили телеграф КВЖД, закрыли советские учреждения, арестовали более 2 тыс. советских граждан. 18 августа войска Чжан Сюэяна⁴²⁷ вторглись на территорию СССР. СССР разорвал дипломатические отношения с Китаем; с 11 октября по 20 ноября части Особой Дальневосточной армии отбросили китайские войска, разоружив 8 тыс. человек. 22 декабря был подписан Хабаровский протокол о ликвидации конфликта и восстановлении советского контроля над КВЖД.

⁴²⁵ Симонов Н. С. Крепить оборону... С. 157.

⁴²⁶ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1357. Л. 41.

⁴²⁷ Чжан Сюэян (1898–2001) — китайский военный и политический деятель, сын Чжан Цзолина. В 1928 г. после гибели отца стал правителем Северо-Восточной провинции (Манчжурия), в декабре 1928 г. признал правительство Чан Кайши, в 1931 г. без сопротивления оставил Манчжурию. Со своей армией принимал участие в борьбе с Красной армией Китая (1935–1936). В декабре 1936 г. добился от Чан Кайши обещания совместной с коммунистами борьбы против японцев, после чего был отдан под трибунал и приговорен к тюремному заключению. Когда в 1949 году правительство Чан Кайши потерпело поражение в гражданской войне и вынуждено было покинуть Китай и отправиться на Тайвань, они забрали с собой и Чжан Сюэяна. Лишь в 1993 году суд Тайваня за давностью лет отменил приговор трибунала. Чжан Сюэян умер на Гавайях в возрасте 101 года в октябре 2001 г.

Правда, на сей раз слухи о войне возникали большей частью в восточных районах страны. В Центральной России этот конфликт прошел не то чтобы незамеченным, но, во всяком случае, столь острого отклика, как пограничные инциденты с Польшей, не вызвал.

По сведениям политотдела Пермской железной дороги, в августе 1929 г. настроение железнодорожников было «в основном здоровое», однако это не помешало распространению самых невероятных слухов о том, например, что город Чита «занят китайцами, где был бой и убитых тысячами хоронили». Опять превалируют скептические представления о развитии конфликта: «СССР слаб начать войну с Китаем и КВЖД придется отдать без боя, т. к. иностранные рабочие за нас не заступятся». Наконец, противники Советской власти вновь ожидали от Китая освобождения от Советской власти: «Долго медлят китайцы с войной, надо бы давно прибить эту сволочь, чтобы не заражали молодое поколение дурацким духом... Раз с Востока начало, а там 15000 человек русской армии во главе с Семеновым, то и Запад не дремлет, конец коммунистам будет неизбежен»⁴²⁸. Любопытно, кстати, высказывание относительно «заражения молодежи» — антисоветски настроенные граждане ощущали, как с каждым годом укрепляется за счет смены поколений социальная база режима⁴²⁹.

Именно по случаю событий на КВЖД ГПУ отмечало «волну энтузиазма» у студентов, которые «все единогласно записались в организованные отряды добровольцев и с охотой проводят военные занятия»⁴³⁰. Студенты конца 20-х годов по социальному происхождению, жизненному опыту, политическим симпатиям заметно отличались от своих сверстников — современников революции и гражданской войны⁴³¹. Поэтому такая реакция молодежи, увлеченной революционной романтикой и не представлявшей, что такое на самом деле война, становится с тех пор и надолго преобладающей.

⁴²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 297. Л. 194, 196.

⁴²⁹ Об этом подробнее см.: Голубев А. В. Сталинизм и советское общество // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 348–376.

⁴³⁰ Цит. по: Лютов Л. Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 118.

⁴³¹ Подробнее см.: Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху 1917–1927 гг. СПб., 2001; Рожков А. Ю. Указ. соч.

В закрытом письме секретного отдела Вотского облисполкома, направленном для сведения председателям райисполкомов, подчеркивалось: «В связи с конфликтами на КВЖД кулачество Вотобласти своей агитацией и провокационными слухами о якобы начавшейся войне создает паническое настроение...» И далее приводились проявления этого настроения: крестьяне запасались продуктами, дети выходили из пионеров, раздавались угрозы в адрес бедноты и коммунистов, что вызывало у последних ответную реакцию: «прежде чем идти воевать на фронт, вначале нужно будет перерезать чуждый элемент, а то он перережет наше семейство»⁴³².

Как пишет И. О. Кузнецов, «глубоко показательно, что особенно масштабная кампания о «военной угрозе» была развернута накануне коллективизации»⁴³³. На самом деле, как отмечалось выше, самой масштабной военной тревогой была все же тревога 1927 г.; на вывод исследователя повлияла, скорее всего, специфика материала: в Сибири кризис на дальневосточной границе, возможно, действительно воспринимался более обостренно, чем события на Западе, но это вряд ли характерно для страны в целом. Любопытно также, что исследователь воспринимает военные тревоги исключительно как результат планомерных кампаний властей, хотя и признает, что «рассматриваемая акция имела непредвиденные для ее организаторов последствия», в частности, «в небывалой степени способствовала оформлению в более определенное русло оппозиционных настроений»⁴³⁴. На самом деле, как было показано выше, причины военных тревог были гораздо сложнее, и вряд ли возможно жестко привязывать их исключительно к тем или иным мероприятиям властей, скажем, борьбе с оппозицией или подготовке коллективизации, хотя и такие взаимосвязи, несомненно, имели место.

В конечном итоге ни разрыв англо-советских отношений, ни убийства и аресты советских дипломатов, ни высылка из

⁴³² Реализация политики советского государства в отношении крестьянства в конце 1920-х — начале 1930-х годов на территории Базинского района Удмуртской республики // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 78.

⁴³³ Кузнецов И. О. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Учебное пособие. Новосибирск, 1992. С. 73.

⁴³⁴ Там же.

Франции полпреда СССР Х. Раковского, ни конфликт на КВЖД не привели к войне. И после этого в массовом сознании происходит постепенный перелом. Ощущение опасности войны отодвигается на второй план (хотя окончательно, конечно, не исчезает) и вытесняется повседневными заботами.

* * *

Обобщая все, что было сказано о «военных тревогах» 1920-х годов, можно выделить их наиболее характерные черты.

Во-первых, поводом для возникновения «военной тревоги» могли послужить любые международные и внутривнутриполитические события; официальные заявления властей или те или иные пропагандистские кампании в прессе; наконец, просто слухи, возникающие, казалось бы, без видимых оснований. В любом случае, однако, «военная тревога» являлась в большей степени спонтанной реакцией населения, чем результатом целенаправленной политики властей. Даже тогда, когда, как в 1927 году, «военная тревога» была сознательно спровоцирована политическим руководством, ее масштабы, проявления и результаты оказались в значительной степени непредвиденными и даже, с точки зрения властей, негативными.

Во-вторых «военные тревоги» означали не просто разговоры о войне; как правило, они влияли на поведение населения самым непосредственным образом. Например, начинались массовые закупки товаров первой необходимости, тут же, как правило, приводящие к торговому ажиотажу и росту дефицита; задерживались хлебозаготовки; в некоторых районах крестьяне, опасаясь мобилизации, продавали лошадей, в других — отказывались принимать советские деньги; снижалась общественная активность населения, наиболее «неустойчивые» граждане выходили из общественных организаций (пионерской организации, комсомола, иногда даже из партии)⁴³⁵; отмечались случаи уклонения от службы в армии (вообще в те годы достаточно престижной, особенно для выходцев из деревни), некоторый рост дезертирства, попытки красноармейцев перевестись в нестроевые подразделения.

⁴³⁵ В одной из информационных сводок ЦК ВКП(б) за июнь 1927 г. этому явлению был даже посвящен специальный раздел. См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 21–22.

Очевидно, что и в бытовом отношении «военные тревоги» не оставались без последствий (например, они влияли на определение ближайших планов и расходов в крестьянском хозяйстве или планирование бюджета рабочей семьи), но эти, опосредованные их результаты, проследить достаточно сложно, и в любом случае это не является задачей данного исследования.

И. О. Кузнецов, говоря о последствиях военных тревог для крестьянского сознания, отмечает, что «раздувание жупела военной угрозы содействовало усилению в деревне настроений страха, неуверенности, тревоги, паники»⁴³⁶. Подобные настроения ярко проявились во время коллективизации и, очевидно, повлияли на ее ход.

Наконец, «военные тревоги» активно использовались для зондирования общественных настроений, в первую очередь, отношения к Советской власти и ее политике и готовности защищать завоевания социализма. Формы этого зондирования могли быть самыми разнообразными (опросы, обзоры писем, анализ материалов информаторов, бюджетные обследования и пр.), но в любом случае его результаты несомненно учитывались в дальнейшем при принятии политических решений самого разного уровня — но и эта тема заслуживает специального исследования⁴³⁷.

* * *

Своеобразная ирония истории заключается в том, что с начала 30-х годов опасность войны становится гораздо более реальной: в мире появляются силы, заинтересованные в переделе мира любым, в том числе военным способом. Япония начинает широкомасштабную агрессию в Китае, при этом первым шагом явился захват Манчжурии — в результате подлинный, а не мнимый очаг войны возникает на границах с СССР. Фашистская Италия самоутверждается в Абиссинии, и Лига наций (как, впрочем, и в случае с Китаем) оказывается бессильна. Наконец, к власти в Германии приходит Гитлер, главным внешнеполитическим тезисом которого был пересмотр итогов первой мировой войны.

⁴³⁶ Кузнецов И. О. Указ. соч. С. 73.

⁴³⁷ О влиянии «военной тревоги» 1927 г. на последующую политику советского руководства см., например: Симонов Н. С. Крепить оборону... С. 161.

Конечно, все это было известно в Советском Союзе; советская пропаганда постоянно напоминала о нарастании международного кризиса; предпринимались, как в 1935 г., попытки заключить союз с потенциальными противниками Германии. Но все же импульс предыдущей войны заметно ослабел, мирная жизнь (если можно так сказать о жизни советского общества рубежа 20–30-х годов; по крайней мере, жизнь в отсутствии войны) вступила в свои права. Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Подростали и вступали в сознательную жизнь новые поколения, с иным взглядом на мир. Эпоха «призраков войны» уходила в прошлое. Наступила эпоха военной реальности, когда действительно приближавшаяся война порой казалась призрачной.

Снижение уровня ощущения военной опасности отмечали и представители властей. Так, уже в феврале 1929 г. генеральный секретарь Осоавиахима Л. П. Малиновский писал в секретной записке на имя заместителя председателя организации С. С. Каменева, что «несмотря на растущую и бесспорную угрозу войны, отчасти в связи с известными успехами борьбы Советского Союза за мир, отчасти вследствие сосредоточения усилий на разрешении внутренних задач представление о непосредственной военной угрозе в сознании масс притупилось»⁴³⁸.

Ситуация привычной неопределенности ярко описана в дневнике М. М. Пришвина за июль 1929 г.: «Демонстрация возле памятника Ленину... Быть или не быть войне... Кожевников — 90% за войну. Трубецкой — 90, что не будет»⁴³⁹. Привыкли к войнам, знаем, что никто ничего не знает и не может знать. Если война, то ехать в Переславище не надо, конечно,

⁴³⁸ Цит. по: Никонова О. Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 234–235. Малиновский Лев Павлович (1897–1938), генеральный секретарь Осоавиахима, позднее начальник Главной инспекции Главного управления ГВФ при СНК СССР. Репрессирован, по-смертно реабилитирован; Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936), командарм 1 ранга. В 1917 г. полковник Генштаба, командир полка, затем начальник штаба корпуса. С 1918 г. в Красной армии, в 1918–1919 гг. командующий Восточным фронтом, с июля 1919 по март 1924 г. главком Вооруженных сил Республики. Позднее на высших штабных должностях, в 1927–1934 гг. заместитель наркома обороны.

⁴³⁹ Кожевников, Трубецкой — знакомые М. М. Пришвина.

буду складываться все-таки, потому что 80% все-таки за то, что войны не будет. (Конечно, все от англичан, захотят — война, захотят — нажмут на Китай, и все успокоится)»⁴⁴⁰. Прошло несколько месяцев, и тот же Пришвин в феврале 1930 г. уже с откровенным недоверием комментирует слухи о войне с Англией: «Перемотанные люди начинают создавать легенды. Вчера слышал, будто английский посол срочно выехал из Москвы. Сегодня говорят, будто англичане заняли Соловки». А уже в марте он отмечает: «заметно многие перестали думать о войне, что, по всей вероятности, и более верно: не будет войны»⁴⁴¹.

Подобные высказывания со временем встречались все чаще. Конечно, ожидания войны исчезли не вдруг, и их исчезновение не может быть датировано ни конкретным месяцем, ни даже годом. Тот же Пришвин в июне 1930 г. подмечал: «Вся интеллигенция верит, что будет скоро война, и все о ней говорят»⁴⁴². К. И. Чуковский в своем дневнике (запись от 19 ноября 1930 г.) приводит любопытный разговор. Один из собеседников «солидно уверял, будто Запад не хочет воевать с нами, я сказал, что войны не будет, но тут Шк[ловский]⁴⁴³ вспомнил, что накануне импер[иалистической] войны я тоже уверенно говорил: «войны ни за что не будет», и он, Шк[ловский], тогда мне верил...»⁴⁴⁴.

И все-таки уже на рубеже 30-х годов все чаще стали раздаваться уверенные голоса: «прозевали [агрессоры. — авт.], теперь нам воевать не страшно»⁴⁴⁵. Постепенно, вслед за успехами советской промышленности и хотя и не очень заметным, но все же реальным повышением уровня жизни по сравнению с началом 30-х годов, подобные голоса звучали все чаще. Среди молодежи стали распространяться воинственные настроения, о которых часто вспоминали советские мемуаристы. Но и свидетельства того времени говорят о том же. Так, В. И. Вернадский записал в дневнике в марте 1932 г.: «Говорят, среди коммунистов две партии — молодые хотят войны, считая, что это начало окончательной борьбы против капиталистических стран»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 429–430.

⁴⁴¹ Там же. 1930–1931... С. 31, 49.

⁴⁴² Там же. С. 136.

⁴⁴³ Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), русский писатель, литературовед.

⁴⁴⁴ Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 20.

⁴⁴⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 26.

⁴⁴⁶ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 312.

С другой стороны, длительное ожидание войны привело к любопытному психологическому феномену: война, которой боялись, вдруг стала представляться приемлемым выходом из создавшегося положения, способом снять накопившееся напряжение. Тот же Пришвин, который на протяжении всех 1920-х годов писал о войне с явным опасением, в ноябре 1930 г. вдруг стал «утешать» своего приятеля тем, что «скоро должна быть война», а присутствующий при этом его сын заметил: «Я, папа, радуюсь твоему бодрому настроению. — Чем же бодрому? — А вот то, что ты сказал: скоро война...»
Прошел год, и в декабре 1931 г. в дневнике Пришвина появляется новая запись: «Суетятся, бегают, война бы поскорей, один конец»⁴⁴⁷.

Более того, снижение остроты непосредственной военной угрозы для массового сознания подчеркивается появлением довольно неожиданных суждений об опасности... мира. Так, в октябре 1932 г. на одном из ижевских заводов в ходе подготовки к политдню был задан вопрос: «Если мы получим социализм во всем мире, значит не будет войны, народ не будет уничтожаться, а наоборот будет размножаться, то чем будет питаться, если мало пахотной земли, а население увеличится против посева»⁴⁴⁸.

Конечно, можно расценить подобное высказывание как попытку своеобразного эпатажа власти. Однако бытование подобных настроений доказывает такое суждение из не предназначенного для печати дневника А. С. Аржиловского (запись от 31 октября 1936 г.): «...когда бываю в городе среди массы снующих людей, то всегда думаю одно: только одна хорошая война сократит рост этого муравейника. Иначе сожрем сами себя»⁴⁴⁹. О том же писал в августе 1928 г. и В. И. Вернадский: «Каждый год рождается (или подрастает) 10% деревенского населения, которому нет места. Всматриваясь в окружающее, видя количество безработных, детей, связанное с уменьшени-

⁴⁴⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 282, 576.

⁴⁴⁸ Общество и власть. Российская провинция. Т. 2. 1930 — июнь 1941 г. М., 2005. С. 509.

⁴⁴⁹ Аржиловский А. С. Дневник 36–37-го годов // Урал. 1992. № 3. С. 141. Дневник сохранился в архиве НКВД и в 1990-е годы был дважды опубликован, в том числе в переводе на английский язык. См.: *Intimacy & Terror. Soviet Diaries of the 1930s*. N. Y., 1995. P. 111–165.

ем площади посева и скота и отсутствием работы в городе, понимаешь значение — стихийное и грозное этого фактора. Оно приведет или к войне и голоду — извечных регуляторов роста населения, или к перемене социального строя в направлении приспособления его к интенсивному росту национального богатства»⁴⁵⁰. И практически одновременно, в том же августе 1928 г., М. М. Пришвин записал в дневнике: «В отношении современного крестьянского вопроса всякие попытки идеологического подхода (в том числе и мера борьбы с пьянством) являются или недомыслием или лицемерием. Все решается двумя словами: “давай войну” или “давай фабрику”...»⁴⁵¹

Ослаблению ощущения военной опасности способствовали и реальные успехи индустриализации, и умение властей «продемонстрировать» свою растущую военную мощь. Подобные демонстрации были рассчитаны как для «внешнего», так и для «внутреннего» потребителя. В качестве примеров приведем два эпизода, связанные с военными парадами.

По воспоминаниям редактора «Известий» И. М. Гронско-го⁴⁵², в 1932 г. специальным решением закрытого Пленума ЦК ВКП(б), «было решено показать на параде Московского гарнизона новую технику: стрелковое, артиллерийское вооружение. В воздух было поднято несколько сот самолетов, в том числе 300 тяжелых бомбардировщиков. В японских ВВС аналогичных бомбардировщиков было 116. Я был очевидцем этого мероприятия. Парад заканчивается. Площадь освобождается. Напряженная тишина. И вдруг мимо трибун проносятся танки

⁴⁵⁰ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 83.

⁴⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929... С. 188.

⁴⁵² Гронский (Федулов) Иван Михайлович (1894–1985). Журналист, литературный критик. Член ВКП(б) с 1918 г. Участник гражданской войны, партийный работник. С 1925 г. в «Известиях», заместитель редактора, и. о. главного редактора. В 1931–1934 гг. главный редактор «Известий», одновременно в 1931–1934 гг. редактор «Красной нивы» и «Нового мира» (1931–1937). В качестве главного редактора «Известий» принимал участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). В 1932–1933 гг. был председателем Оргкомитета по подготовке 1-го Всесоюзного съезда писателей. Весной 1937 г. был уволен из «Нового мира» за публикацию материалов «врагов народа», работал главным редактором издательства Академии архитектуры и профессором истории литературы в Московском пединституте, в июле 1938 г. был арестован, осужден к 15 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Заключение отбывал в тюрьмах и лагерях Воркуты. В марте 1954 г. освобожден и реабилитирован. Позднее работал в ИМЛИ им. Горького.

новейшей конструкции. У японского военного атташе генерала Хато выпал из рук бинокль. Таких танков во всем мире было пока всего семь штук. Мы на параде показали двенадцать. Это был фурор»⁴⁵³.

Не меньшее воздействие подобные парады оказывали и на рядовых советских граждан. Студент С. Ф. Подлубный 7 ноября 1935 г. записал в своем дневнике (стилистика и орфография источника сохранены): «Что вечером как и прошлый год проводилась военная агитация, военный шовинизм, если можно так выразиться, т. е. показ нечаянный будто бы показ громаднейших танков проезжающих по центральным улицам... Впрочем, в этом году учтены не только крупные масштабы демонстрации учтены также психологические мелочи. Но все это вышло как-то естественно без искусства...»⁴⁵⁴

Конечно, сохранялся и скепсис относительно военной мощи СССР. В ходе обсуждения проекта новой Конституции в Горьковской области звучали и такие вопросы: «Откуда и как наша страна знает о том, что по сравнению с другими странами мы в оборонном смысле сильнее других стран»⁴⁵⁵.

В любом случае, об опасности войны не забывали — в том числе благодаря все той же пропаганде, которая не упускала возможности поговорить о вероятной интервенции. Более того, даже и там время от времени проявлялись «мирные настроения», вызывавшие раздражение партийных кругов. Так, в 1932 г. в «Вечерней Москве» появилась статья, посвященная Оттавской конференции⁴⁵⁶, в которой говорилось, что «создание антисоветского фронта стало настолько трудным делом, что даже... Канада и Англия не могут договориться между собой». В обзоре столичной прессы, подготовленном агитмассовым отделом МК, по этому поводу подчеркивалось: автор статьи «сбивает читателя на вывод, будто угроза военной опасности уменьшается, ослабевает. Абсолютно неверный и вредный вывод»⁴⁵⁷.

⁴⁵³ Гронский И. М. Из прошлого... Воспоминания. М., 1991. С. 147–148.

⁴⁵⁴ Цит. по: Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 251.

⁴⁵⁵ Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 435.

⁴⁵⁶ Конференция британских доминионов проходила в Оттаве в июле — августе 1932 г. На ней были заключены соглашения о введении предпочтительных тарифов в торговле между Англией и доминионами.

⁴⁵⁷ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 40.

Место «военных тревог» 1920-х годов, которые, несмотря на роль пропаганды, все же были по преимуществу стихийным явлением, в 1930-е годы занимает «оборонное сознание» — не только (и не столько) характеристика общества, сколько проект власти, формирование в обществе готовности к войне, причем войне победоносной, войне наступательной.

И пропаганда, и искусство ориентировались на известное высказывание И. В. Сталина: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох»⁴⁵⁸. И вскоре появляются и «оборонная драматургия», и «оборонная литература», и «оборонный кинематограф»⁴⁵⁹.

Советский исследователь так определял в те годы особенность оборонного жанра: «не вообще советская патриотическая драматургия, а такая драматургия, содержание которой непосредственно направлено к укреплению военно-оборонной мощи Советского Союза, к воспитанию в народе чувства постоянной мобилизационной готовности»⁴⁶⁰. Даже от М. А. Булгакова его партийные доброжелатели пытались в 1937 г. «добиться того, чтобы он написал если не агитационную, то хоть оборонную пьесу»⁴⁶¹.

Одной из самых известных в этом жанре стала пьеса В. М. Киршона «Большой день»⁴⁶². О содержании пьесы лучше

⁴⁵⁸ Цит. по: Чалая З. Оборонная драматургия (опыт исследования нашей творческой работы в свете задач современности). М.; Л., 1938. С. 3.

⁴⁵⁹ См. об этом: Кулешова Н. Ю. «Большой день»: Грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Кузнецова М. В. Если завтра война: оборонные фильмы 1930-х годов // Историк и художник. 2005. № 2. С. 17–26; Токарев В. А. Пропагандистский образ будущих войн (советская антиципация кануна Второй мировой) // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 498–534; и др.

⁴⁶⁰ Чалая З. Указ. соч. С. 8.

⁴⁶¹ Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 146.

⁴⁶² Киршон Владимир Михайлович (1902–1938), драматург. Член РКП(б) с 1920 г. Окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова (1923), с 1925 г. один из лидеров РАППа. В мае 1937 г. исключен из состава правления Союза писателей. Арестован в августе 1937 г., обвинен в принадлежности к «троцкистской группе в литературе», расстрелян в апреле 1938 г. Реабилитирован в ноябре 1955 г. Пьеса «Большой день», впервые опубликованная отдельным изданием в 1936 г., была тут же перепечатана «Новым миром» (1937, № 2) и поставлена в январе 1937 г. в театре Красной армии, в феврале в БДТ (Ленинград), в апреле в театре им. Вахтангова, затем во многих театрах страны.

всего говорит такой монолог одного из персонажей, летчика Голубева: «Вчера без объявления войны фашистская армия перешла наши границы. Авиация противника бомбила советские города. Значительные силы пытались прорваться вглубь и совершить налет на Москву... Мы взяли на себя международные обязательства. Поэтому мы обратились в Лигу наций с предложением предотвратить войну. Мы сказали, что будем ждать сутки. Первое наступление ликвидировано в укрепленных районах. Воздушная эскадра противника разгромлена, только отдельные самолеты ушли домой...»⁴⁶³

В задачу данной работы не входит анализ официальной пропаганды, в том числе и «оборонных» литературы, театра, кино. Хочется сделать лишь одно принципиальное замечание. В российской литературе последних лет прочно утвердилось мнение, что предвоенная «оборонная» пропаганда сыграла исключительно негативную роль и несет значительную часть ответственности за трагедии и поражения первых военных лет. Так, в последней, очень интересной статье, посвященной этой проблеме, В. А. Токарев приходит к выводу, что западные авторы, «максимально обнажая ужасы и бедствия войны, деморализовали читателя», в то время как советские пропагандистские описания будущей войны, предлагая ее «безопасную и благородную имитацию», оказали «колоссальное *демобилизующее* [курсив источника. — А. Г.] влияние на советское общество»⁴⁶⁴. К еще более конкретным и определенным выводам приходит Н. Ю. Кулешова: «В общественном сознании прочно укоренились стереотипы об их [потенциальных противников. — авт.] слабости, легкости победы над ними, непрочности тыла всех капиталистических стран и политической нестойкости их армий. Все это имело отрицательные последствия в ходе кровопролитной советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которая, в свою очередь, стала лишь небольшим прологом к всенародной трагедии, разыгравшейся в 1941 году»⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Киришон В. Большой день. Фантастическая пьеса в 5 актах, 6 картинах. М.; Л., 1936. С. 63.

⁴⁶⁴ Токарев В. А. Образ будущей войны (Советская антиципация 1939 года) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 140.

⁴⁶⁵ Кулешова Н. Ю. Армии капиталистических стран в 1930-е годы: два взгляда советской пропаганды // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 21

Однако если рассматривать формирование «оборонного сознания» как составляющую социальной мобилизации общества, которой оно, несомненно, являлось, оценка его окажется не столь однозначной. «Наиболее адекватным критерием эффективности сталинской социальной мобилизации необходимо считать, вероятно, Великую Отечественную войну» — пишет О. Ю. Никонова⁴⁶⁶. С этой точки зрения нельзя не отметить, что советское общество в годы войны продемонстрировало весьма высокий уровень психологической готовности, как на фронте, так и в тылу. «О, к каким грозным испытаниям // подготовлены были они!» — пел уже после войны о «легендарных бойцах» Александр Вертинский, выражая характерное для того времени настроение.

Независимо от задач, которые ставились перед пропагандой в то время, она в реальности не столько готовила население к конкретной будущей войне, не столько обучала, если угодно, «ремеслу войны», сколько формировала определенный **психологический тип**, тип **победителя**⁴⁶⁷.

Более того, представляется маловероятным, что самые реалистические фильмы о будущей войне смогли бы настолько подготовить население к войне настоящей, что это привело бы к снижению уровня потерь, изменению хода боевых действий, сокращению сроков войны. Это не значит, что пропагандистский подход, заключавшийся в триаде «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории» был полностью оправдан. Автор не предлагает изменить оценки наиболее одиозных произведений «оборонного» жанра, заслуженно критиковавшихся и участниками войны, и современными историками, таких, например, как произведения П. Павленко, В. Киршона, Н. Шпанова и др. Речь идет лишь о том, что, несмотря на все издержки, задачи, стоявшие перед оборонной советской пропагандой, были в целом решены.

⁴⁶⁶ Никонова О. Ю. Указ. соч. С. 258.

⁴⁶⁷ Попытку дать историко-психологическую характеристику фронтового поколения предприняла в своих работах Е. С. Сенявская. См.: Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Конечно, и в 1930-е годы, как и в предшествующий период, слухи о войне неоднократно возникали и нередко распространялись по всей стране. «Пахнет порохом, дымит Дальний Восток, неблагополучно и на польско-румынской границе, а поэтому наша задача быть бдительными и на страже, но капиталисты Запада хорошо преуспели по технике» — говорили в Туле в 1932 г.⁴⁶⁸

И вместе с тем, при всех сомнениях, скепсисе, недоверчивом отношении к пропаганде, в настроениях (по крайней мере насколько их можно проследить по имеющимся документам) в этот период отношение к военной опасности становится более взвешенным. Война по-прежнему воспринимается как реальная перспектива, но от нее, как кажется, уже не ждут немедленной катастрофы — или немедленного освобождения.

Неясность международной ситуации, недоверие к официальной прессе, отсутствие иных источников информации, реальные опасения войны — все это порождало самую дикую смесь оценок и предположений даже у представителей интеллигенции, казалось бы, как об этом говорилось выше, способных более здраво и разносторонне оценивать обстановку в мире. Заметно, однако, что еще недавно постоянно встречавшееся слово — «убежденность» относительно близости войны, сменяются теперь словом «догадки».

Даже слухи о будущей войне, исходящие, казалось бы, непосредственно от представителей власти, порой подвергались сомнению. Так, на одном из собраний работники совхоза задали следующий вопрос: «Приезжал лектор в другой совхоз, говорил, “у нас есть газы, но мы бережем их для войны, которая не сегодня-завтра” — это верно?»⁴⁶⁹ Конечно, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», и трудно понять, что именно *говорил* лектор «в другом совхозе», важнее, однако, то, что *услышали* его слушатели и как они *оценили* услышанное.

Сохранился любопытный документ под характерным названием «Сводка о нездоровых и болезненных настроениях

⁴⁶⁸ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 23. Л. 58 об.

⁴⁶⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 75.

рабочих, студентов, специалистов и научных работников г. Перми на 8 октября 1932 г.» В нем говорится: «Вопросы международного характера научных работников интересуют мало и они в этих вопросах рассуждают лишь догадками. Например, проф. Генкель по вопросу о возможности войны говорит, что “Пермь вообще военизирована, но никаких особых военных приготовлений не видно”. Проф. Богословский высказывает, что: “Вероятно войны не будет, а возможно война уже началась, но только о ней не пишут”. Проф. Хребтов считает, что: “война скоро будет, а отсюда сыпняк, смерть, — хоть сейчас и плохо жить, а все же лучше, чем в военное время”. Проф. Ветохин успокаивает себя тем, что его на войну не возьмут»⁴⁷⁰.

Судя по содержанию этой сводки, для провинциальной интеллигенции в 1932 г. были характерны настроения, сходные с теми, что отмечались среди столичной интеллигенции двумя годами ранее, в 1929–1930 гг. Привычное, уверенное ожидание войны сменяется некоторой растерянностью. Конечно, для сколько-нибудь определенных выводов материала недостаточно, но все же еще раз подчеркнем: изменения в общественных настроениях происходили в течение длительного периода и с различной скоростью в разных регионах и в разных социальных слоях и группах.

Как и в 20-е годы, любое изменение международной обстановки вызывало оживленную реакцию противников Советской власти (впрочем, в чисто количественном отношении подобные случаи встречаются в документах намного реже по сравнению с предыдущим десятилетием). Так, весной 1932 г. по поводу обострения ситуации на Дальнем Востоке в партком одного из пермских заводов поступило анонимное письмо, содержащее следующий набор «лозунгов»: «Франция — помощница Америки и наши руководители Гойда⁴⁷¹, Деникин, Врангель. Здравствует свободная торговля, свободный рабочий

⁴⁷⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 83.

⁴⁷¹ Очевидно, имеется в виду Р. Гайда. Гайда Радола (1892–1948) — чешский политический деятель, военачальник, один из организаторов восстания Чехословацкого корпуса (1918), командовал Сибирской армией у Колчака. С середины 1920-х гг. один из руководителей фашистских организаций в Чехословакии. Сотрудничал с гитлеровцами, казнен по приговору чешского Народного суда.

народ... У нас своя программа, долой коммунизм, здравствует колония Англии а не Росея. Здравствует война... Здравствует Япония — колония Англии, а не Россия. Да здравствует Англия, Япония, Америка. Долой Россию и Китай необразованный»⁴⁷². Поразительно, в какой степени чисто советская политическая культура формировала мышление не только сторонников, но и противников Советской власти; вместе с тем бросается в глаза уже привычный набор потенциальных «освободителей» и одновременно — весьма отдаленная связь содержания письма с политической реальностью весны 1932 года.

Не всегда «военная тревога» инициировалась только международными событиями; иногда разговоры о войне вызывались и событиями внутри страны, на первый взгляд не имеющими отношения к внешней опасности. Так, массовая коллективизация и последовавший за ней голод в зерновых районах страны вызвали такие оценки: «Война неизбежна. Белоруссию отрежут. Всем нам висеть на столбиках. Украину тоже отрежут. Недаром мы весь хлеб оттуда выкачали. Приходите, мол, со своим хлебом»⁴⁷³.

И многочисленные займы, на которые вынуждены были подписываться практически все трудоспособные граждане, также связывались в массовом сознании с подготовкой к войне. «Хотя и говорят, что деньги все пойдут на строительство, а на самом деле они идут на военные потребности» — такое высказывание, в частности, зафиксировало ОГПУ в 1932 г. по поводу т. н. «займа четвертого года пятилетки»⁴⁷⁴.

В начале 30-х годов самой очевидной опасностью представлялась Япония. Как и в случае с Польшей в 20-е годы, время от времени возникали слухи о том, что война с Японией то ли вот-вот начнется, то ли уже началась. Эти представления были свойственны не только для массового сознания; так, один из иностранных дипломатов писал тогда из Москвы, что все советские руководители, с которыми он встречался, ждали со дня на день нападения Японии⁴⁷⁵.

⁴⁷² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 242. Л. 36–37.

⁴⁷³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 227.

⁴⁷⁴ «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 383.

⁴⁷⁵ См.: Haslam J. The Soviet Union & the Threat from the East, 1933–1941. Moscow, Tokyo & the Prelude to the Pacific War. Lnd., 1992. P. 145.

И, пожалуй, последней «военной тревогой» можно считать отклик на ситуацию в Маньчжурии в 1931–1932 гг.⁴⁷⁶

В дневнике академика В. И. Вернадского за февраль–март 1932 г. неоднократно подчеркивается: «Опасение войны: вспоминаются рассказы приезжающих из Сибири: население ждет японцев и ненависть крестьян дошла до этой точки... Кругом встречаешь тревогу — ожидание катастрофы — крушения [пятилетнего. — А. Г.] «плана», потери Восточной Сибири...»⁴⁷⁷ Статья в «Известиях»⁴⁷⁸, предназначенная, очевидно, для успокоения населения, вызвала у него такую оценку: «передовая статья: угроза войны и отнятия Восточной Сибири. Начинается смущение. Чувствуется страх перед народным движением. Не очень хорошо и среди рабочих»⁴⁷⁹.

Но вывод тем не менее был следующим: «Опасение войны. Я не верю в это — разве несчастная случайность. Сейчас война отсюда не будет объявлена и она может лишь быть междоусобной, т. е. не у нас, а в тех государствах, с какими будет объявлена»⁴⁸⁰. Другими словами, речь шла уже не о развале СССР в результате войны, а о возможных революционных последствиях в странах-агрессорах.

⁴⁷⁶ 18 сентября 1931 г. после т. н. «Маньчжурского инцидента», а именно взрыва на Южно-Маньчжурской железной дороге, японская Квантунская армия оккупирует г. Мукден, а затем всю Южную Маньчжурию. В марте 1932 г. на территории Маньчжурии было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го. 26 января 1932 г. японская морская пехота высадилась в Шанхае. Однако части китайской армии оказали неожиданное сопротивление. Ожесточенные бои продолжались до начала марта; в июне 1932 г. при посредничестве западных держав было официально подписано соглашение о прекращении военных действий и выводе японских войск из Шанхая. «Удивительно при всей яркости моего резко отрицательного отношения к войне, я чувствую, что защита Шанхая есть великое положительное событие в жизни Китая и человечества» — 26 февраля 1932 г. записал в своем дневнике В. И. Вернадский. См.: Вернадский В. И. Дневники 1926–1934... С. 254.

⁴⁷⁷ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 240, 256.

⁴⁷⁸ Статья в «Известиях» (4 марта 1932 г.) называлась «Советский Союз и Япония». В ней подчеркивалось, что СССР твердо придерживается нейтралитета в китайско-японском конфликте. Статья заканчивалась многозначительной фразой: «Советский Союз не позволит кому бы то ни было нарушить неприкосновенность советских границ, вторгнуться в его пределы и захватить хотя бы малейшую часть Советской земли». По-видимому, оценка Вернадского была близка к истине.

⁴⁷⁹ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 271.

⁴⁸⁰ Там же. С. 275.

Массовая реакция населения в этом случае на первый взгляд мало чем отличалась от того, что наблюдалось в предыдущие годы.

Как отмечалось в докладной записке о работе Нижегородской краевой прокуратуры в области реконструкции сельского хозяйства и хозяйственного укрепления колхозов в августе 1932 г., «кулачество в своей агитации использует все меры к дискредитации колхозного строительства, вплоть до использования факторов международного порядка, так при осложнениях на Дальнем Востоке распространялись слухи, что Япония объявила войну, на которую будут брать всех колхозников без различия возраста и пола»⁴⁸¹.

Причем исход войны опять-таки представлялся в пессимистических тонах: «Весной текущего года обязательно у нас с Японией будет война, а японцы всыпят СССР как следует и в Сибири заберут местность по Байкал, а с Запада в свою очередь пойдет на нас Польша... От вас скрывают — война продолжается, вся Сибирь принадлежит Японии... На СССР с востока наступают японцы, ими уже занят Байкал; с Запада Польша и Германия — занят Ленинград; в Москву прибыло много раненых»⁴⁸².

«Вопросы о возможности войны в массе а/с [антисоветски. — А. Г.] настроенных специалистов находят живейший отклик, при этом имеют место высказывания пораженческого характера» — сообщалось в сводке ОГПУ в июле 1932 г. Но в той же сводке приводится высказывание вполне «пораженческого» характера, которое тем не менее замечательно своим скептическим отношением к самой возможности войны: «События на Дальнем Востоке нас не касаются. С нами никто связываться не хочет. У нас подняли шум для того, чтобы побольше денег с нас выкачать. В случае же войны с Японией нам придется очень скверно. Японская армия непобедима. Нам нужно согласиться на любые условия, предложенные Японией, иначе мы поведем русский народ на убой»⁴⁸³.

Любопытны различные мнения о причинах японской агрессии на Дальнем Востоке.

⁴⁸¹ Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 316.

⁴⁸² ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 162. Л. 41; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. М., 2001. С. 425, 780.

⁴⁸³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 227.

Рабочие одного из вологодских заводов в октябре 1931 г. рассуждали так: «Япония не иначе как зачинщик войны от всего мирового капитала, которая ищет рынка сбыта не только для себя, но и для всего капитала. Этим конфликтом Япония хочет вызвать на войну и Советский Союз. Сама система капитализма этого требует...» Как бы отвечая им, некий счетовод Тяпин утверждал: «Нашим газетам нельзя верить, т. к. они все говорят ложь и однобоко, т. е. только то, что в их пользу, а остальное умалчивают. Взять хотя бы о событиях в Японии, которая якобы ни за что ни про что вторглась в Китай и захватывает ее части. Между строк все же можно догадаться, что как только в Китае появилась Советская власть, Япония стала враждебно относиться к империалистам [так в документе. — А. Г.] и начала их притеснять. По-моему все делается по указке наших там агентов, которые работают на наши деньги». С этим соглашался и десятник Благовещенский: «возьмите Китай, там китайские коммунисты обострили так отношения, что потребовалось вмешательство целой Японии, которая вынуждена для защиты интересов своих граждан послать целую армию... часто население подстрекается китайскими коммунистами и не в обиду будет сказано при благосклонном участии наших коммунистов, которые лезут в бутылку и может загореться, разразится пожар, а в эту кашу безусловно будет втянут наш союз и тогда лишь будет конец»⁴⁸⁴.

Высказывания о том, что виновником войны, вольным или невольным, может стать уже окрепшее Советские государство, встречались все чаще. На одном из московских партактивов в феврале 1932 г. по поводу угрозы войны с Японией была подана следующая записка: «Как понять — конкуренция на мировом рынке с капиталистическими странами некоторыми продуктами. А Ленин говорил, что конкуренция, дележ рынков порождает войну между государствами, а потому будет искусственный вызов войны с капиталистическими государствами, еще не успев завершить наше строительство»⁴⁸⁵.

В одной из сводок, подготовленных летом 1932 г. и посвященной настроениям специалистов сельского хозяйства, цитируются следующие высказывания: «Большевики пишут во всех

⁴⁸⁴ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 26. Л. 174, 175, 191.

⁴⁸⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 14. Л. 43.

газетах, что иностранцы вооружаются, а вот о том, что мы сами вооружаемся и гоним войска на Дальний Восток, так об этом ни слова не пишут». По мнению другого специалиста, именно советское руководство сознательно вело дело к войне с Японией, надеясь таким образом снизить напряженность внутри страны: «В настоящее время атмосфера настолько сгущена и положение в деревне настолько тяжелое, что единственным выходом из положения является война»⁴⁸⁶.

В том же, 1932 г., произошло очередное повышение цен на хлеб, и сразу же этому было найдено объяснение: «Струсилы они японцев, а он ведь не шутит. Весной на нас пойдет, вот для обороны страны все от нас и отнимают»⁴⁸⁷. Эти слухи, кстати, не были беспочвенными: именно ускоренное создание запасов хлеба на Дальнем Востоке на случай войны с Японией явилось одной из причин страшного голода начала 1930-х.

И вместе с тем сводки весны 1932 года отмечали, что настроение рабочих, например, в разных районах Урала здоровое, антисоветских выступлений не выявлено, многие хотят идти добровольцами в РККА. То же самое — среди крестьянства; в целом настроение здоровое, но «среди колхозников были разговоры — вот-вот война, а без хлеба не навоюешь» (последнее высказывание как раз иллюстрирует отношение к войне, как делу обыденному, житейскому)⁴⁸⁸.

И среди вопросов, заданных на лекциях, собраниях, политднях по этому поводу, преобладают вполне здравые, например, почему разрешили японцам использовать КВЖД; не смогут ли Япония и Китай вытеснить нас с КВЖД, т. к. мы не сможем воевать на чужой территории; какой проект по разоружению выдвинул СССР на Женевской конференции; сколько в СССР танков, орудий, самолетов; и пр.⁴⁸⁹ И намного реже встречаются упоминания о панических настроениях или массовой закупке продуктов.

В октябре 1932 г. в Подольском районе Московской области на одном из собраний, посвященных итогам сентябрьского пленума ЦК ВКП(б), был задан следующий вопрос: «Не находите ли вы, что в настоящее время если меньше пугает интервенция,

⁴⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 226–227.

⁴⁸⁷ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 23. Л. 19.

⁴⁸⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 241. Л. 5–6.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 60, 70.

то ослаб тыл, так как чувствуется большое недовольство рабочих и колхозников»⁴⁹⁰. И, как бы подытоживая все, что говорилось в народе по поводу военной опасности, на одном из политдней осени 1932 года в Москве прозвучала печальная фраза: «Мы войны не боимся, но плохо живем...»⁴⁹¹

Как известно, Япония избрала менее опасный для себя вариант, развернув широкомасштабную агрессию в южном направлении, и на первый план вновь выдвинулась опасность с Запада.

* * *

«По-видимому, фашизм растет, Гитлер подвигается к Франции и всех посылает куда следует. Он авторитетно действует на массы... Придет время, что Германия покажет и русским коммунистам, Украину определенно возьмет» — такие высказывания были характерны после 1933 г.⁴⁹² Один из собеседников В. И. Вернадского в ноябре 1934 г. допускал возможность войны, так как «Япония и Германия знают, что время за нас»⁴⁹³.

Весной 1919 г. в Италии появились союзы фронтовиков, или, по-итальянски, «фаши ди комбаттименто». Именно они дали начало фашистскому движению, которое в ноябре 1921 г. оформилось в Фашистскую национальную партию. За этим последовал пресловутый «поход на Рим» и приход фашистов к власти в Италии в октябре 1922 г. С этого времени «фашизм» становится одним из самых употребительных терминов в политической истории первой половины XX века. В советской политической лексике он стал употребляться уже в 1923–1925 гг. в самом широком смысле — помимо итальянских фашистов, были польские, болгарские, румынские и прочие, а также пресловутые «социал-фашисты». Речь идет не только о пропаганде, но и о массовом сознании — в материалах ОГПУ уже применительно к началу 1925 г. упоминаются и «группировка красноармейцев, предполагавшая формирование отряда с целью соединения с польскими фашистами для борьбы с Соввластью», и студенческие «нелегальные союзы теософов и христиан, зараженные фашистской идеологией и ставящие задачей

⁴⁹⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 16. Л. 78.

⁴⁹¹ Там же. Д. 23. Л. 199.

⁴⁹² Там же. Д. 126. Л. 202; ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 308. Л. 359.

⁴⁹³ Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934... С. 350.

борьбу с идеологическим влиянием комсомола на молодежь». В марте 1925 г. в ежемесячном обзоре ОГПУ о положении в стране есть упоминание о раскрытии антисоветской организации «Орден русских фашистов», которая «группировалась из литераторов, имевших за собой контрреволюционное и уголовное прошлое, в том числе ряд явных дегенератов, кокаинистов и опиуманов». Сообщалось, что целями организации являлись уничтожение марксистской идеологии, свержение Советской власти, установление диктатуры русских фашистов⁴⁹⁴. Появлялись даже листовки, написанные якобы от имени фашистской организации. Например, весной 1926 г. в Сталинграде было обнаружено объявление за характерной, звучащей истинно по-советски, подписью «Зав. иностранной организацией фашистов», где извещалось о скором взрыве моста, электростанции, водопровода⁴⁹⁵... Другими словами, представления о фашизме, как течении, враждебном коммунизму, проникали в самые различные слои советского общества.

Но практически одновременно появляются и другие высказывания, в которых фашизм и коммунизм отождествлялись. Так, летом 1925 г. сообщалось, что некий учитель-толстовец из Московской губернии «ведет агитацию против укрепления военной мощи страны... коммунистов приравнивает к фашистам»⁴⁹⁶. Постепенно подобное отождествление становилось обычным аргументом в политических, в том числе внутрипартийных дискуссиях. Например, троцкисты, которых выслали из Харькова зимой 1929 г., кричали, имея в виду сторонников сталинской «генеральной линии»: «Нас, ленинцев, фашисты гонят в ссылку», «Долой фашистов» и т. д.⁴⁹⁷

Однако при всей важности того факта, что термин «фашизм» существовал и даже активно воспроизводился в массовом сознании советского общества задолго до 1933 года, необходимо учитывать, что именно с Германией это понятие не связывалось по крайней мере до начала 1930-х годов, когда, наряду с ситуацией на Дальнем Востоке, события в Германии стали вызывать особый интерес. Так, уже в 1930 г.

⁴⁹⁴ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 45, 48, 191.

⁴⁹⁵ Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 250.

⁴⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 46.

⁴⁹⁷ Цит. по: Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М.; Орел, 2003. С. 160.

М. М. Пришвин был уверен, что «новая история будет история борьбы фашизма с коммунизмом»⁴⁹⁸.

Приход фашистов к власти в январе 1933 г., хотя и не сразу, привел к изменениям в двусторонних советско-германских отношениях, и к серьезным корректировкам в советской пропаганде, которая постепенно стала принимать все более антинацистский (а объективно в некоторой степени и антигерманский) характер⁴⁹⁹. Антифашистская направленность пропаганды вызывала определенный отклик у части советского общества, прежде всего интеллигенции⁵⁰⁰. В частности особые опасения вызывала антисемитская политика гитлеровцев, их расовые теории, а также стремление к захвату «жизненного пространства» (впрочем, последнее многие воспринимали как чисто теоретические рассуждения, не придавая им особого значения)⁵⁰¹.

Конечно, для значительной части советских граждан ни «рост фашистской угрозы», ни «предательство германских социал-фашистов», ни даже приход Гитлера к власти почти не представляли интереса, как, впрочем, и другие международные сюжеты. «Несмотря на важность событий в Германии, захват власти Гитлером, террор рабочего движения, гонения на компартию, захват редакции и т. д. среди студентов кормофака⁵⁰² разговоров и дебатов не было» — говорится в справке Вологодского ОГПУ. И далее приводится комментарий одного из студентов по поводу поражения германских коммунистов: «Иностранцы рабочие не такие дураки, чтобы завоевать голландную свободу как у нас»⁵⁰³.

⁴⁹⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931... С. 261.

⁴⁹⁹ Так, в начале 1930-х годов ситуация в Германии становится ведущей темой для советской политической карикатуры. См.: Голубев А. В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. 2003. Том 3. № 3 (8). С. 125–169. О позиции советского руководства см. подробнее: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

⁵⁰⁰ Подробнее см.: Голубев А. В. Советская интеллигенция и внешний мир: уроки 1930-х годов // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. М., 1996. С. 120–131.

⁵⁰¹ См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 95, 149, 159–160.

⁵⁰² Имеется в виду кормовой факультет Вологодского молочно-хозяйственного института.

⁵⁰³ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 71, 74.

Тем не менее, усилия пропаганды начали приносить плоды. Постепенно в массовом сознании формировалось представление о Германии как основном источнике военной угрозы. Комментируя первомайский военный парад 1934 г., сотрудник Омского художественно-педагогического техникума Н. С. Таланкин сделал следующий вывод: «этим демонстрируется наша сила в виду внешней опасности, чтобы наши обыватели не думали, что наше внешнеполитическое положение плохо, в том смысле, что нам не справиться с двойной военной опасностью — с Японией и Германией»⁵⁰⁴.

Подобные высказывания встречались все чаще. Так, священник из Челябинской области А. Л. Селиверстов в феврале 1935 г. уверял: «Да все равно им [т. е. коммунистам. — А. Г.] не одобровать, они ждут угрозы с востока, а их накроют с запада и охватят со всех сторон, тогда узнают как крестьян душить и из сельниц последнюю муку выгребать»⁵⁰⁵. А калужский техник М. В. Константинов весной 1936 г. по поводу занятия Германией Рейнской зоны предсказывал: «Сейчас в Японии и Германии серьезные дела творятся. Если Германия нападет на Францию, нам придется ей [т. е. Франции. — А. Г.] помогать, если только не найдут наши каких-либо причин уклониться от этого. А все-таки неплохо было бы померяться силой, ведь у нас теперь вооружение поставлено хорошо»⁵⁰⁶.

Даже такое событие, как высылка из Ленинграда после убийства С. М. Кирова «классово чуждых элементов», воспринималось многими представителями интеллигенции в контексте надвигающейся фашистской угрозы. Студенты Амосов и Буев, в частности, утверждали: «Это вызвано объявлением воинской повинности в Германии и желанием Соввласти превратить Ленинград в военную крепость». Составители информационной сводки сочли нужным подчеркнуть, «что последнее мнение далеко не единичного порядка». Действительно, примерно то же самое говорил инженер завода «Электрик» и другие.

⁵⁰⁴ ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 2. Д. 61. Л. 210.

⁵⁰⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 250. Л. 89. Характерно, что за это высказывание Селиверстов был арестован по статье 58 пункт 8 УК РСФСР. В данном пункте речь шла о «совершении террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций и участие в выполнении таких актов».

⁵⁰⁶ ГАКО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 4.

А сотрудник «Гипротруда» инженер Лебедев делал еще более далеко идущие выводы из происходящего: «Теперь мы живем не в ту пору, когда сгоряча отвечали на индивидуальный террор — массовым террором. Теперь как будто все начинания “плановые” и последние мероприятия имеют в виду, очевидно, события в Германии: на случай войны насытить тыл сведущими людьми»⁵⁰⁷.

Вместе с тем, приход фашистов к власти расценивался в стране неоднозначно. В частности, многие представители интеллигенции, как отмечалось в материалах ОГПУ, «с интересом и одобрением» следили за политикой Гитлера, как накануне его прихода к власти, так и в первые годы существования «тысячелетнего рейха».

В этой среде нередко звучали сомнения в достоверности того, о чем писали советские газеты или говорили в своих выступлениях партийные деятели. Так, свердловская учительница немецкого языка М. Е. Козопасова, в 1920–1925 гг. жившая в Германии и поддерживавшая переписку с немецкими знакомыми, по словам директора школы, в 1936–1937 гг. высказывала «неумеренно восторженные мнения о Германии», возмущалась тем, что советский журнал на немецком языке «имеет нахальство» писать, что дети безработных в Германии голодают: «хотела бы я посмотреть хотя бы на одного голодающего ребенка в Германии»⁵⁰⁸.

В сводке Омского горкома партии, посвященной итогам проработки закрытого письма ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова в феврале 1935 г., отмечалось, что среди студентов Омского института сельского хозяйства идут такие разговоры: «В СССР тяжело живет большинство и никто еще не доказал, что при германском фашизме хуже, чем при нашей пролетарской диктатуре»⁵⁰⁹.

Нередко, впрочем, встречались высказывания о том, что в Германии, в том числе при Гитлере, живет даже лучше, чем в СССР⁵¹⁰. Чаще других говорили об этом немцы (в том числе иностранные специалисты), жившие в СССР и сохранившие связи с родиной. Например, уже в августе 1933 г. в Свердловске

⁵⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Д. 2714. Оп. 5. Д. 2714. Л. 59, 81, 96.

⁵⁰⁸ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 289. Л. 144.

⁵⁰⁹ ЦДНПО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 243. Л. 5.

⁵¹⁰ См., напр.: ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 303. Л. 91–92; Д. 940. Л. 18.

появились письма из Германии, в которых писалось, что «радость в отношении к новой системе всеобщая, все воодушевлены перспективами, которые ожидаются в новой Германии. Число участников демонстраций, которые часто бывает превышает 100 000 тыс. [так в документе. — А. Г.], особенно рабочие ожидают улучшения своего материального положения, в связи с этим сбор на различные собрания и митинги так велик, что не требуется особых сил для привлечения. Не так давно по всей Германии проведена кампания оказания помощи 1 ½ млн немцам, живущим в СССР, которые близки к голодной смерти... например в одной деревне было 200 чел. безработных, теперь они все получили работу»⁵¹¹. Конечно, слухи об этих письмах тут же расплозились по городу.

Вообще и немецкие граждане, и просто этнические немцы, жившие в СССР, но сохранившие какие-то связи с родственниками или знакомыми в Германии, служили одним из основных каналов получения альтернативной (позитивной по преимуществу) информации о положении в национал-социалистическом рейхе. Конечно, процессы, происходившие в этой среде, вряд ли можно рассматривать как характерные для российской интеллигенции в целом⁵¹².

Были случаи, когда политика национал-социалистов отождествлялась с тем, что происходит в Советском Союзе. Арестованный в 1936 г. в Тюмени директор пивоваренного завода И. В. Людвиг, член ВКП(б) с 1918 г., по данным чекистов, говорил, что «фашизм является большевизмом наизнанку и что большевики и фашисты друг друга стоят... В Германии Гитлер признает чувство национальной гордости — это фашизм, у нас появились слова “родина”, “любить родину”. У нас с другого конца тоже вводится национал-социализм»⁵¹³.

Предыдущее высказывание, как и ряд ему подобных, содержит элементы осуждения («большевики и фашисты друг друга стоят»), однако часть интеллигенции одобряла некоторые аспекты внутренней и внешней политики Гитлера, например,

⁵¹¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 107. Л. 69.

⁵¹² О том, как немецкие граждане, жившие в СССР, воспринимали перемены на родине, см. в частности: Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского «Электrozавода» в советском обществе 1920–1930-х годов. М., 2000.

⁵¹³ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 857. Л. 2.

решение многих социальных проблем, или быстрый рост международного статуса Германии. Те представители интеллигенции, которые были настроены оппозиционно по отношению к существующему строю, одобряли также антикоммунистические репрессии в Германии и антисемитизм германских властей⁵¹⁴.

Так, вологодский инспектор ОТК, член партии П. С. Непряхин в июне 1936 г. «в разговоре о политике Гитлера высказал свое согласие с политикой Гитлера, в отношении того, что коммунисты есть тьма»⁵¹⁵. Встречались и такие высказывания: «Гитлер, это великий человек, ему богом суждено победить весь мир, надо помогать Гитлеру. Сталин — это ничтожество». Некто Игнатьев, учитель из Глазовского района Удмуртской АССР на вечере учителей предлагал: «Выпьем за победу фашизма в СССР!»⁵¹⁶ В августе 1936 г. специалист Калужской спичечной фабрики Музалев утверждал, что «фашисты уже не настолько глупы, как о них думают. Они, пожалуй, поумнее нас, в Испании они едва ли не победят»⁵¹⁷.

Зачастую внимание «органов» привлекали случайные высказывания; так, инструктор ижевского горно Иютин в 1936 г. на вечеринке поинтересовался: «Кто имеет право вступать в фашистскую организацию?» Этот факт тут же был доложен в обком партии⁵¹⁸.

Иногда представления о могуществе немецких фашистов принимали совсем уже анекдотические формы. Например, в 1937 г. техник Ворошиловского химкомбината (Свердловская область) Рассадович, по совместительству преподававший немецкий язык в школе, во время уроков «проводил контрреволюционную фашистскую пропаганду», говоря ученикам: «Лучше учите немецкий язык, он вам пригодится, так как скоро Гитлер придет»⁵¹⁹. К сожалению, этот педагогический прием оценили не столько ученики, сколько сотрудники ОГПУ НКВД.

⁵¹⁴ О позиции советской интеллигенции подробнее см.: Голубев А. В. Немецкий фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 24–30.

⁵¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 744. Л. 30.

⁵¹⁶ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 64.

⁵¹⁷ ГАКО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 142.

⁵¹⁸ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2238. Л. 57.

⁵¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 104. Л. 65.

Как фашистскую пропаганду расценили работники НКВД и такое высказывание 16-летнего школьника из Челябинска, по-своему оценившего результаты процесса по делу т. н. «Параллельного троцкистского центра»⁵²⁰: «Своим умом Карл Радек понял, что весь мир стоит перед фашизмом, что фашизм захлестывает весь мир и, естественно, нужно своевременно перейти на сторону фашизма и он это сделал... Хотя эти люди, как вы говорите, агенты гестапо, но вы мне найдите хотя одного человека в Советском Союзе, который бы равнялся по уму Карлу Радеку»⁵²¹.

В ходе подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР жительница г. Горького М. О. Демурова в мае 1938 г. на собрании избирателей высказалась так: «Гитлер имеет в Германии большой авторитет, он взял Австрию и даже никому и не снилось, а сейчас он возьмет Чехословакию и другие подчинит мелкие государства, а затем отберет от Франции Трансваль, ну и с Англией у него не совсем плохие взаимоотношения, а потом может взять и СССР»⁵²². Несмотря на загадочный «французский Трансваль», появившийся, возможно, благодаря какой-то ошибке (или ослышке) информатора, высказывание (расцененное как антисоветское) давало довольно точную, хотя и пессимистическую, характеристику международной ситуации с точки зрения СССР. Публикатор специально отметил, что подобные суждения не стоит относить к «общераспространенным мнениям»; представляется, однако, что подобных высказываний встречалось в те годы немало⁵²³.

Можно предположить, что иногда отмечавшиеся нескрываемые симпатии к фашизму, прежде всего среди молодежи, объяснялись желанием пооригинальничать (культуролог, впрочем, в этой связи предпочел бы выделить стремление нарушать культурное табу, особенно свойственное для детей и юношества, и характерное для определенного этапа усвоения

⁵²⁰ 23–30 января 1937 г. в Москве состоялся второй показательный процесс по делу «Параллельного троцкистского центра» («процесс 17-ти»). 13 подсудимых из 17 были приговорены к ВМН. Среди главных подсудимых — Г. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков.

⁵²¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 98. Л. 200.

⁵²² Общество и власть. Российская провинция... Т. 2. С. 90.

⁵²³ Там же. О распространенности подобных суждений можно судить по отдельным, доступным для исследователя, информационным документам НКВД тех лет.

социокультурной традиции). В партийных документах и материалах НКВД нередко встречаются упоминания о нарисованных «фашистских знаках» (очевидно, свастике). Особенно популярными эти запретные знаки оказались среди студентов. Так, в мае 1936 г. в Свердловске была арестована группа студентов Индустриального института, у которой «имелись связи с фашистами Германии, причем в группе были комсомольцы... носившие на лацканах пиджака фашистские знаки, и открыто, под маркой Мопровской выставки к 1 Маю предлагали выставить для всеобщего обозрения фашистские реликвии»⁵²⁴. И не случайно время от времени в документах НКВД встречаются упоминания о «детских фашистских группах» или о случаях, когда школьники рисовали знаки свастики на партах или даже на спинах товарищей...

Понятно, что и сознательные, хотя и пассивные противники Советской власти, связывали с германским фашизмом определенные надежды — и не только как с силой, способной военным путем победить большевиков, но и как с возможной альтернативой коммунизму как таковому. Уже в 1933 г. ленинградское ОГПУ, внимательно следившее за ситуацией среди т. н. «бывших», отметило и «консолидацию социально-чуждых и враждебных элементов», и «активную концентрацию» бывших членов буржуазных партий, «открыто ориентирующихся на фашизм и высказывающих симпатии Гитлеру»⁵²⁵.

Конечно, трудно доверять материалам НКВД относительно существования в СССР «фашистских организаций», особенно после 1933 г. Как правило, подобные дела попросту фабриковались. Так, в феврале 1934 г. Г. Г. Ягода направил И. В. Сталину сообщение об аресте членов «широко разветвленной фашистской организации», именуемой «Российская национальная партия», которая ставила своей конечной целью «свержение советской власти и установление в стране фашистской диктатуры». В состав руководящего «политического центра», по мнению ОГПУ, входили академики историки В. И. Вернадский и М. С. Грушевский, литературоведы Н. С. Державин, В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский, химик Н. С. Курнаков, ряд других видных

⁵²⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 777. Л. 9.

⁵²⁵ Иванов В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 99.

ученых. При этом, как отмечалось в сообщении, «организация была создана по прямому указанию закордонного русского фашистского центра... фашистский центр за границей, сформировавшись на базе евразийского движения, включил в себя панславистские элементы и был тесно связан с французскими интервенционистскими кругами», и лишь с 1932 г. «в связи с усилением фашизма в Германии и затем прихода к власти Гитлера организация ориентировалась на фашистскую Германию»⁵²⁶. Очевидно, что не только сама организация и ее «политический центр» были изобретены ОГПУ, но и о фашистской идеологии как таковой авторы документа имели довольно приблизительные представления.

Другим примером может служить дело «молодежной фашистской организации Гитлер Югенд» в Москве⁵²⁷. Не отставали от столичных чекистов и их провинциальные коллеги: так, в Ленинграде и области только в 1935 г. было раскрыто 9 «фашистских групп», а в 1937 г. там же была ликвидирована «фашистско-террористическая организация», состоящая более чем из 50 человек во главе с «агентом гестапо». На самом деле это были члены городского общества глухонемых...⁵²⁸

Неоднократно «немецко-фашистские шпионы и диверсанты» фигурировали на печально знаменитых московских процессах.

Но были и другие случаи. Так, в 1934 г. в Воронеже была ликвидирована «фашистская группа» врача-хирурга И. В. Слобцова. Среди 14 участников группы были преподаватели, актеры, музыканты и др. В обвинительном заключении говорилось, что «с 1931 г. собирались музыкальные вечера у Слобцова по пятницам, занимались пением и музыкой... Оформление фашистской организации состоялось в 1933 г. после прихода Гитлера к власти... Слобцов одобрял методы борьбы Гитлера с коммунистами как с «врагами нации». Деятельность «группы Слобцова» сводилась к тому, что ее члены слушали передачи из Германии и Чехословакии, записывали их и пересказывали

⁵²⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 489–490.

⁵²⁷ См.: Общество и власть в 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 187–188.

⁵²⁸ Иванов В. А. Указ. соч. С. 104, 161.

знакомым. Обсуждая услышанное, они рассуждали о применении идей фашизма в Советском Союзе; один из участников группы был убежден, что «на стороне фашизма культурные люди». Участники группы были приговорены к различным (до 8 лет) срокам заключения. В 1989 г. приговор был отменен Верховным Судом РСФСР, который по материалам дела заключил, что «высказывались личные суждения без цели подрыва или ослабления, свержения Советской власти». Характерно, однако, что в полной реабилитации членам группы было отказано⁵²⁹.

* * *

Как уже отмечалось, в начале 1930-х годов роль главного потенциального противника перешла к Японии, а с середины 30-х годов — к фашистской Германии. Но одновременно сохранялась инерция враждебного восприятия Англии и Польши.

Например, в апреле 1935 г. некий повар Родионов обратился к докладчику со словами: «Англия и Япония хотят задушить Советский Союз. Ты, тов. докладчик, скажи т. Сталину, чтобы никогда не доверял англичанам»⁵³⁰.

Что же касается Польши, то даже в учебнике географии 1932 года издания для школ рабочей и крестьянской молодежи в разделе «Ватиканский город» [так в документе. — А. Г.] утверждалось, что папа римский «неустанно возносит моления о том, чтобы бог покарал большевиков, ругает пятилетний план социалистического строительства и втихомолку принимает участие в подготовке военного нападения на СССР капиталистических, особенно католических стран (Франции и Польши)»⁵³¹. И в массовом сознании встречались высказывания о том, что «с Запада в свою очередь пойдет на нас Польша». Как заявил в феврале 1935 г., мастер одного из пермских военных заводов Пильщиков: «Посмотрите, что делается сейчас за границей: Германия, Польша сколачиваются в военный союз, чтобы идти войной на Восток»⁵³². Подобных примеров можно привести немало.

⁵²⁹ См.: Саран А. Ю. Указ. соч. С. 189–190.

⁵³⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 64.

⁵³¹ Варжанский С. Л., Сеницкий Л. Д. География капиталистических стран для седьмого и восьмого годов обучения ФЭС и третьего года обучения ШКМ. М., 1932. С. 127.

⁵³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 130.

Конечно, новые реальности давали о себе знать, и в 30-е годы порой встречались рассуждения о будущей судьбе Польши в случае новой мировой войны. Так, в 1933 г. на одном из предприятый Свердловска на партийном собрании, посвященном обсуждению международного положения СССР, один из слушателей поинтересовался: «В свете сегодняшних дипломатических отношений с Германией не меняется ли роль Польши, не вынуждает ли стать буфером для СССР от Германского империализма, так как в случае военных событий между Германией и СССР с первых дней объявления войны [означает] Польше свою государственную независимость безусловную потерю» [так в документе. — А. Г.]⁵³³

Конечно, представления о Польше отнюдь не исчерпывались военной темой. В 1920-е годы, особенно среди этнических поляков, неоднократно отмечались настроения в пользу переезда в Польшу. При этом порой встречались такие высказывания: «в Польше рабочим живется лучше, так как каждый чувствует себя свободным, а если там есть помещики, то ведь в России имеются коммунисты, такие же помещики»⁵³⁴. Многие граждане СССР в течение 20–30-х годов имели родственников в Польше, поддерживали с ними постоянную связь (и пострадали из-за этого в годы «ежовщины»). Тем не менее накануне войны большинством политически и социально активного населения Польша скорее воспринималась как потенциальный противник, чем союзник, бывшая часть Российской империи или соседнее, близкое по своим историко-культурным корням, славянское государство.

После заключения между СССР и Германией пакта о ненападении в августе 1939 г. многие советские граждане пришли к выводу, что судьба Польши предрешена. Так, жители Ленинграда, в частности, отмечали, что «Германия в этом договоре развязала себе руки в отношении Польши... Она безнаказанно приберет Польшу к рукам»⁵³⁵. При этом участие СССР в новом разделе Польши мало кем предполагалось. Как предсказывал в беседе с сослуживцами сотрудник Наркомлеса СССР, «Германия пактом о ненападении и торговым договором свяжет [СССР] по

⁵³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 404. Л. 105.

⁵³⁴ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. М., 2002. С. 231.

⁵³⁵ Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. СПб., 1996. С. 7–8.

рукам и ногам, чтобы в это время разделаться с Польшей». Большинство комментариев носило достаточно отстраненный характер; иногда встречались такие предположения: «В результате договора сильно пострадает Польша, ее сильно пощипают, хотя она заслуживает этого»⁵³⁶. Высказывались даже более жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»⁵³⁷. Однако подобные настроения вряд ли преобладали. Как вспоминал позднее К. Симонов, «когда началась война немцев с Польшей, все мое сочувствие так же, как и сочувствие моих товарищей по редакции военной газеты, где мы вместе работали, было на стороне поляков, потому что сильнейший напал на слабейшего и потому, что пакт о ненападении пактом, а кто же из нас хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы? Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, огорошивала и тревожила»⁵³⁸.

Вместе с тем вступление советских войск в Западную Украину и Белоруссию и последовавшее присоединение этих областей к СССР было встречено скорее одобрительно. Одни рассматривали это как возможность распространения социализма на новые территории, другие же — как восстановление законных границ и интересов России. Академик В. И. Вернадский, в частности, записывал в дневнике в октябре 1939 г.: «политика Сталина — Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской»⁵³⁹.

Подобная позиция отнюдь не была исключением. Как подчеркивает В. А. Токарев, отношение таких видных историков, как Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. И. Пичета, Е. В. Тарле к разделу Польши демонстрирует их поддержку пропагандистских акций сталинского руководства. С одной стороны большинство из них придерживалось «великорусской» точки зрения, рассматривая Западную Украину и Белоруссию как осколки Киевской Руси и тем самым находя историческую справедливость в их

⁵³⁶ Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. СПб., 1996. С. 6.

⁵³⁷ Цит. по: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 19.

⁵³⁸ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 79.

⁵³⁹ Вернадский В. И. Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 25.

присоединении. Хотя присущие им либеральные взгляды не позволяли безоговорочно соглашаться с политикой Сталина, это не помешало им принять самое активное участие в пропагандистской кампании по поводу «воссоединения» Украины и Белоруссии⁵⁴⁰.

Надо сказать, что эта пропагандистская кампания, которую подготовило и провело советское руководство, в целом достигла своей цели⁵⁴¹. Как отмечал К. Симонов, сказалась атмосфера напряженности в советско-польских отношениях последних десятилетий. Кроме того, отодвигалась западная граница, было предотвращено соглашение между Гитлером и западными державами, которого так боялось советское руководство. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше. Неудивительно поэтому, что Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»⁵⁴².

Те же настроения владели и многими красноармейцами, которые участвовали в походе на Западную Украину и Белоруссию. Один из них в ноябре 1939 г. писал своему другу, тоже красноармейцу, в Ленинградский военный округ: «В этом году и мне пришлось идти в рядах непобедимой славной Красной армии вызволять от гнета помещиков наших братьев украинцев и белорусов». Другой гордо заявлял: «О международной обстановке не забываем и всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а так же для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни»⁵⁴³.

Что же касается остальных советских граждан, то одни из них в ходе выборов в ноябре 1939 года интересовались, на каких основаниях присоединили Западную Украину и Белорус-

⁵⁴⁰ Токарев А. В. В фарватере советской пропаганды 1939 (к стратегии выживания старшего поколения историков) // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 199–200.

⁵⁴¹ Подробнее об этом см.: Невежин В. А. Польша в советской пропаганде 1939–1945 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 69–88; Он же. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. М., 1997. С. 67–80.

⁵⁴² Симонов К. Указ. соч. С. 80.

⁵⁴³ Зензинов В. М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 332, 356.

сию, в то время как другие высказывали недоумение — «почему при определении границ Варшава осталась у Германии»⁵⁴⁴. И многие приветствовали «освобождение народов западной Белоруссии и западной Украины от ига капиталистов и помещиков бывшей Польши... ига панских панов [так в документе. — А. Г.], которые годами издевались над его [народом] кровной землей и не давали процветать ныне освобожденной нами — советским народом — новой молодой республике»⁵⁴⁵. Впрочем, среди самих «освобожденных» отмечались и иные настроения — так, некий сельский учитель из Вилейского района заявил, что «Красная Армия освободила народ Западной Белоруссии и Западной Украины не от нищеты и бесправия, а от хорошей жизни»⁵⁴⁶. И такие высказывания были отнюдь не единичными.

Как бы то ни было, казалось, «польский вопрос» разрешен историей раз и навсегда. В конце 1939 г. в Свердловске был конфискован весь тираж брошюры «Письмо обкома МОПР», вышедшей тиражом 3000 экз. Как писал начальник местного Обллита, это было оправдано тем, что «материал не отвечает действительности (говорилось о германском фашизме и Польше как государстве)»⁵⁴⁷.

Одно из немногих исключений составлял председатель Оборонной комиссии Союза писателей Всеволод Вишневский, имевший в те годы доступ к закрытой для других информации и регулярно общавшийся с крупными военными деятелями, в том числе с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Уже 1 сентября 1939 г. он записал в дневнике: «Возможно, что в нужный момент мы объявим лозунг “восстановления Польши”, найдем кадры народные, демократические и т. п. в самой Польше, перетянем на свою сторону ряд элементов. Нас предпочтут немцам»⁵⁴⁸.

* * *

Подписание в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи произвело

⁵⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 756. Л. 63 об.

⁵⁴⁵ Советская повседневность... С. 15, 21.

⁵⁴⁶ Цит. по: Невежин В. А. Синдром наступательной войны... С. 100.

⁵⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 18. Л. 29.

⁵⁴⁸ Вишневский Вс. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С. 105.

в общем позитивное впечатление. Но с самого начала даже в положительных откликах сквозило явственное недоверие к возможным союзникам.

По-прежнему одной из главных опасностей будущей войны представлялись экзотические виды оружия, в частности отравляющие газы и биологическое оружие. В декабре 1937 г. некий инструктор-ревизор предостерегал руководство Осоавиахима: «Мы в 1942 г. будем иметь 12000 дегазаторов, а сегодня имеем 6000, это на страну с 200 миллионов жителей, по мысли Правительства — тот костяк тыловой обороны, о который должны разбиться газовые волны фашизма?..» Характерен, однако, предложенный им рецепт — создание «Дегазационного Управления во главе с начальником большевиком», что даст в результате «полное уничтожение в соцбыту капиталистических крыс и мух, пусть фашизм тогда попробует травить нашу пищу бактериями или заражать наш воздух микробами»⁵⁴⁹.

Впрочем, предлагались не только средства защиты, но и новые виды вполне наступательного вооружения. Так, некий «изобретатель-орденоносец» А. Майзель по собственной инициативе разрабатывал сразу несколько новых видов оружия, большей частью авиационного, например, «воздушную завесу» (истребитель высыпает множество специальных мелких бомб перпендикулярно строю вражеских бомбардировщиков), многопушечный истребитель, «двойную бомбу» (перед основной бомбой на телескопической штанге помещалась малая, которая должна была как бы «разрыхлить» броню, бетон и пр., повышая т. о. эффективность взрыва основной бомбы), «бомбу с рикошетом» (она должна была рикошетировать от поверхности воды, попадая в неприятельские корабли) и, наконец, воздушные противосамолетные торпеды и мины⁵⁵⁰.

Очередной всплеск военных ожиданий в 30-е годы был связан с печально знаменитыми московскими политическими процессами 1936–1938 гг. В откликах на решения трибунала постоянно встречались опасения — если обвиняемых приговорят к расстрелу, не осложнит ли это международное положение СССР и не навяжут ли в результате СССР войну⁵⁵¹.

⁵⁴⁹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 10. Л. 66 об.

⁵⁵⁰ Там же. Д. 19. Л. 134–138.

⁵⁵¹ Там же. Ф. 3. Оп. 49. Д. 129. Л. 3, 41, 106.

Иногда начало войны, хотя бы интуитивно, советские люди представляли себе довольно реалистично. Так, вспоминая свои предвоенные ощущения, ленинградка И. Д. Зеленская записала летом 1941 г. в блокадном дневнике: «все считали Ленинград обреченным городом, городом на юру, слишком открытым и доступным в силу своего географического положения... Казалось всегда, что первые и самые страшные удары обрушатся именно на Ленинград...»⁵⁵²

Вместе с тем некоторые сюжеты, описанные в романах, тем более показанные в фильмах, запоминались и в какой-то степени определяли отношение к меняющейся реальности.

Так, описывая в своем дневнике ситуацию в Москве в начале сентября 1939 г. («Город полон слухов: что закрыта для пассажирского движения Белорусская железная дорога, что закрыто авиасообщение; что мобилизована половина такси, все грузовики и большая часть учрежденческих машин, что закрыты 18 школ (под призывные пункты взяты, или под госпитали, как говорят другие), что эшелоны идут на западную границу и на Дальний Восток...»), Е. С. Булгакова проводит прямую параллель с американским фильмом по произведениям Г. Уэллса о будущей войне. Этот фильм она вместе с М. С. Булгаковым видела на закрытом просмотре в американском посольстве еще в ноябре 1936 г.⁵⁵³

Подписание советско-германского договора о ненападении 1939 г. было встречено со смешанными чувствами. Казалось, что угроза войны отодвинулась. С другой стороны, многие, как сформулировал в беседе с товарищами по работе ленинградский слесарь А. Федоров, понимали, что «договор между СССР и Германией для последней ничего не значит. Она заключила его, чтобы использовать известный промежуток времени и прибрать к рукам Францию, Англию и Польшу, а затем уже напасть на СССР»⁵⁵⁴.

В качестве примера посмотрим, как ситуация начала 1940-х годов отражалась в дневниках М. М. Пришвина⁵⁵⁵. Там почти нет стереотипов, пропагандистских клише, даже образов

⁵⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.-5.

⁵⁵³ Дневник Елены Булгаковой... С. 284.

⁵⁵⁴ Иванов В. А. Указ. соч. С. 244.

⁵⁵⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М., 2012.

отдельных стран. Преобладают, по классификации С. Марандон⁵⁵⁶, идеи и мнения, причём достаточно оригинальные и зачастую неожиданные. Богатый жизненный опыт, прекрасное образование, полученное в том числе и в Европе, юношеское увлечение марксизмом и позднейшее в нём разочарование, наконец, многолетняя привычка к напряжённому философскому анализу позволили Пришвину сформировать своё видение мира, далёкое от тех или иных привычных идеологем. С ним можно не соглашаться, спорить, но это видение представляет несомненный интерес и по-новому заставляет взглянуть на процессы, происходившие в советском обществе, в духовной сфере в том числе.

Прежде всего, писатель далёк от примитивного противопоставления социализма и нацизма или тоталитарных и демократических режимов. У него своя концепция развития международных отношений и мировых процессов. В июле 1940 г. он делает несколько в высшей степени значимых записей: «На “Хочется” и “Надо” сейчас можно весь мир разделить: Англия — Америка, бывш[ая] Франция — это всё Хочется. Германия и всё, что позади её к востоку, и весь восток — это всё Надо. Мало того! “Хочется” заключено в чисто капиталистических странах, “Надо” — в тех, где возможен социализм»⁵⁵⁷.

И далее: «Я стою за победу Германии [курсив мой. — А. Г.], потому что Германия это народ и государство в чистом виде и, значит, личность в своей сущности остаётся нетронутой, тогда как в Англии государство принимает во внимание личность, ограничиваемую возможностями современности. От этого, конечно, удобнее жить в Англии, но теперь вопрос идёт не об удобствах, а о самом составе личности, о явлении пророков, вещающих сквозь радио и гул самолётов.

Я больше верю в появление таких личностей там, где личность целиком поглощена, а не 95% + 5% свободы: цельность — есть условие появления личности»⁵⁵⁸.

Выступает ли здесь Пришвин сторонником Гитлера? Вообще говоря, в советском обществе 1930-х — начала 1940-х гг. такие настроения встречались не так уж редко.

⁵⁵⁶ См.: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских (1825–1853 гг.). М., 1982. С. 8.

⁵⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 223.

⁵⁵⁸ Там же. С. 224–225.

Но вряд ли Пришвина можно отнести к этой категории. «Идеи и мнения», подобные тем, что высказывал он, в начале и середине 1930-х гг. разделяли и многие весьма уважаемые представители западной интеллигенции. В лице режимов Гитлера и Муссолини (а также, кстати, и Сталина), они видели своеобразный вызов европейской цивилизации, которая, казалось, находилась в бесконечном кризисе. После начала Второй мировой войны подобные суждения в странах Западной Европы если не исчезли совсем, то крайне маргинализировались.

Но Советский Союз на тот момент оставался в стороне от международной схватки, и Пришвин пока мог выбирать (как и советское руководство в своей политике), какой стороне сочувствовать.

Важно сделать существенную оговорку: для нас гитлеровский режим, безусловно, является абсолютным злом, причём заслуженно, и сама мысль о сочувствии ему, о нормальных или даже союзнических отношениях с ним вызывает протест. Но для Запада до сентября 1939 г. и для СССР до июня 1941 г. это был режим хотя и диктаторский, агрессивный, со многими негативными чертами (чего стоил хотя бы его антисемитизм!), но тем не менее вполне легитимный, международно признанный, даже, как сейчас принято говорить, «рукопожатный» (на Западе, во всяком случае, его нередко предпочитали режиму сталинскому, да и советское руководство время от времени чувствовало себя комфортней в отношениях с Берлином, чем с Лондоном, Парижем или Варшавой).

В своём дневнике Пришвин не раз размышлял об особенностях советского и нацистского режимов. Термин «тоталитаризм» он не употреблял, но тем не менее признавал глубинное сходство двух политических систем. Важно, однако, отметить, что сходство это он видел не в репрессивной политике государства, не в жёсткой идеологической цензуре и проч. (хотя, конечно, всё это он прекрасно осознавал). Для него важнее то, что «Англия стоит за силой принципа капитала», а «Германия, как и Россия вынуждены были выйти из этого принципа купли, и от этого капиталистическое равновесие нарушилось»⁵⁵⁹ (Там же. С. 229).

⁵⁵⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 229.

Но он замечает не только сходство. «Германия идёт, как один человек (так говорится, чтобы выразить силу: все как один). И этот один называется Гитлер, — записывает Пришвин 24 августа 1940 г. — В этом и есть основание монархии: все как один. Напротив, основание социализма, демократии: один как все. Итак, монархия — все как один, коммунизм: каждый как все»⁵⁶⁰.

Высказывания Пришвина о близости социализма и нацизма, вырванные из контекста, нередко цитировались, особенно в 1990-е гг. Но вот проходит совсем немного времени, и писатель корректирует свою точку зрения. «Вчера вечером, — указывает он 26 сентября 1940 г., — всё-таки совершилось для меня большое событие, я переменяю свою политическую ориентацию. Раньше я думал, что мы постепенно эволюционируем под германский фашизм, они же примирятся с фактом коммунизма. Теперь я подумываю, что Германия, может быть, в процессе своего поражения сама станет коммунистической и вместе с нами станет против Англо-Америки. Так, наверно, и будет, если между Англией и Германией не будет заключён мир за счёт нас»⁵⁶¹.

«Итак, — заключает он два дня спустя, — 1-я сторона, это Англо-американский капитал (всё куплю). 2-я — Германо-итало-японский национализм (всё возьму). 3-я — плановое социалистическое хозяйство. Капитал: частная инициатива, включающая экспансию индивидуализма и духовного космополитизма.

Национализм: индивидуум как представитель народа (народная инициатива).

Социализм: индивидуум как представитель Всечеловека. Итак, будущий мир должен быть умирён правильным сочетанием элементов человеческого творчества: 1) личности, 2) народности и 3) общечеловеческого хозяйственного плана. Каждая из борющихся ныне 3-х сторон борется за то, что необходимо для всех трёх и чего две другие стороны не принимают. Так, если бы сошлись три человека: экономист, моралист и художник, и каждый стал бы навязывать насильно друг другу

⁵⁶⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 252. Любопытно, что ещё в 1930 г. Пришвин был уверен, что «новая история будет история борьбы фашизма с коммунизмом» (Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 261).

⁵⁶¹ Там же. С. 276–277.

свое, исключаящее всё другое, то и получилась бы картина современной войны»⁵⁶².

Теперь Пришвин усматривает разницу между коммунизмом и нацизмом и ожидает столкновения между ними — но с участием третьей стороны. Впрочем, 15 ноября 1940 г. советско-германская война всё ещё казалась ему маловероятной: «Еврейская (и сочувствующих им) агитация против Гитлера и за войну с Германией была в последнее время так заметна, что я перестал верить в эту войну и упрямо твердил: “У нас с Германией долго не будет войны”»⁵⁶³.

Чуть позже, в середине марта 1941 г., он напишет: «Всё реакционное, как опилки на магните, собирается к Гитлеру: всё и Розанов⁵⁶⁴, всё, всё там собирается. На другом полюсе магнита коммунизм. Тут и вся борьба, а демократия — это помесь и компромисс. Итак, три физиономии: Германия, Россия и Америка. Англия подлежит поглощению или Америкой, или Германией»⁵⁶⁵.

Тогда же у Пришвина появляется новая, не совсем обычная для него нотка. «Самое главное, — утверждает он 12 марта, — это что нравственная деградация совершается и за границей, и ещё может быть, в большей степени, чем у нас. И скорее даже наоборот, надежды о лучшем могут собраться сюда, в наш Союз (пакт с коммунизмом подорвал фашизм)»⁵⁶⁶.

В те дни писатель полагал, что «коммунисты народ правильный, выполнят Божье дело, но когда кончат назначенное — будут механизированы, т. е. войдут в государственный механизм как мёртвые»⁵⁶⁷.

Впрочем, эти мысли не получили (по крайней мере, сразу) дальнейшего развития. Весной 1941 г. Пришвина более всего волновала перспектива возможной войны СССР то ли с Германией, то ли с Америкой, то ли с Японией... По-видимому, в самой атмосфере апреля — мая 1941 г. носилось что-то тревожное.

⁵⁶² Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 278.

⁵⁶³ Там же. С. 318.

⁵⁶⁴ Очевидно, имеется в виду российский литературовед Иван Никанорович Розанов (1874–1959).

⁵⁶⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 401.

⁵⁶⁶ Там же. С. 400.

⁵⁶⁷ Там же. С. 401.

Но вопреки неисчислимым позднейшим мемуарам, тогда мало кто (начиная со Сталина и кончая тем же Пришвиным) понимал, куда именно поворачивают колёса истории.

Лучше всего опять-таки предоставить слово самому Пришвину: «Передали устно, — записывает писатель 6 апреля, — что Германия объявила войну Югославии, а мы одновременно заключили с Югославией пакт. Поставлен вопрос, всерьёз это мы — воевать с немцами, или это есть очередной дипломатический трюк»⁵⁶⁸. И буквально через несколько дней он заносит в дневник: «Сегодня пакт с Японией, значит, война Европы и Азии с Америкой»⁵⁶⁹.

Таким образом, Пришвин, как и его современники (в отличие от множества мемуаристов, которые сейчас утверждают, будто с самого начала всё ясно видели и понимали), допускал самые разные сценарии развития международного кризиса, охватившего всю Европу.

Одновременно он задумывался и о возможных результатах начавшейся войны. Видя, как его собеседники «хотят немцам победы больше, чем себе, в немецком гении чувствуют своё торжество», писатель предсказывал 28 апреля 1941 г.: «Надо полагать, что немцы погонят Турцию в Азию, а мы займём проливы, как Польшу. Но что, если турки просто пропустят немцев к Суэцкому каналу?». «Америка знает, что после поражения в Европе будет революция и господином положения станет СССР, как “третий смеющийся”», — отмечал он, характеризуя «Политическое положение» 1 июня. 5 июня ему представлялось, что «воевать — значит начинать революцию в Европе, не воевать — сдаваться немцам на мирную эксплуатацию страны как колонии»⁵⁷⁰.

28 апреля 1941 г. Пришвин записал в дневнике: «Мысль прикована к загадке истории: скоро, знаем все теперь, что очень скоро прочитаем разгадку, и с трепетом ждём». Эта загадка была разрешена 22 июня, когда, по словам Пришвина, «пришло ясное сознание войны как суда народа»⁵⁷¹.

Важно подчеркнуть, что в массовом сознании Советский Союз и в эти годы, как правило, выступал обороняющейся сто-

⁵⁶⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941... С. 416.

⁵⁶⁹ Там же. С. 425, 440, 470.

⁵⁷⁰ Там же. С. 440, 470, 472.

⁵⁷¹ Там же. С. 491.

роной. Изменение настроений на самом верху привело к тому, что летом 1941 г. заговорили о необходимости изменения пропаганды, придания ей «наступательного характера». Готовилась очередная кампания, однако развернуть ее попросту не успели⁵⁷².

Война, которую ждали, которая порой описывалась в пропаганде и представлялась во всех подробностях в массовом сознании, оказалась совсем не такой.

Многие предвоенные иллюзии — о наступательном характере войны «малой кровью и на чужой территории», о революционном взрыве на Западе, свойственные прежде всего молодому поколению, оказались ложными. Более скептическое отношение к этим вопросам поколения старшего оказалось и более реалистическим. 22 июня 1941 г. все рассуждения о предстоящей войне потеряли смысл, предвоенная эпоха кончилась, началась Великая Отечественная война.

⁵⁷² Подробнее см.: Неужин В. А. Синдром наступательной войны... Он же. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М., 2007.

Глава 3. «Враги второй очереди»: Образ союзника

Среди самых устойчивых внешнеполитических стереотипов, характерных для разных культур и эпох, конкретное содержание которых, тем не менее, может меняться самым неожиданным образом, — образ врага⁵⁷³ и образ союзника⁵⁷⁴.

В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и «образ союзника» как в годы войны, так и в межвоенный период играл в сознании российского общества важную роль, в том числе при решении внутривнутриполитических проблем.

Для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой «*темную*», или, в лучшем случае, «*серую*» зону, то есть область повышенной опасности, враждебную или недоброжелательную по отношению к человеку, где все иное и

⁵⁷³ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см. работы Е. С. Сенявской: «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 75–85; Она же. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; и др. Итоги многолетних исследований она недавно подвела в фундаментальной монографии «Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества» (М., 2006). См. также: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 235–274; Фатеев А. П. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999; и др.

⁵⁷⁴ Об образе союзника см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 261–293; Он же. Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 334–345; Он же. Советское общество и «образ союзника» в годы Второй мировой войны // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 126–146; Колдомасов И. О. Эволюция образа союзника в советском обществе военных лет: от катастрофы к «великому перелому» // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 335–358; Наринский М. М., Поздеева Л. В. Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 326–347; Сенявская Е. С. От временных союзов к военно-политическому противостоянию: динамика восприятия Англии, Франции и США в российском и советском общественном сознании первой половины XX века // Проблемы российской истории. Вып. 6. Магнитогорск, 2006. С. 318–347; и др.

все неустойчиво⁵⁷⁵. И, следовательно, **союзник**, также принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (то есть внешнему миру), воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное. Подобное отношение к союзникам фиксируется не только в годы Великой Отечественной войны, но и на других этапах русской (и не только русской) истории.

Отношение к союзникам, реальным или потенциальным, и общая мифологизация представлений о внешнем мире в массовом сознании ярко проявились в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В частности, крестьяне разных губерний были убеждены, что «все англичанка портит дело, она помогает туркам» (Новгородская губ.), что «если бы не помешала “англичанка”, то русские непременно бы взяли Константинополь» (Рязанская губ.)⁵⁷⁶ В народном сознании в качестве союзника России (кроме славян, в частности, болгар, и греков, которые тоже считались «славянами»), выступал... Китай: «Китай за нас подымет. Царь Китаю не верит, боится, чтобы не обманул...» — говорили крестьяне⁵⁷⁷. Характерна, при всей фантастичности этих утверждений, нотка недоверия к «союзнику».

Как в общественном мнении, так и в массовом сознании России к началу XX в. традиционным было недоверие к Англии. При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 г., первая и вторая мировые войны) вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России, что, конечно, действовало на отношение к ней, но затем все быстро возвращалось на свои места⁵⁷⁸. Эта инерция

⁵⁷⁵ См. об этом: Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

⁵⁷⁶ Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 180.

⁵⁷⁷ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 235.

⁵⁷⁸ Подробнее см.: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; Орлов А. А. Русские и англичане друг о друге (1787–1815) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 216–229; Гелла Т. Н. Англия конца 60-х — начала 70-х годов XIX века глазами русских // Россия и Европа в XIX–XX в.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 155–165; Сергеев Е. Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX — начале XX века // Там же. С. 166–174; Рудая Е. В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах // Там же. С. 175–183; и др.

была преодолена лишь в 60–80-е годы нашего века, когда Англия потеряла статус мировой державы. Поэтому, как отмечает В. А. Емец, накануне первой мировой войны, после того, как фактически сложился англо-франко-русский союз, «требовалась решительная ломка стереотипов... в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения»⁵⁷⁹. Эту задачу решал, в частности, министр иностранных дел А. П. Извольский, который первым начал «работать» с прессой в целях изменения общественного мнения. Тем не менее в общественном сознании недоверие к Англии в значительной степени сохранялось, к Франции же отношение было лучше.

В отличие от второй мировой войны, в 1914–1917 гг. военные действия велись одновременно на Западном и Восточном фронте. Союзники, как водится, склонны были недооценивать усилия друг друга, тем не менее чувство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании.

В годы войны предпринимались целенаправленные усилия по формированию в общественном мнении и массовом сознании «образа врага»⁵⁸⁰. Наряду с этим, хотя, к слову сказать, с гораздо меньшей интенсивностью, пропаганда работала и над формированием позитивного и достаточно наглядного образа союзника. Примеров множество; в частности, в России были изданы открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии⁵⁸¹.

Порой понятие «союзник» принимало более широкий характер; так, в ходе войны в официальных кругах России и части русского общества возникла идея сделать союзниками в борьбе с Германией поляков. Это требовало определенной корректировки политики по отношению к ним, и порой такая корректировка принимала довольно курьезные формы: так,

⁵⁷⁹ Емец В. А. А. П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 344.

⁵⁸⁰ См. напр.: Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX вв... С. 75–86.

⁵⁸¹ Тиражи подобных изданий были так велики, что еще в 1940–1941 гг. в Ленинграде из продажи изымались открытки с изображением «серии гимнов союзных держав царской России». См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 500.

в Большом театре дирекция решила убрать из оперы Глинки «Жизнь за царя» сцену убийства поляками Ивана Сусанина⁵⁸².

Конечно, ход многолетней, тяжелой войны не мог не отражаться в массовом сознании и помимо пропаганды. Иногда вспоминали и о союзниках. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа в самом начале войны («чудо на Марне») тут же нашли отклик в частушке, записанной в 1914 году:

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шел обедать он в Париж —
Преподнес французик шиш⁵⁸³.

Здесь следует отметить, во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки, и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер.

Постепенно, однако, по мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к подчеркиванию главной роли России в войне и обличению корыстных союзников, стремившихся за ее счет достигнуть своих целей. Вот что предлагал товарищ председателя Тамбовского «Союза русских людей» А. Н. Григорьев Совещанию уполномоченных монархических организаций в августе 1915 г.: «Ввиду того, что вся тяжесть войны в настоящее время легла на Россию, просить Англию вновь формируемые ею армии посылать на русский фронт через Архангельск, а также привлечь и японцев к участию в сражениях на нашем фронте»⁵⁸⁴. В воспоминаниях британского генерала А. Нокса, относящихся к 1915 г., приводится беседа с генерал-квартирмейстером Западного фронта генералом П. Лебедевым,

⁵⁸² Фалькович С. М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 192.

⁵⁸³ Симаков В. И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. Пгр., 1915. С. 9.

⁵⁸⁴ «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 — февраль 1917 гг. // Исторический архив. 1994. № 5. С. 44.

который «упрекал Англию и Францию за то, что они взвалили основную тяжесть войны на Россию»⁵⁸⁵. После кровопролитных сражений 1916 г. эти настроения усилились. «В народных массах доверие к правительству и **вера в союзников** были окончательно подорваны», — писал начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н. Н. Головин [курсив мой. — авт.]⁵⁸⁶.

К концу 1916 — началу 1917 гг. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров. Как всегда, наиболее негативно оценивалась роль Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги». Весной 1918 г. видный российский публицист А. Изгоев отмечал исчезновение симпатий к союзникам и повсеместное распространение «немецкопоклонства»⁵⁸⁷.

Вместе с тем в сознании российского общества с самого начала войны присутствовал и такой мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию. Уже в сентябре 1914 г. З. Н. Гиппиус записала в своем дневнике: «Наши счастливые союзники не знают боли раздирающей, в эти всем тяжкие дни, самую душу России. Не знают, и, беспечные, узнать не хотят, понять не хотят. Не могут». И позднее, в апреле 1915 г.: «Я люблю англичан. Но я так ярко понимаю что они нас не понимают (и не очень хотят)»⁵⁸⁸. В ходе войны подобные настроения усиливались, получали новые подтверждения и только подогревали недоверие к союзникам.

После Октябрьской революции союзники, фактически встав на одну из сторон в гражданской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли» и т. д., и т. п.) и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, ве-

⁵⁸⁵ Цит. по: Россия и Запад... С. 277.

⁵⁸⁶ Цит. по: Нелипович С. Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на истощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 48.

⁵⁸⁷ Россия и Запад... С. 65, 277.

⁵⁸⁸ Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. 1914–1919. М., 1990. С. 27, 33.

роятно, и в будущем. Любопытно отметить, что в 1920-е годы чаще всего в роли потенциального противника и возможного «освободителя» от власти большевиков выступала Англия. Германия, недавний враг в мировой войне и ближайший партнер советского правительства в эти годы, в массовом сознании присутствует слабо, в то время как Польша фигурирует достаточно часто, упоминаются также Франция, Япония, США, Китай (этот набор менялся в зависимости от географического положения той или иной губернии).

«Союзники» избирались массовым сознанием, исходя прежде всего из внутрисполитических, а не внешнеполитических рассуждений (или Запад против «коммуны», или рабочие и крестьяне Запада как союзники СССР).

Например, летом 1928 г., ободряя верующих, один из священнослужителей Омского округа заявил: «Мы не одни, **у нас есть союзники в лице Америки, Англии и других**. Они нам очень и очень много помогают и Вы, граждане, не отказывайте нам в помощи [курсив мой. — авт.]»⁵⁸⁹. Иногда встречались явно преувеличенные представления об общности интересов Запада и российского крестьянства. Так, в мае 1927 г. один из крестьян Амурского округа уверял, что «Англия предъявила коммунистам — сдать без бою, и в России поставят президента, **которого пожелают Англия или крестьяне России** [курсив мой. — авт.]»⁵⁹⁰.

Любое значительное событие в международной жизни, а иногда просто сообщения газет, приводили к появлению новых предполагаемых союзников. Так, в связи с конфликтом на КВЖД зимой 1930 г. в Поволжье распространился совсем уж экзотический слух о том, что изъятые у крестьян имущество власти возвратят, так как «коммунисты перепугались китайцев, которые обратно пошли на Россию». Зимой того же года в Архангельской области было зафиксирован лозунг «Долой Советскую власть, даешь поляков». От подобных лозунгов оставался только шаг и до практических выводов: «Как только Англия объявит войну на СССР, то мы в тыл советской власти пойдем и не оставим в Москве ни одного живого

⁵⁸⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. Т. 1. М., 1999. С. 360.

⁵⁹⁰ Трагедия советской деревни... С. 73–74.

коммуниста...» — говорилось в одном из писем 1927 г. в «Крестьянскую газету»⁵⁹¹.

Среди потенциальных союзников упоминались не только иностранные государства — в 1929 г. в Сухиничском округе Западной области закрытие церквей и изъятие икон привели, по данным властей, к массовому движению в защиту церкви под лозунгом: «Папа Римский за нас заступился, весь мир за нас, весь мир против советской власти, весной будет война...»⁵⁹²

Новый тип союзника в 20–30-е годы — революционный пролетариат всего мира. Официальная пропаганда всячески поддерживала подобные представления. Так, в информационном письме агитмассотдела Орловского окружка (июль 1930 г.) подчеркивалось: «День 1 августа в настоящем году совпадает с 16-летием Империалистической войны. В этот день рабочие запада свой гнев против капиталистов-поджигателей войны выразят в массовой забастовке, которая должна показать, что на случай войны рабочие сумеют остановить заводы, фабрики и остановят машины, производящие средства истребления человечества. В этот день громко будет звучать лозунг “Руки прочь от Советского Союза” и т. п.»⁵⁹³

В 1938 году вышел в свет сборник «Красноармейский фольклор», полностью состоявший из произведений того же жанра, что и частушки о подвигах Кузьмы Крючкова. В одной из вошедших в сборник «красноармейских песен» звучала такая строфа:

К нам из Венгрии далекой,
Из баварских рудников,
Мчатся лавиной широкой
Красных тысячи полков.

В этих словах отразились реальные события — появление Венгерской и Баварской советских республик. Но подобные представления часто экстраполировались и на будущее:

От Петрограда до Вены
Тянется фронт боевой,

⁵⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 19. Л. 138.

⁵⁹² Цит. по: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 231.

⁵⁹³ ГАОрлО. Фонд П-48. Оп. 1. Д. 316. Л. 105.

Скоро от Темзы до Сены
Встанет гигант трудовой⁵⁹⁴.

В результате возникли и прочно утвердились в массовом сознании соответствующие иллюзии, которые впоследствии мучительно изживались в годы второй мировой войны. В том же 1927 г. достаточно типичными были такие высказывания — «пусть Англия идет на нас воевать, а пока рабочие и крестьяне Англии сбросят свое правительство, как было в Германии»⁵⁹⁵.

Впрочем, советское руководство уже в середине 30-х гг., несмотря на заверения пропаганды о приближающейся победе революции в странах Запада, охваченных тяжелым кризисом, все более испытывало скептицизм относительно ее ближайших перспектив. Еще в 1932 г. М. И. Калинин оптимистично утверждал: «Стабилизация [капитализма. — *авт.*] оказалась короче, чем можно было ожидать: накопление революционной энергии идет бешеным темпом и события как разбушевавшаяся волна вновь одно набегают на другое»⁵⁹⁶. Но уже в марте 1934 г. тот же Калинин, выступая перед делегацией иностранных рабочих, заявил буквально следующее: «Можете рассказать и то, что я вам сейчас рассказал открыто перед всеми. Калинин сказал, что им [пролетариям Запада. — *авт.*] не хочется ставить свои головы на баррикады, им хочется миром завоевать власть, как-нибудь обойти буржуазию»⁵⁹⁷.

Постепенно у советской политической элиты исчезали и иллюзии относительно масштабов поддержки со стороны западного пролетариата в случае войны против СССР. Если в 1930 г., в обстановке мирового экономического кризиса С. М. Киров записывал: «Союзники наши вне СССР с каждым днем увеличиваются ибо видят пример и выход в социалистической революции»⁵⁹⁸, то уже в 1933 г. в черновых записях М. И. Калинина содержится следующее любопытное признание: «пролетарии Запада нас поддерживают, но слабо»⁵⁹⁹. Он

⁵⁹⁴ Красноармейский фольклор. М., 1938. С. 112, 114.

⁵⁹⁵ Цит. по: Россия и Запад... С. 278.

⁵⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 3. Л. 40.

⁵⁹⁷ Там же. Д. 481. Л. 24.

⁵⁹⁸ Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 18. Л. 47.

⁵⁹⁹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.

же, выступая перед членами иностранных рабочих делегаций, прибывших в Москву на празднование 1 мая 1934 г., заявил: «Мы каждый день ждем нападения от буржуазии, в первую очередь английской, мы не уверены, что английский пролетариат наденет намордник на буржуазию»⁶⁰⁰. Еще более откровенно он высказался на подобной встрече в ноябре того же года: «Товарищи, я не знаю, ведь вы же разумные люди, ведь вы же должны понять, что против Советского Союза ошетинился весь буржуазный мир... Ведь мы же не можем надеяться, что вы нас поддержите. Что вы нам сочувствуете, что вы, так сказать, морально будете поддерживать — в этом я не сомневаюсь, но ведь ваше моральное сочувствие имеет очень малое значение...»⁶⁰¹

Своеобразным послесловием к этой теме можно считать разговор начальника военного отдела НКПС И. В. Ковалева с заместителем начальника Кировской железной дороги Райволайненом осенью 1939 г., когда уже шла мировая война и назревала война советско-финская. Как вспоминал много позднее Ковалев, «меня интересовало, можем ли мы в случае продвижения в глубину Карельского перешейка рассчитывать на помощь финских железнодорожников. Нам, участникам Гражданской войны, памятли были боевые дела финской Красной Гвардии в 1917–1918 гг. Райволайнен сам был финном, хорошо знал нынешнюю обстановку в Финляндии. На мой вопрос он ответил коротко: — Нет, рассчитывать на финских железнодорожников мы не можем. Уйдут поголовно, а дороги разрушат. Не берусь рассуждать об этом переломе в настроениях финских железнодорожников, но Райволайнен оказался прав. И хорошо, что мы посчитались с суждением этого опытного и трезво мыслящего человека, а не с демагогами, утверждавшими, что финны-добровольцы пойдут к нам толпами»⁶⁰².

Международная обстановка обострялась, и вопрос о союзниках приобрел особое значение. Однако по мнению советского руководства страны Запада как таковые могли выступать в качестве полноценных союзников СССР лишь в одном случае — в случае победы там социалистической революции. В тезисах доклада Г. Е. Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923 г. говорилось, что в случае советизации Германии, «союз совет-

⁶⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 481. Л. 12.

⁶⁰¹ Там же. Д. 508. Л. 9.

⁶⁰² Цит. по: Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 292.

ской Германии и СССР в ближайшее же время представит собой могучую хозяйственную силу... Союз советской Германии и СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма...»⁶⁰³

Однако после неудачной попытки «подтолкнуть» революцию в Германии, надежд на скорую советизацию Европы не было, и в будущей европейской войне союзниками могли быть только капиталистические страны. В опубликованной в начале 20-х гг. брошюре И. И. Вацетиса предполагалось, что в будущей войне столкнутся два блока — Великобритания, Франция, Япония и Америка, с одной стороны, и Россия, Германия, Австрия (страны, оказавшиеся после мировой войны в состоянии внешнеполитической изоляции) — с другой⁶⁰⁴.

Но уже к концу 1920-х гг. ситуация в Европе изменилась, и в опубликованном в 1928 г. исследовании в число потенциальных противников СССР были включены практически все западные страны, за исключением традиционно нейтральных Швейцарии и Швеции, а в качестве потенциальных союзников выступали лишь Китай и колониальные владения⁶⁰⁵. После поражения китайской революции и конфликта на КВЖД в 1929 г. и Китай был исключен из списка возможных союзников.

В результате при разработке планов на 2-ю пятилетку была поставлена задача «обеспечить Красной Армии возможность вести борьбу *с любой коалицией мировых капиталистических держав* и нанести им сокрушительное поражение, если они нападут на СССР [курсив мой. — авт.]»⁶⁰⁶. Даже страны Восточной Европы воспринимались в первую очередь как потенциальные противники.

Если говорить о массовом сознании, в качестве вероятного союзника в грядущей войне иногда фигурировала Германия. Необходимо отметить, что в 20-е годы Веймарская Германия всерьез рассматривалась советским политическим и тем более военным руководством в качестве реального союзника, как

⁶⁰³ «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С. 134.

⁶⁰⁴ Вацетис И. И. О военной доктрине будущего. М., 1923. С. 48–49.

⁶⁰⁵ Будущая война. М., 1928. С. 35–36.

⁶⁰⁶ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 44.

в мирное время, в вопросах военно-технического сотрудничества и подготовки кадров, так и в случае войны, в частности с Польшей⁶⁰⁷. Определенную роль играла позиция советской прессы, настроенной по отношению к Веймарской республике довольно дружелюбно. Дипломатические отношения с Германией в 1920-е годы были явно лучше, чем с другими западными странами; демократическая Германия, еще не оправившаяся от поражения в войне и последующих социальных потрясений, даже для наиболее параноидальных советских лидеров и идеологов не казалась источником военной опасности; в самой Германии существовали определенные влиятельные слои, в том числе военные, политики, деятели культуры, склонные ориентироваться на союз с Советской Россией, и т. д.⁶⁰⁸ Неудивительно, что порой от Германии ожидали не просто нейтралитета, но и прямой военной поддержки в случае конфликта с западными странами. Например, в октябре 1926 г., когда в очередной раз появились слухи о войне с Польшей, одновременно распространились и утверждения о том, что «приехавшие в СССР немецкие делегаты призывали русских рабочих соединиться с ними для совместной борьбы с Польшей»⁶⁰⁹. И в 1927 г., во время известной «военной тревоги», звучали вопросы: «На какую сторону переходит Германия и намерена ли она через свою территорию пропускать войска?.. Есть ли тайный военный договор между СССР и Германией?»⁶¹⁰

Как записал в своем дневнике в июле 1931 г. московский историк И. И. Шитц, «Германия всячески пыталась все время фактически избавиться от версальских обязательств, ей все уступали, ибо не были единодушны в своих на нее нажимах и соблюдали пацифизм. В поисках опоры немцы все время определенно глядели в сторону СССР, мечтая чуть ли не с его помощью получить “реванш”»⁶¹¹.

⁶⁰⁷ См.: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.

⁶⁰⁸ Об идеологии этих кругов см.: Заиченко О. В. Образ России в консервативной прессе Веймарской республики: на материале журнала «Ди Тат» // Россия и Европа в XIX–XX веке: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 50–65.

⁶⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200-А. Л. 144.

⁶¹⁰ Цит. по: Россия и Запад. С. 142.

⁶¹¹ Шитц И. И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991. С. 313.

Ситуация изменилась лишь после 1933 г., после прихода к власти нацистов, когда Германия постепенно становится наиболее вероятным потенциальным противником.

Даже после подписания в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи ни в пропаганде, ни в общественном сознании эти страны почти не фигурировали в качестве союзников. Конечно, сам факт подписания подобных договоров произвел позитивное впечатление на общественность. Так, 15 мая 1935 г. прибывшему в Москву для подписания соглашения о взаимопомощи министру иностранных дел Франции П. Лавалю публика, присутствовавшая в Большом театре, устроила «восторженную овацию»⁶¹². Но постепенно эти первоначальные впечатления, ничем не подкрепленные, развеялись практически без следа. Таким образом, союз с Францией и Чехословакией не достиг цели в военно-дипломатическом отношении, и почти не оставил следа в массовом сознании⁶¹³.

С самого начала даже в положительных откликах сквозило явственное недоверие к возможным союзникам. «Капиталистам Франции сейчас воевать невыгодно и зная какую силу представляет Советский Союз, они заключают договор о взаимной помощи... Договор-то хорош, но как бы нас не обманули. Мы-то за них будем заступаться, а они-то за нас пожалуй нет» — так откликнулись москвичи на сообщении о заключении договора.

Впрочем, высказывалось не только недоверие к союзнику, но и неверие в подобные союзы вообще. «Факт заключения франко-советского соглашения интересен не как фактор мира. Ведь не задержали войны в 14 г. тройственные соглашения. Не задержит войну и это соглашение. Соглашение интересно, как признак того, что военные союзы вновь зарождаются и наступит тот день, когда Советский Союз отбросит мишуру красивых слов о кровавой бойне и призовет нас к последней

⁶¹² См.: «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 139.

⁶¹³ Подробнее см.: Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 40–53.

справедливой войне...» — заявил инженер Московского лампового завода Лошук⁶¹⁴.

Выступая на отраслевой конференции авиационной промышленности, нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе в марте 1936 г. отметил, что «Франция заключила с нами пакт. С Англией мы давно имеем неплохие отношения». И тут же добавил: «Разве Франция или Англия сразу из противников большевиков превратились в их поклонников? Разве английская или французская буржуазия поклонники большевиков? Ничуть не бывало. Все это вы прекрасно знаете. Если с нами хотят иметь пакт, если с нами разговаривают таким языком, — это только потому, что в нашей стране имеется мощная Красная Армия»⁶¹⁵.

Если политическая элита не доверяла потенциальным союзникам из соображений в первую очередь идеологических, то военная элита весьма критически относилась к боеспособности западных армий, чему есть ряд свидетельств. В частности командарм 2-го ранга А. И. Седякин, занимавший в разное время посты начальника Управления ПВО РККА, заместителя начальника генштаба, командующего ПВО Бакинского района, вернувшись из поездки во Францию в 1935 г., заявил, что на маневрах «находился рядом с Гамеленом и другими генералами, и я чувствовал, что мне нечему у них учиться, а они, несомненно, чувствовали наше военное превосходство»⁶¹⁶. Впрочем и советские дипломаты скептически относились к идее союза с Западом, исходя из своих представлений о настроениях западной политической элиты. И все эти настроения, бытовавшие «наверху», проникали по различным каналам в массовое сознание.

В общественном сознании в эти годы преобладали антифашистские настроения, но вопрос о возможных союзниках возникал редко. Более того, в документах НКВД зафиксированы позитивные отзывы о Гитлере и его политике. После 1933 г. немецкие фашисты, как наиболее вероятный противник, рас-

⁶¹⁴ Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 67. Л. 127–129.

⁶¹⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 127. Л. 9–10.

⁶¹⁶ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 8.

смагивались некоторой частью населения как потенциальные союзники против сталинского режима⁶¹⁷.

Постепенно отношение и к советско-французскому пакту становилось все более скептическим. В марте 1938 г., в связи с аншлюсом Австрии, академик В. И. Вернадский записал в своем дневнике: «Агитаторы в домовых собраниях указывают, что, конечно, договоры есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе»⁶¹⁸. Затем настала очередь Чехословакии; в марте 1939 г. она была оккупирована Германией. Советско-французский и советско-чехословацкий договоры так и не вступили в действие.

В июле 1936 г. в Испании началась гражданская война. Спецификой было то, что законное республиканское правительство, с которым у СССР были установлены дипломатические отношения, выступало обороняющейся стороной; другими словами, Испанская республика одновременно оказалась союзником СССР и как дружественное государство, и как часть мирового революционного движения. Победа Народного фронта в Испании, казалось, открывала новые перспективы мировой революции.

Двойственный характер советско-испанского союза привел к тому, что и отношение к испанской войне в СССР было смешанным. Часть населения, враждебно настроенная в отношении Советской власти, увидела в возможной победе франкистов перспективу изменений в СССР. Как и в 20-е годы, это связывалось с возможной интервенцией. Так, некий гражданин П. В. Немченко в августе 1936 г. утверждал: «В Испании фашизм будет победителем, тогда Германия, Италия и Япония пойдут на Россию и уничтожат коммунистов, вот тогда наверняка будет конец Советской власти»⁶¹⁹.

Подобные настроения были не слишком распространены: сказывался опыт 20-х годов, когда ожидаемая интервенция

⁶¹⁷ См.: Голубев А. В. Немецкий фашизм глазами провинциальной российской интеллигенции 1930-х годов // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 24–30; Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda & Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997. P. 96–98.

⁶¹⁸ Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 244.

⁶¹⁹ Государственный архив Калужской области (ГАКалО). Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 141.

так и не состоялась. Тем не менее многие скептически относились к возможности победы республиканцев. Как утверждал бухгалтер калужской спичечной фабрики «Гигант» Музалев, «фашисты уже не настолько глупы, как о них думают. Они, пожалуй, поумнее нас, в Испании они едва ли не победят. Ведь кричали тогда, что Абиссинию не победит Италия, народ мол там свободу любит и драться будет за свою независимость, а в результате этого видим, что Абиссинию прибрали к своим рукам, тоже получится и с Испанией, а там возьмутся и за других»⁶²⁰.

Любопытно посмотреть, как события в Испании комментировались заинтересованным свидетелем в советской Сибири.

Андрей Степанович Аржиловский (1885–1937) происходил из крестьян Тюменской губ. Был членом земской управы, при Колчаке входил в состав гражданской следственной комиссии. В октябре 1919 г. был арестован, вышел в 1923 г. по амнистии. В 1929 г. раскулачен, получил 10 лет за контрреволюционную агитацию. Писал и печатался в газетах, даже в лагере. В 1936 г. был освобожден по болезни, жил с семьей в Тюмени, работал счетоводом на деревообрабатывающем комбинате. В сентябре 1937 г. арестован и расстрелян. Дневник его сохранился в архиве НКВД.

В 1936–1937 гг. Аржиловский несколько раз возвращается в своем дневнике к испанским событиям. Вот его записи:

«3 ноября 1936. В Испании события развернулись и затянулись: белые подняли “мятеж” и подошли к Мадриду. Чья возьмет — пока трудно сказать...

6 декабря 1936 г. Война в Испании идет полным ходом, красивый Мадрид разрушают. Победят, по-видимому, мятежники, так как им помогают немцы...

24 декабря 1936 г. Шестой месяц тянется контрреволюционный мятеж в Испании. Пока ни то ни се. Немцы помогают, итальянцы помогают — правительство Испанской республики все еще держится...

17 января 1937 г. В Испании, кажется, дело подходит к концу: как будто похоже на неудачу [очевидно, республиканцев. — А. Г.]...

15 февраля 1937 г. В Испании все еще драка идет. Похоже все-таки на то, что “правительство” долго не продержится, хо-

⁶²⁰ ГАКалО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. С. 142.

тя и хвастают. Мы обрываем себя и жертвуем на испанских рабочих. Интересно, кому идут мои 1 рубль 50 копеек?..»⁶²¹

Отношение его к испанским событиям открыто не высказано, но может быть понято с учетом кавычек, в которые он взял слово «правительство»; кроме того, с самого начала Аржиловский уверенно предсказывает скорую победу мятежников.

Что касается упоминания о неизвестно куда ушедших полутора рублях, здесь Аржиловский был не одинок. Подобные сомнения высказывались многими; так, осенью 1936 г. в Кыштымском районе рабочий кирпичного завода Румянцев уверял: «Эти деньги испанским рабочим не попадут, наше правительство оставит их у себя»⁶²².

Вообще часть населения выступала против оказания республиканцам любой помощи, тем более, когда речь шла о «добровольных» взносах. «Что-то коммунисты очень много стали помогать Испании, должно быть, не знают, куда девать деньги, я, например, ни одного рубля им не дам, они будут воевать, а мы им должны помогать» — говорила в 1937 г. беспартийная москвичка Ткачева⁶²³.

В ходе митингов в Кыштымском районе Челябинской области осенью 1936 г. рабочий графитокорундового комбината Попов заявил: «Нам во время революции никто не помогал, а поэтому и нам помогать кому-то не следует». Ему ответил токарь Архипов: «Что мы, фашисты что ли, давайте товарищам испанцам поможем... Мы передовая страна, на нас весь мир смотрит». Судя по документу, Попов согласился с оппонентами и проголосовал за помощь испанским рабочим. Одновременно там же рабочие лыжной фабрики заявляли: «Надо вспомнить когда боролись за советскую власть нам международный пролетариат тоже помогал, так нам, товарищи, так же следует помочь испанским рабочим бороться против контрреволюции, в этом важен не рубль, а моральная поддержка пролетариата»⁶²⁴.

Тем не менее, большинство свидетельств говорит о том, что испанские республиканцы пользовались сочувствием советских

⁶²¹ Аржиловский А. С. Дневник 36–37-го годов // Урал. 1992. № 3. С. 142, 147, 149, 159.

⁶²² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 1. Д. 567. Л. 12.

⁶²³ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 18. Л. 35.

⁶²⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 567. Л. 12, 15.

людей (особенно, конечно, молодежи. что нашло яркое отражение во многочисленных воспоминаниях, художественных текстах или кинофильмах, появившихся уже в послевоенный период).

Нередкими были, в частности подобные заявления на собраниях и митингах: «Мы колхозники хотя и далеки от испанского революционного народа, но мы должны всей душой идти нога в ногу с революционным народом Испании и оказывать им материальную помощь, я вношу в помощь испанскому народу 1 пуд муки... Раз Италия, Германия и Португалия несмотря ни на какие договора усиленно оказывают военную помощь мятежникам, то трудящиеся Советского Союза должны оказывать материальную помощь, а также разрешить испанскому народу закупать оружие в любой стране»⁶²⁵.

Более того, в адрес правительства неоднократно высказывались пожелания не просто увеличить помощь испанскому народу, но и непосредственно принять участие в гражданской войне. Конечно, такие пожелания высказывали люди, незнакомые с реальными масштабами участия СССР в испанской войне, в частности в секрете держались поставки танков и самолетов, а также направление в Испанию многочисленных «добровольцев» и военных советников.

Например, свердловский рабочий Улитин в 1936 г. предлагал: «Мы Испании помогаем, посылаем хлеб, одежду, но этого мало — какая это Испании помощь, вот если бы наше правительство послало испанскому правительству десятков 5–6 новейших самолетов и квалифицированных летчиков, да задать мятежникам по мягкому месту, вот это была бы помощь»⁶²⁶.

О том же говорили и москвичи в феврале 1937 г.: «Я все же не понимаю, почему правительство СССР не помогает Испании вооруженной силой, в то время как фашистские страны помогают мятежникам... Нужно было бы нашему правительству послать в Испанию 2–3 дивизии и уничтожить фашистских бандитов».

И, пожалуй, наиболее афористично выразили ощущение близости с союзной республиканской Испанией рабочие строительства Крымского моста Меркушов и Попов: «Правитель-

⁶²⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 635. Л. 15.

⁶²⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 90. Л. 89.

ственные самолеты в Испании и правительственная армия — это наша армия и наши самолеты»⁶²⁷.

* * *

Если в начале века враждующие коалиции определились задолго до Первой мировой войны и расстановка сил принципиально не менялась, то в 1930-е — начале 1940-х годов ситуация складывалась иначе. Во вторую мировую войну, в отличие от первой, СССР вступил, не имея союзников (исключая Монголию и Туву). Попытки создать систему коллективной безопасности ни к чему не привели, если не считать советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 г., так и оставшихся на бумаге. «Советская дипломатия явно не справлялась с непосильной задачей создания эффективного военно-политического союза стран, имевших антагонистические общественно-политические системы», — говорится в современном исследовании⁶²⁸. Впрочем, вряд ли стоит винить во всем советскую дипломатию. Помимо позиций западных стран, делавших почти нереальным заключение с ними действенного соглашения, играло роль и традиционное недоверие высшего советского руководства к европейским державам⁶²⁹. «Союзников у нас не было, — говорил впоследствии В. М. Молотов. — Америка-то была против нас, Англия — против, Франция не отстала бы»⁶³⁰.

После подписания пакта Риббентропа — Молотова на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-германское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям (подобная точка зрения существует и в современной российской историографии⁶³¹).

Действительно, в 1939–1940 гг. в официальной пропаганде Англия и Франция рассматривались как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. Иногда, для

⁶²⁷ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 18. Л. 37.

⁶²⁸ Иванов Р. Ф. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. Смоленск, 2000. С. 37.

⁶²⁹ Подробнее см.: Голубев А. В. Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11–12. С. 114–132.

⁶³⁰ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 45.

⁶³¹ См., например: Случ С. З. Советско-германские отношения в сентябре-декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну. Отечественная история. 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.

«узкого круга», делались весьма откровенные высказывания. 7 сентября 1939 г. в беседе с Г. Димитровым, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым В. И. Сталин заявил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (особенно Англии)»⁶³². В свою очередь А. А. Жданов весной 1940 г. заявил на ленинградском партактиве, что для СССР «приятнее, полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников с намерением напасть либо на Германию, либо на Ленинград... [но] страну, которая с нами в дружественных отношениях [т. е. Германию. — авт.]»⁶³³.

Подобные настроения фиксировались и в различных группах, составлявших советскую номенклатуру, причем порой в еще более недвусмысленной форме. Так, командующий Сибирским военным округом, командарм 2 ранга С. А. Калинин утверждал, что в 1940 г. неизбежна война СССР, Германии, Японии, Италии против англо-французской коалиции, а по мнению корреспондента ТАСС в Афинах Успенского, после вступления СССР в войну «возможно будет выпустить кровь из мирового паразита — Великобритании». Как полагал Успенский, общие коренные интересы СССР и Германии состояли в том, чтобы разгромить Британскую империю⁶³⁴.

Любопытны рассуждения известного писателя Ю. Л. Слезкина, зафиксированные в его дневнике. 12 сентября 1939 г. он записал: «Сейчас, когда все говорят о предстоящей войне и почему-то усиленно нажимают на то, что Германия нас предаст и будет воевать с нами, я еще более укрепился в своем первоначальном мнении. Германии нет никакого резона воевать с нами. Ей необходим наш нейтралитет в войне с Польшей». Через несколько дней, 29 сентября, уже после вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию и подписания «договора о дружбе и границе» с Германией, Слезкин пишет: «Если САШт [Северо-Американские Штаты. — авт.] станет на

⁶³² Цит. по: Наринский М. М. Кремль и Коминтерн в 1939–1941 годах // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 15.

⁶³³ Цит. по: Невежин В. А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 26.

⁶³⁴ Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 122.

сторону Франции и Англии и война продолжится — несомненно к нам [т. е. СССР и Германии. — *авт.*] присоединится Япония (разграничив с нами сферу влияния в Китае) и тогда создастся такой массив территориально-моноклассный, что с ним ничто уже не сравнится и ему не противостоит. А какой кулак в сторону английских владений в Азии!»⁶³⁵

Даже среди тех представителей интеллигенции, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к Советской власти, бытовало мнение, что в войне в Европе нет ни правых, ни виноватых, но в любом случае она выгодна для СССР. К. И. Чуковский приводит такие слова А. А. Ахматовой, сказанные в августе 1940 г.: «Каждый день война работает на нас. Но какое происходит одичание англичан и французов. Это не те англичане, которых мы знали... Я так и в дневнике записала: “Одичалые немцы бросают бомбы в одичалых англичан”»⁶³⁶.

Буквально за несколько дней до начала войны И. Ф. Филиппов, представитель ТАСС в Германии и одновременно заместитель руководителя советской резидентуры в Берлине в разговоре с немецким собеседником (который, кстати, оказался осведомителем «бюро Риббентропа» и отразил содержание беседы в своем донесении) утверждал, что возможный «союз между Россией, Америкой и Англией — это чушь. В России не питают иллюзий относительно буржуазных государств. Россия может полагаться лишь на саму себя»⁶³⁷.

Но в общественном сознании фашистская Германия оставалась скорее самым опасным и вероятным противником, чем союзником; пакт 1939 года и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств. Сохранялась память о союзе с Англией и Францией в первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрявшиеся антифашистской пропагандой 30-х годов, вели к росту антинемецких настроений. Большое

⁶³⁵ Цит. по: Корочкова О. Ю. Дневник Ю. Л. Слезкина: внешнеполитические коллизии в оценках русского писателя // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 482–483.

⁶³⁶ Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 155.

⁶³⁷ Цит. по: Вишлёв О. В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М.: Наука, 2001. С. 163.

впечатление произвела вышедшая в конце 30-х годов книга Эрнста Генри «Гитлер против СССР»⁶³⁸.

Даже в период советско-финской войны 1939–1940 гг., когда вопрос о потенциальных противниках и союзниках СССР в Европе был особенно актуальным, в массовом сознании Англия и Франция считались (и не без оснований) союзниками Финляндии, т. е. противниками СССР. Как говорил в частном разговоре беспартийный московский инженер Бордюков, «этот чертов “гастролер” Уэллес⁶³⁹, по-видимому, хлопотал, чтобы натравить Германию на нас вместе с Англией и Францией. Он хотел уговорить Англию и Францию уступить Германии часть колоний с тем, чтобы Англия, Франция, Германия, Италия и Турция двинулись на нас. Мы предупредили события и заключили мир с Финляндией. Чрезвычайно мудрая политика!.. Если бы мы прошли дальше, то Англия и Франция заставили бы Норвегию и Швецию пропустить англо-французские колониальные войска. Разгорелась бы ужасная мировая бойня»⁶⁴⁰.

Что же касается Германии, то отношение к ней было более сложным. В анонимном письме на имя А. Я. Вышинского в марте 1940 г. утверждалось, что «немцы хотели поссорить Англию и Францию, и им это не удалось, зато им удалось руками украинских националистов поссорить нас с Англией и Францией»⁶⁴¹. Экономист Т. был уверен, что все происходящее — «дела рук Германии, которая этим самым втянет Советский Союз в войну с Англией и тем обеспечит себе победу над Англией».

⁶³⁸ См., например, дневник ленинградки И. И. Зеленской: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.

⁶³⁹ Уэллес Самнер (1892–1961) — заместитель государственного секретаря США в 1937–1943 гг. В начале февраля 1940 г. Вашингтон объявил о намерении послать в Европу своего специального представителя С. Уэллеса для переговоров с правительствами Германии, Италии, Франции и Англии «исключительно с целью консультации президента и государственного секретаря относительно современного положения в Европе». Миссия Уэллеса, пробывшего в Европе более месяца, с 25 февраля по 30 марта, была связана с предшествующими заявлениями президента и государственного секретаря о предполагаемой мирной инициативе США. Прямое отношение к ней имело и заявление Рузвельта на пресс-конференции 9 февраля о намерении помочь Финляндии в войне против Советского Союза.

⁶⁴⁰ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 511.

⁶⁴¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 20.

А художница Р. утверждала, что «Англия и Франция несомненно ведут закулисные переговоры с Германией, обещая ей колонии с тем, чтобы военные действия на Западном фронте прекратились и Англия с Францией повели бы войну с СССР через Финляндию при поддержке Германии. Это очень возможный вариант, так как союз СССР с Германией не крепок. Вообще сближение СССР с Германией невыгодно для СССР. Если бы был заключен дружественный договор с Англией и Францией, наше международное положение было бы намного сильнее»⁶⁴². Одновременно звучало и такое мнение: «Гитлер подарит нам Финляндию за ту помощь, которую мы ему оказываем»⁶⁴³.

Нередко встречались высказывания о том, что Германия, в отличие от СССР, смогла бы одержать победу гораздо быстрее и с меньшими потерями (очевидно, здесь отразились впечатления от немецкого «блицкрига» 1939 г. в Польше).

Вместе с тем у ряда советских граждан успешное, как казалось, начало войны оживило давние иллюзии о поддержке СССР трудящимися всех стран. Как говорил в декабре 1939 г. диспетчер Лифанов, «как только наши части вступают на территорию капиталистической страны, народ этой страны видит в нас друзей и вместе с нами выступает против буржуазии»⁶⁴⁴.

Заключение мира с Финляндией в ряде случаев вызвало предположения, что мир был заключен под давлением Германии. По мнению литсотрудника иностранного отдела редакции «Гудка», «Советское правительство пошло на заключение мира под нажимом Германии. Немцы требовали этого, опасаясь, что мы не сможем их снабжать. С другой стороны, немцы хотят использовать Красную Армию на Ближнем Востоке и, очевидно, против Индии». С другой стороны, научный сотрудник Академии наук СССР Кузьмин утверждал: «Быстрое решение вопроса произошло под давлением США, которые заинтересованы в никелевых рудниках в Петсамо, куда они вложили крупные суммы. Давление было сделано через Уэллеса и на англо-французский блок и, через Германию, на СССР»⁶⁴⁵.

Финский же народ, на помощь которому, по официальной версии, выступила Красная Армия, в зафиксированных

⁶⁴² Зимняя война... С. 258–259.

⁶⁴³ Там же. С. 209.

⁶⁴⁴ Там же. С. 222.

⁶⁴⁵ Там же. С. 508, 510.

высказываниях выступал отнюдь не в качестве потенциального союзника, а в качестве объекта освобождения, либо, гораздо чаще, в качестве упорного и фанатичного противника.

Если начало войны вызвало у противников Советской власти надежды на вмешательство Запада, то заключение мира у них же вызвало разочарование. Член-корреспондент Академии наук профессор Р. констатировал: «Виноваты Англия и скандинавские страны. Они спокойно смотрели на героическую борьбу малочисленного финляндского народа и дали возможность большевикам укрепиться на Финском заливе», а заведующий кафедрой Менделеевского института профессор З. высказал сожаление по поводу быстрого прекращения войны, так как «отпали надежды, что война с Финляндией вызовет крупные политические осложнения, которые могли бы привести Советский Союз к более серьезным военным столкновениям»⁶⁴⁶.

В 1939–1941 гг. проявилась одна особенность массового сознания — независимо от позиции говорившего и от общего контекста высказывания, Англия и Франция иногда именовались просто «союзниками» — в отличие от США, Германии, Италии, Финляндии, других стран. При этом никто из говоривших не имел в виду, что они были союзниками СССР. Например, завхоз Ионов 2 декабря 1939 г. уверял собеседников, что «Франция и Англия объявили нам войну. Возможно, Турция пропустит флот Франции и союзников в Черное море и нам тогда трудно будет вести войну с Финляндией»⁶⁴⁷. Именно так многократно именуется в своих дневниках Англию и Францию Г. Эфрон⁶⁴⁸. Здесь, очевидно, в совершенно иных условиях воспроизводятся внешнеполитические стереотипы времен первой мировой войны.

Как и в 20-е годы, среди части граждан вновь оживились надежды на помощь извне в борьбе с советской властью (правда, теперь они высказывались намного реже). Уже накануне финской войны высказывались такие мнения: «наш тыл не выдержит войны, так как жить стало невозможно, все отправляют в Германию, положение народа плохое. Вот скоро будет война, которая изменит положение к лучшему, Англия, Фран-

⁶⁴⁶ Зимняя война... С. 508.

⁶⁴⁷ Там же. С. 223.

⁶⁴⁸ Эфрон Г. Дневники. В 2-х томах. М., 2004. Эфрон Георгий Сергеевич (1925–1944) — сын М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона, погиб на фронте.

ция и другие страны объединятся и разобьют СССР... Финляндии помогут Англия, Франция, да и Германия соберутся все и СССР сметут с лица земли»⁶⁴⁹. Характерно, что оба высказывания принадлежат «бывшим» — бывшему штабс-капитану и бывшему священнику. О том же говорили в феврале 1941 г. на базаре г. Ворошиловска: «в настоящее время мы можем рассчитывать на Англию и Америку. Англия имеет договоренность с Турцией и Болгарией и нападение на СССР может произойти прямо на Кавказ, а как только откроется война, то можно ожидать и восстания в народе»⁶⁵⁰.

Постепенно, в ходе второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом. Британский журналист А. Верт приводит такие высказывания своих советских собеседников, относящиеся к 1940 году: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»⁶⁵¹.

Отношение к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным и, после ее оккупации нацистами, сочувственным, несмотря на дипломатическое признание правительства Виши и все зигзаги официальной пропаганды.

Что же касается Соединенных Штатов, в советской картине мира 1920–30-х годов они занимали достаточно специфическое место (в данном случае речь идет и о пропаганде, и о массовых стереотипах). С одной стороны, на США распространялись все негативные характеристики капиталистической страны. С другой — и на официальном уровне, и в массовом сознании, несомненно, присутствовали самые позитивные оценки американской деловитости, эффективности, технической изобретательности.

⁶⁴⁹ Зимняя война... С. 208, 221.

⁶⁵⁰ Советская повседневность... С. 407. Ворошиловск — название г. Ставрополь в 1935–1943 гг.

⁶⁵¹ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 64–65.

Положительные оценки США, звучавшие в СССР, охотно подмечали и тиражировали американские дипломаты и журналисты, а следом за ними и американские исследователи, порой явно преувеличивая степень «любви» простых советских людей к заокеанскому «дядюшке Сэму».

В качестве примера особого отношения части советского общества к США можно привести следующую запись из дневника К. И. Чуковского (декабрь 1923 г.). Посещая Ф. Сологуба вместе с сотрудником АРА Кини, Чуковский сказал выразил надежду, что тот не испытает неловкости, взяв денег у американца. Сологуб «ответил длинно, тягуче и твердо, как будто издавна готовился к этой речи: — Нельзя испытать неловкости, принимая деньги от Америки, потому что эта великая страна всегда живет в соответствии с великими идеалами христианства. Все, что исходит от Америки, исполнено высокой морали»⁶⁵².

В результате, как заметил американский исследователь Ф. Баргхорн, учитывая общее отношение к США как советского руководства, так и, особенно, широких масс, «было нетрудно “продать” Америку» в качестве союзника⁶⁵³.

⁶⁵² Чуковский К. И. Дневник (1901–1929). М., 1997. С. 260–261.

⁶⁵³ Barghoorn F. C. The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N. Y.; L., 1969. P. 37. Об образе США в советской пропаганде и в общественном сознании в межвоенный период см. также: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 45–52; Фролова Н. С. «Восхитительный и пугающий дядюшка Сэм»: образ жизни американцев в 20-е годы через советскую призму // Проблемы российской истории. Вып. 1. Магнитогорск, 2002. С. 356–371; Она же. «Сумасшедший дом и его обитатели» — политическая система США в оценке советских обозревателей 1930-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 369–391; Хмелевская Ю. Ю. Американская помощь голодающим в Советской России в 1921–1923 гг.: забытая страница истории или идеологическая манипуляция // Проблемы российской истории. Вып. 4. Магнитогорск, 2004. С. 65–90; Шведов С. Образ Генри Форда в советской публицистике 1920–1930-х годов // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. М., 1987. С. 133–142; Голубев А. В. Дядя Сам в зубах у «Крокодила» // Историк и художник. 2006. № 2. С. 63–76; Он же. Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 372–412; Brooks J. The Press and Its Message: Images of America in the 1920s and 1930s // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society & Culture. Bloomington, 1991. P. 231–252; Rogger H. How the Soviets See Us // Shared Destiny. Boston, 1985. P. 107–146; etc.

Повороты в пропаганде и неопределенность в общественных настроениях хорошо иллюстрируются воспоминаниями современника: «...помню газеты с портретами улыбающихся вождей В. М. Молотова и И. Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: “Это — ненадолго. Там, наверху, сообщают”. Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией?.. Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак)»⁶⁵⁴. На самом деле на плакате 1938 г. «Воздушный бой» (авторы В. Дени, Н. Долгоруков, А. Юмашев) были изображены японские, а не английские самолеты⁶⁵⁵. Характерна, однако, ошибка мемуариста.

Впрочем, слухи о войне с Англией продолжали распространяться; так, в мае 1941 г. красноармеец Зюзин утверждал: «если сейчас войны нет между СССР и Германией, Англией, то это потому, что СССР еще не готов к войне, а если будет готов, то объявит вам, дуракам, пойдем освобождать братьев Англии и Германии, и вы все, дураки, пойдете»⁶⁵⁶. Любопытно, что мотив объединения Англии и Германии в качестве противников СССР встречался не только в 1939–1941 гг., но даже и в ходе Великой Отечественной войны.

Особенно сильны слухи о войне с Англией были в только что присоединенной Прибалтике⁶⁵⁷. Когда в одном из уездов Латвии объявили о явке всего мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет на сборные пункты «для проверки», эта акция была оценена как «тотальная мобилизация в Красную армию для войны против Англии и Америки»⁶⁵⁸.

Отношение к западным союзникам у значительной (если не большей) части населения этого региона было predeterminedено

⁶⁵⁴ Лабас Ю. Черный снег на Кузнецком (война глазами восьмилетнего москвича) // Родина. 1991. № 6–7. С. 36.

⁶⁵⁵ См.: Долгоруков Н. А. Страницы жизни. Записки-воспоминания. Л., 1963.

⁶⁵⁶ Цит. по: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М., 2000. С. 450.

⁶⁵⁷ О ситуации в Прибалтике накануне войны подробнее см.: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 44–128.

⁶⁵⁸ Там же. С. 203.

событиями 1939 и особенно 1940 года. Присоединение прибалтийских республик к СССР и последовавшая за этим их «ускоренная советизация» совершили переворот в массовом сознании. В 1939 г. значительной частью населения и даже политической и культурной элиты прибалтийских стран СССР рассматривался как «меньшее зло» по сравнению с гитлеровской Германией. Так, среди литовских военных было распространено мнение, что «лучше быть национально существующей Литвой в руках СССР, чем превратиться в Карельскую губернию в руках немцев». Однако уже в 1940 г. социально-экономические преобразования, рост цен и снижение жизненного уровня, а главное, начавшиеся репрессии и депортации, привели к обратному результату. «Мы внезапно очутились перенесенными из цивилизованной Европы за много столетий назад, в ужасное царство Тамерлана», — писал об этом времени латышский агроном Отто Эглайс⁶⁵⁹. И подобные настроения разделялись многими.

При этом большинство отдавало себе отчет в том, что восстановление независимости прибалтийских республик возможно лишь в результате вмешательства извне. Перед войной такое вмешательство логично было ожидать прежде всего от гитлеровской Германии, и в той же Латвии мрачно острили: «Гитлер может пожаловать Сталину наивысший орден — ведь за 700 лет немцы не могли добиться дружбы латышей, а Сталин это умудрился сделать за один год»⁶⁶⁰.

Но при этом многие все же предпочитали получить помощь из других рук. В Литве уже в ноябре 1940 г. «пустили слух, что вот прилетят английские бомбардировщики и начнут бомбить город Вильнюс, что советская власть здесь установилась ненадолго и т. д., придут немцы или англичане...» Как отмечалось в сводке НКГБ, «классовый враг использует это недовольство [простом цен. — *авт.*], говоря, что при советской власти нет товаров, все дорого и что скоро придут немцы, англичане и вернутся поляки»⁶⁶¹. Набор потенциальных противников, они же союзники в борьбе против «Советов», представляется для конца 1940 года совершенно невозможным (немцы и англичане в те дни воевали

⁶⁵⁹ О ситуации в Прибалтике накануне войны подробнее см.: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 96–97.

⁶⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶⁶¹ LYA. F. 1771. Ар. 1. В. 181. L. 30, 36.

друг с другом, Польши не существовало вообще), но таковы уж законы массового сознания. Соединяя несоединимое, оно тем самым явственно выделяло главное. Для тех дней, пожалуй, главным было для Прибалтики разочарование в Советской власти и надежды на восстановление независимости любым путем.

Особую социальную группу советских граждан представляли собой спецпоселенцы, депортированные по национальному признаку. Значительную их часть, несколько сотен тысяч, составляли депортированные из западных областей Украины и Белоруссии и Прибалтики в 1939–1940 гг. Именно в этой среде надежды на помощь разнообразных «союзников» проявлялись особенно явственно⁶⁶².

Большинство составляли польские «осадники»⁶⁶³. Свои надежды они возлагали, прежде всего, на гитлеровскую Германию и ее союзника Японию. Враждебное отношение к стране, которая напала на Польшу и ликвидировала польскую государственность, в этом случае отходило на второй план. Часть осадников считала, что «Гитлер бывшую Польшу снова восстановит, какой она и была, и к ней присоединится вся Украина и Белоруссия».

Другая часть осадников, напротив, тяготела к Великобритании. «Русские боятся, — утверждали они, — что им не сдобровать от Англии за Польшу», которую «Англия скоро восстановит».

Иногда надежды на английскую помощь приобретали совсем уж экзотический характер. В письмах родным и знакомым, оставшимся на Западной Украине и в Западной Белоруссии, осадники их ободряли: «Говорят, что король Англии имеет быть польским королем. Скоро его ожидаем, не волнуйтесь, надежда есть».

Помимо Великобритании депортированные поляки возлагали надежды на США: американцы якобы должны были предложить Советскому Союзу «всех осадников от выселения

⁶⁶² Подробнее см.: Синицын Ф. Л. Политические настроения депортированных народов СССР 1939–1956 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 50–70.

⁶⁶³ Осадники — вышедшие в отставку солдаты и офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной колонизации этих территорий. После вхождения Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР около 90% осадников были депортированы в Сибирь и Архангельскую область.

освободить». Осадник Цибович передавал слухи: «Скоро поедем домой. Америка предъявила советам освободить нас — если не освободите, мы пошлем 70 тыс. самолетов и за три дня разобьем Советский Союз»⁶⁶⁴.

Тем не менее международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Писатель Вс. Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии, общался с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, немецкого, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и “оси” — в выгодный момент, в блоке с “демократическим блоком”»... Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с “демократиями” Запада. **Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах** [курсив мой. — авт.]» И вместе с тем (в записи от 3 марта) — «с англо-американским миром — враги второй очереди — возможен компромисс, лет на 10–15»⁶⁶⁵.

Однако ни политическое, ни военное руководство по-прежнему не рассчитывало на каких-либо союзников в будущем столкновении с Германией, которое становилось все более вероятным. Об этом говорит в частности тот факт, что на стратегических играх в Генштабе РККА в январе 1941 г. во вводных союзники СССР не фигурировали (союзником «западных», то есть Германии, во второй игре выступали «южные», очевидно, Румыния)⁶⁶⁶. В беседе с Вс. Вишневским в апреле 1941 г. К. Е. Ворошилов «еще раз сказал о полной ненадежности англичан»⁶⁶⁷.

⁶⁶⁴ Цит. по: Сеницын Ф. Л. Указ. соч. С. 51.

⁶⁶⁵ Вишневский Вс. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 годов // Москва. 1995. № 5. С. 107.

⁶⁶⁶ Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 6–7.

⁶⁶⁷ Вишневский Вс. Указ. соч. С. 108. О том, как менялся образ союзника в массовом сознании советского общества в гола Великой Отечественной войны см.: Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 250–372.

Глава 4. «Большая правда, чем фотография»: Визуальные образы войны в советской карикатуре

Карикатура обладает несомненной ценностью как исторический источник, хотя лишь в самые последние годы в российской историографии появились работы, где она предстает именно в этом качестве⁶⁶⁸. Изучение советской политической сатиры (карикатуры в том числе), представлявшей собой «своеобразное сочетание политики, идеологии и собственно популярной литературы»⁶⁶⁹, особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры.

⁶⁶⁸ См., например: Голубев А. В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа (Варшава). 2003. Том 3. № 3 (8). С. 125–169; Он же. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. Магнитогорск, 2003. С. 472–498; Он же. Америка в советской карикатуре 1920–30-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2006. С. 372–412; Невежин В. А. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // Поляки и русские — преодоление предрассудков. Лодзь, 2006. С. 301–316; Орлов И. Б. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. М., 2001. С. 230–236; Рябов О. Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // Поляки и русские — преодоление предрассудков. Лодзь, 2006. С. 275–286; Токарев В. А. Польская тема за пределами «Правды». Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Поляки и русские — преодоление предрассудков. Лодзь, 2006. С. 287–300; Он же. «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 216–232; Филиппова Т. А. Аспиды и готтентоты. Немцы в русской сатирической журналистике // Родина. 2002. № 10. С. 31–37; Шаттенберг С. Техника — политична. О новой советской культуре инженера в 30-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб., 2000. С. 193–217; и др.

⁶⁶⁹ Орлов И. Б. Указ. соч. С. 231.

Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах. По мнению В. А. Токарева, в межвоенный период «подавляющая часть советского общества, особенно сельские жители, обогащала свой багаж *визуальных образов* о мире и внутрисоюзных событиях исключительно благодаря фотограм и фотографии». Однако тут же он отмечает, что фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом советских периодических изданий лишь со второй половины 1920-х годов⁶⁷⁰. К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности.

Более того, если фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за исключением художественной) представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же, как правило, — это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия.

Показательно, что в ходе одного из обследований летом 1923 г. «некоторые из опрошенных крестьян высказывали пожелание, чтобы в газетах побольше было карикатур». Конечно, были и другие примеры — так, автор безуспешно попытался познакомить с образцами политической сатиры некую крестьянку: «Показываю ей “Крокодил”, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает». Понятно, что фотографии в газетах для этой категории крестьян оказались бы еще более сложным материалом⁶⁷¹.

⁶⁷⁰ Токарев В. А. Советский фоторепортаж польской кампании (1939): организация и структура // Проблемы российской истории. Вып. 7. Магнитогорск, 2006. С. 553.

⁶⁷¹ Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 35, 52.

И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда⁶⁷² в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что этим искусственным положением, неправдоподобным положением карикатуры выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием» — говорил А. В. Луначарский⁶⁷³.

Политическая карикатура с одной стороны отличается особой емкостью образа, явной эмоциональностью (с ироническим или саркастическим оттенком), и, в ее советском варианте, абсолютной идеологизированностью. «В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных

⁶⁷² Ефимов Борис Ефимович (род. в 1900), российский график, народный художник СССР (1967), действительный член Академии художеств СССР (1975), Герой Социалистического Труда (1990). Автор злободневных политических, в т. ч. антифашистских, карикатур. С 1922 г. сотрудничал в газетах «Правда», «Известия», журнале «Крокодил». Лауреат Сталинских и Государственной премий (1950, 1951, 1972). Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929–1931 гг. — премьер-министр Великобритании. Правительство Макдональда в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР, а в 1929 г. восстановила их после разрыва 1927 г. В 1931 г. возглавил коалиционное (т. н. национальное) правительство (1931–1935). В качестве одной из знаковых фигур международной умеренной социал-демократии был любимым персонажем советских карикатуристов.

⁶⁷³ Цит. по: Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 68–69.

полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему» — подчеркивалось в одной из брошюр того времени⁶⁷⁴. С другой стороны, карикатура — часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской «развлечения», но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. Для многих советских людей знакомство с внешним миром начиналось именно с карикатур, которые они с интересом рассматривали в детстве, зачастую еще не умея читать.

«В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя» — отмечает современный исследователь⁶⁷⁵. Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формирует упрощенную картину реальности, в свою очередь, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Видный коминтерновец Ф. Кон во введении к одному из альбомов, изданному в 1931 г., так характеризовал советскую карикатуру: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»⁶⁷⁶. Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся исключительно к карикатуре на международные темы. Карикатуры, посвященные внутренней жизни СССР, независимо от темы и сюжета, таковыми не считались. Порой подобная практика вызывала обоснованные возражения, однако продолжала оставаться общепринятой. В данном очерке мы будем пользоваться именно этой терминологией.

По мнению Б. Ефимова, уже к началу 1920-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры

⁶⁷⁴ Варшавский Л. Наша политическая карикатура. М., 1930. С. 9.

⁶⁷⁵ Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 69.

⁶⁷⁶ Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. М., 1931. С. 3.

носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках. «Не удивительно, что буржуазная пресса была определенно озадачена активностью советской сатиры, когда “Правда” — газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие» — писал в своих воспоминаниях Б. Ефимов⁶⁷⁷. Тут же он приводит ряд примеров перепечатки советских (в частности, своих собственных) карикатур западными изданиями. По мнению художника, это говорило о «небывалом внутреннем и международном резонансе», который получала советская карикатура.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: «Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это — несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это — обличительный жар, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события»⁶⁷⁸.

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, выходящим в 1920–30-е годы, в ряде случаев писали видные политические деятели, такие как А. В. Луначарский или Феликс Кон. Автором предисловий к двум изданиям карикатур Б. Ефимова, опубликованным в 1932 и 1938 гг. был Е. А. Гнедин⁶⁷⁹. «Если бы можно было развернуть

⁶⁷⁷ Ефимов Б. Е. Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 88.

⁶⁷⁸ Варшавский Л. Указ. соч. С. 8.

⁶⁷⁹ Гнедин Евгений Александрович (1898–1983) в 1922–1930 гг. работал в НКВД (заведующий подотделом торговой политики, старший референт по Германии), затем был заместителем заведующего иностранным отделом «Известий». В 1935–1937 гг. — первый секретарь полпредства в Берлине. В июне 1937 — мае 1939 заведовал отделом печати НКВД. В мае 1939 г. был арестован, находился в заключении до 1955 г., впоследствии был реабилитирован. В 1970-е годы получил известность как публицист и правозащитник. В 1932 г. он работал в «Известиях» и предисловие было подписано его собственной фамилией; в 1938 г. он был уже заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел и поэтому предисловие подписал псевдонимом.

рисунки Ефимова в виде фильма, то перед нами открылось бы чудовищное зрелище кризиса капиталистической системы, лицемерной комедии буржуазной дипломатии, зловещей трагедии подготовки империалистической войны» — писал Гнедин в 1932 г.⁶⁸⁰ В предисловии к альбому 1938 г., он особо подчеркивал роль включенных в него рисунков как «политического разоблачения фашистских агрессоров и их пособников» и определял альбом как «своеобразный политический памфлет»⁶⁸¹.

Особенно важна была пропагандистская функция карикатуры в кризисных ситуациях. В 1934 г. в журнале «Крокодил» была опубликована подборка карикатур времен первой мировой войны (английских, немецких, русских). В редакционном комментарии подчеркивалось: в случае новой войны этой «буржуазной отраве» будет «противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры»⁶⁸².

Сатирическая печать неоднократно становилась объектом пристального внимания высшего партийного руководства. Так, в мае 1927 г. было принято постановление отдела печати ЦК ВКП(б) «О сатирико-юмористических журналах», опубликованное в журнале «Красная печать». В постановлении констатировалось: «Наличие у семи основных сатирико-юмористических журналов⁶⁸³ полумиллионного тиража свидетельствует о наличии широкого интереса к литературе этого рода и выдвигает необходимость большего, чем до сих пор, использования ее партией в целях культурного воспитания широких слоев рабочих и крестьян и как оружие критики и борьбы с недостатками и болезненными явлениями во всех областях нашего строительства». Однако, по мнению авторов постановления, задачи, стоявшие перед сатирическими журналами, решались ими неудовлетворительно. Завершалось постановление призывом к существующим журналам стать «органами бичующей политической сатиры», нацеленной «против классовых врагов внутри и за пределами СССР и

⁶⁸⁰ Ефимов Б. Выход будет найден. Политические карикатуры. М.-Л., 1932. С. 5.

⁶⁸¹ Поджигатели войны. Карикатуры Бор. Ефимова. М., 1938. С. 3.

⁶⁸² Крокодил. 1934. № 20–21. с. 19.

⁶⁸³ Имелись в виду «Бегемот», «Бич», «Бузотер», «Крокодил», «Лапоть», «Пушка», «Смехач».

против враждебной пролетариату (в частности, социал-демократической) идеологии»⁶⁸⁴.

В августе 1928 г. последовало постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О сатирических журналах», в котором газетному сектору Агитпропотдела ЦК и его заведующему С. Б. Ингулову поручалось не реже чем раз в два месяца проводить специальные совещания редакторов сатирических журналов с целью их инструктирования. Одновременно было решено некоторые журналы закрыть, а другим предлагалось перестроить свою работу⁶⁸⁵. Речь в первую очередь шла, как подчеркивалось в записке С. Б. Ингулова (которая и явилась поводом для обсуждения вопроса на секретариате) о том, что журналы начали «конкурируя друг с другом, все больше и больше приспособляться к своей служилой и интеллигентской аудитории, сбиваться на обывательщину и мещанское зубоскальство и отходить от основных задач советской бичующей сатиры, назначением которой является борьба против проникновения в нашу жизнь, быт и строительство явлений классового переорождения, бюрократизма, идеологической пошлости и стихии нэпа». Характерно, что один из журналов, «Лапоть», рассчитанный прежде всего на крестьянскую аудиторию, критиковался в записке за то, что «вместо активного проведения классовой политики в деревне поверхностно и беззубо острит на международные темы»⁶⁸⁶.

И впоследствии (в частности, в 1940–50-е годы) принимались специальные постановления ЦК на эту тему, в том числе посвященные работе журнала «Крокодил»⁶⁸⁷.

Темы карикатур для газеты «Правда» (реже «Известий») иногда задавались «сверху», что же касается журналов, если верить воспоминаниям Б. Ефимова, темы рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-«темисты», темы обсуждались редакцией и только после этого за нее брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура

⁶⁸⁴ Цит. по: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997. С. 59; Стыкалин С., Кременская И. Указ. соч. С. 23.

⁶⁸⁵ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 131.

⁶⁸⁶ «Счастье литературы»... С. 56, 58.

⁶⁸⁷ См.: Стыкалин С., Кременская И. Указ. соч. С. 203–209.

обсуждалась вновь и, после необходимой доработки, шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели⁶⁸⁸. Конечно, иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в «Крокодиле», например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня — эпитафия (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры»⁶⁸⁹.

Изучение политической карикатуры позволит лучше понять и проанализировать все зигзаги советской пропаганды в 20–30-е годы, вплоть до начала второй мировой войны, представить их в виде сменявших друг друга образов, которые пропаганда пыталась закрепить в массовом сознании. Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» — империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда — с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский. Вот как, например, характеризует советский искусствовед типичный образ капиталиста в рисунках одного из видных карикатуристов того времени: «Тип капиталистов в плакатах и журнальных рисунках Черемныха двадцатых и начала тридцатых годов, хотя и имел несколько особый оттенок, в целом мало отличался от изображения капиталиста в работах Моора, Дени и других художников. Это — жирное, хищное лицо с оскаленными клыками, толстая фигура, одетая в черный фрак и белую манишку, это — лоснящийся черный цилиндр на голове, золотые кольца на руках с отточенными, как когти зверей, ногтями. Именно таким долгое время изображали художники

⁶⁸⁸ Ефимов Б. Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 198.

⁶⁸⁹ Его же. Политическая карикатура. 1924–1935. М., 1935. С. 5.

капиталиста, как образ хищничества, беспощадности, наглости и чревоугодия»⁶⁹⁰.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали — подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

Говоря о советской политической карикатуре, как и вообще сатире на международную тему, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма существенные неприятные последствия. «Выход был найден. Сатира и юмор взялись за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие — не сходили со страниц газет...» — подчеркивает в своем исследовании советской повседневной жизни 1920–30-х годов Г. В. Андреевский⁶⁹¹. Но и здесь легко было вызвать неудовольствие соответствующих инстанций, о чем говорит карикатура И. А. Малютина с красноречивым названием «Зачемберленились», опубликованная в «Крокодиле» в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили «внутреннего врага»⁶⁹². Это понимали и сами карикатуристы: Б. Ефимов вспоминает, что один из крупнейших карикатуристов написал шарж на самого себя с красноречивой подписью: «Вяжите меня, братцы, я опять Чемберлена нарисовал». А самого Ефимова коллеги Кукрыниксы изобразили

⁶⁹⁰ Костин В. И. Михаил Михайлович Черемных. М., 1957. С. 14. Черемных Михаил Михайлович (1890–1962) — график и карикатурист, народный художник РСФСР (1952), действительный член Академии художеств (1958), один из основателей «Окон РОСТА», «Крокодила». Лауреат Сталинской премии (1942).

⁶⁹¹ Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003. С. 410.

⁶⁹² Крокодил. 1926. № 2. С. 3. Малютин Иван Андреевич (1891–1932) — художник-карикатурист, один из основателей «Окон РОСТА» и «Крокодила».

скачущим на любимой (деревянной) лошадке с головой все того же злосчастливого Чемберлена...⁶⁹³

В результате в конце 1926 года на карикатуре Ю. Ганфа «лекарь Крокодил» предлагал Чемберлену: заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...⁶⁹⁴

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала «Новый Сатирикон» — Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы «Смехач» (1924–1928) и сменивший его «Чудак» (1928–1930), ленинградские «Бегемот» (1924–1928), «Пушка» (1926–1929) и «Ревизор» (1929–1930). Однако с 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций, сохранившихся до войны. Особняком стоят специализированные журналы «Лапоть» (1924–1933), предназначенный для крестьян, и «Безбожник» (1923–1941)⁶⁹⁵. Политические карикатуры регулярно печатались также в «Правде», «Известиях», «Труде» (в последнем случае, однако, в основном с 1939 г.), выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был «Крокодил», который издавался в Москве с 1922 по 2000 год с периодичностью в среднем 3 раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания — 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы «Крокодила», позволяющие проследить

⁶⁹³ Ефимов Б. Е. Сорок лет... С. 108.

⁶⁹⁴ Крокодил. № 43. С. 1. Ганф Юлий Абрамович (1898–1973) — график, народный художник России (1964). Работал в газете «Правда», журнале «Крокодил».

⁶⁹⁵ Полный перечень сатирических изданий за эти годы см.: Стыкалин С., Кременная И. Указ. соч. С. 458–466.

динамику развития советской карикатуры по любым параметрам, положены в основу данной главы.

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно увеличивалось, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Так, если посмотреть материалы «Крокодила» с 1922 по 1941 год, окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начало мировой революции. На втором месте — 1936 (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 (международный кризис, начало второй мировой войны, советско-финская кампания) годы, когда в годовом комплекте из 36 журналов появилось соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте — 1932 год, канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру «Крокодил» уделял в 1927–1928 годах, годах завершения нэпа и начала индустриализации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая «военная тревога» 1927 г. не изменила ситуации⁶⁹⁶.

Какие же страны в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов? Первое место, безусловно, принадлежало Германии. Из общего числа примерно 1700 политических карикатур, опубликованных в «Крокодиле», более 550 (свыше 30%) так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты.

Великобритания занимает почетное второе место (около 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом Польша (170 карикатур), на пятом и шестом соответственно Япония и США (166 и 160 карикатур), а затем Италия (130), Китай (100) и, с большим отрывом, Финляндия (около 30 карикатур, причем большая часть — в период советско-финской войны).

⁶⁹⁶ Подсчитано автором по: Крокодил. 1922–1941. Всего за эти годы вышло около 700 номеров журнала, в которых было опубликовано почти 1700 карикатур на международную тематику.

Угроза новой войны всегда была одной из ведущих тем, особенно для политических карикатуристов. То Чемберлен, то Пуанкаре, то «дядя Сам»⁶⁹⁷ спускали с поводка огромное бронированное чудовище — войну — огромную, страшную, в противогазе, оцетинившуюся пушками, на танковых гусеницах... Даже, казалось бы, шаг, определенно ведущий к укреплению мира — подписание пакта Бриана — Келлога и присоединение к нему СССР в августе 1928 г.⁶⁹⁸ — так отразился в «Крокодиле»: западные дипломаты на рисунке подписывают пакт, приговаривая: «С удовольствием подписали бы и двумя руками». Но свободна только одна — каждый из них держит за спиной пистолет или бомбу. А на карикатуре М. М. Черемных, появившейся на обложке журнала в начале 1929 г., пакт обсуждали красноармейцы. Один говорил: «С буржуями подписали мирный пакт, значит, нам домой». Второй довольно остроумно (хотя и чисто по-советски) отвечал: «С ними, как в загсе — сегодня расписались, завтра драка, буржуйской подписи не верь...»⁶⁹⁹ Впрочем, карикатуристы лишь следовали общему курсу советской политики — так, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в августе 1928 г., незадолго до того, как СССР присоединился к пакту Бриана — Келлога, подчеркивал в интервью «Известиям», что «в действительные цели инициаторов этого пакта, очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР... пакт Келлога есть составная часть подготовки войны против СССР». А «все-союзный староста» М. И. Калинин в марте 1929 г., уже после присоединения СССР к пакту, в публичном выступлении заявил, что пакт «рассчитан на завуалирование перед широкими массами опасности будущей войны»⁷⁰⁰.

⁶⁹⁷ Так в 1920-е годы обычно именовался «дядя Сэм».

⁶⁹⁸ «Пакт Бриана — Келлога» или договор о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики был подписан в Париже 27 августа 1928 г. представителями Германии, Бельгии, США, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Польши, Чехословакии. От имени СССР пакт подписал временно исполняющий обязанности наркома по иностранным делам М. М. Литвинов 6 сентября 1928 г.

⁶⁹⁹ Крокодил. 1928. № 32. С. 5; 1929. № 7. С. 1.

⁷⁰⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XI. М., 1966. С. 463, 464; Т. XII. М., 1967. С. 105.

Не случайно на рубеже 20–30-х годов в «Крокодиле» неоднократно появлялись карикатуры на обывателя, который, сидя в своем уютном домике, не видит и не желает видеть ничего во круг — а за стенами его дома оскаленные рожи империалистов, рабочие со скованными руками, расстрелянные индусы и китайцы, до зубов вооруженные поляки или французы, пушки, танки, отравляющие газы...⁷⁰¹ Ожидали не только войны империалистов против республики Советов; постоянно возникала тема и новой мировой войны, главными участниками которой должны были стать великие державы в самых неожиданных комбинациях — США против Англии, Англия против Франции и т. д.

Как ни странно, в начале 1920-х годов отнюдь не самый активный участник гонки вооружений, США, становится одной из основных мишеней советских сатириков, клеймивших эту гонку. Так, только в 1923 г. в «Крокодиле» из шести карикатур, посвященных этой теме, пять относились именно к Америке⁷⁰² (шестая затрагивала Францию и Англию). При этом главный мотив всех опубликованных карикатур отражал даже не столько гонку вооружений как таковую, сколько лицемерие американской внешней политики. Так, провозглашая «мир на земле», американское правительство одновременно наращивало производство боевых самолетов и военных кораблей. По авторитетному свидетельству карикатуриста М. Черемных, госсекретарь США Юз, употребивший это выражение, оказывается, попросту «предал мир земле», содействуя при этом гонке вооружений на море и в воздухе...⁷⁰³

«Виновники» будущей войны уже в конце 20-х годов были названы советскими карикатуристами поименно. В конце 1927 г. появилось произведение Ю. Ганфа «Парад-алле», где на арене играли мускулами чемпионы — причем не чемпионы мира, как подчеркивала подпись, а чемпионы войны. Англию на «чемпионате» представляли О. Чемберлен и С. Болдуин,

⁷⁰¹ См., например, карикатуры Ю. Ганфа «В норе за самоварчиком» и «Иван Иваныч почитывает». Крокодил. 1927. № 19. С. 1; 1929. № 32. С. 10.

⁷⁰² Там же. 1923. № 16. С. 745; № 20. С. 806; № 21. С. 811; № 28. С. 946; № 41. С. 1158 (в 1923 году нумерация страниц «Крокодила» была единой в течение всего года).

⁷⁰³ Там же. № 16. С. 745. Юз Чарльз Эванс (1862–1948) — американский государственный и политический деятель, в 1921–1925 гг. государственный секретарь. Председатель Вашингтонской конференции (1921–1922), один из инициаторов разработки «плана Дауэса».

Францию — Р. Пуанкаре, Италию — Муссолини, Испанию — Примо де Ривера, Польшу — маршал Пилсудский... Германия в этом первенстве участия не принимала⁷⁰⁴. Прошло два года, и в журнале появилась подборка шаржей, объединенная безапелляционным названием «Винювники будущей войны». Любопытно сравнить персональный состав персонажей двух публикаций. Сохранили свое место в этом не слишком почетном ряду Пуанкаре, Муссолини, Пилсудский, Примо де Ривера. После прихода к власти лейбористского правительства английские консерваторы Чемберлен и Болдуин практически исчезли со страниц «Крокодила». Англию на данной карикатуре представлял бывший министр финансов У. Черчилль, сыгравший определенную роль в разрыве англо-советских отношений в 1927 г. На карикатуре также появились папа римский Пий XI, регент Венгрии М. Хорти, бывшие президент Франции А. Мильеран и премьер-министр Болгарии А. Цанков. Но самое интересное, что в числе виновников будущей войны и при том — впервые на страницах «Крокодила» появился глава национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлер. Правда, его внешность была еще не слишком известна. Гитлера без подписи узнать на карикатуре невозможно — лицо испуганное, довольно молодое, модные усики с острыми кончиками и модная тирольская шляпа⁷⁰⁵.

О том, как отзывалась советская карикатура на конкретную международную ситуацию, можно проследить на примере знаменитой «военной тревоги» 1927 г.

В течение первой половины 1927 г. напряженность в отношениях с Англией росла, что вскоре закончилось разрывом дипломатических отношений. Однако, как отмечалось выше, в 1927 году интерес советских карикатуристов к внешнему миру резко снизился (в 48 номерах журнала «Крокодил» за этот год было опубликовано всего 26 карикатур на международную тематику, и 9 из них как раз откликались на советско-английские отношения).

Впервые темы, связанной с ожиданием войны и советско-английскими отношениями «Крокодил» коснулся в апреле, причем дважды: на карикатуре, многозначительно озаглавленной «Рука английского пролетариата остановит руку

⁷⁰⁴ Крокодил. 1927. № 33. С. 1.

⁷⁰⁵ Там же. 1929. № 28. С. 4–5.

хищника» страшного вида «буржуй» тянулся к фитилю бомбы с надписью «война», а через несколько страниц в том же номере на карикатуре «Силы небесные» читатель видел О. Чемберлена⁷⁰⁶, который глядя на небо, покрытое боевыми самолетами, меланхолически произносил: «Небеса свидетель, я думаю только о мире»⁷⁰⁷.

Слухи о войне тем временем распространялись по стране, обыватели скупали сахар и керосин, все чаще встречались разговоры о том, что война уже началась, но коммунисты это скрывают... Но, видимо, этого показалось недостаточно, и в мае в «Крокодиле» появилась карикатура «В норе за самоварчиком», где высмеивался обыватель, не желающий ничего знать о приближающейся войне⁷⁰⁸.

Пик интереса сатириков к «военной тревоге» приходится на июль-август. На одной из обложек Крокодил с винтовкой, в военной форме, в противогазе уверенно заявлял: «Воевать не собираюсь, но и другим не советую». На обложке следующего номера все тот же Чемберлен, отпирая замок на цепи, удерживающей чудовище-войну, в каске, в противогазе, на танковых гусеницах, провозглашал: «Я против цепей и насилия. Надо пустить этого зверя на свободу!»

И три следующие карикатуры не обошлись без Чемберлена — на одной он проигрывал красноармейцам партию в шахматы, на другой разглядывал заполнившие небо советские самолеты («Наш ответ Чемберлену»), на третьей — советские рабочие писали письмо Чемберлену (карикатура, конечно же, воспроизводила знаменитую репинскую композицию)⁷⁰⁹.

Последняя карикатура, связанная с темой «военной тревоги», появилась в середине августа. Рабочие на собрании упрекнули оратора — «Что ты все о войне — мы за мир». Оратор же

⁷⁰⁶ Чемберлен Остин (1863–1937), видный деятель консервативной партии, министр финансов Великобритании в 1903–1905 и 1919–1921 гг., министр по делам Индии в 1915–1917 гг., министр иностранных дел в 1924–1929 гг., морской министр в 1931 г. С его деятельностью на посту МИД связано заключение в рамках Локарнских договоров Рейнского «гарантийного пакта», призванного обеспечить стабильность западных границ Германии (1925), за что Чемберлен был удостоен Нобелевской премии мира 1925 года совместно с автором плана возрождения германской экономики вице-президентом США Ч. Г. Дауэсом.

⁷⁰⁷ Крокодил. 1927. № 15. С. 7; С. 12.

⁷⁰⁸ Там же. № 19. С. 1.

⁷⁰⁹ Там же. № 25. С. 1; № 26. С. 1; № 27. С. 1; № 29. С. 1, 8.

«находчиво» ответил: «Если война, всем миром пойдем». Этим сомнительным каламбуром, по крайней мере, для «Крокодила», и завершилась «военная тревога» 1927 года, сыгравшая, кстати, весьма существенную роль в определении и внутренней, и внешней политики СССР на ближайшую перспективу.

Конечно, не только «Крокодил» откликнулся на «военную тревогу». На обложке журнала «Смехач» появилась карикатура «Худой мир», на которой О. Чемберлен, обращаясь к донельзя изможденному ангелу мира, давал ему такой совет: «Вам, дорогой Мир, нужно будет отдохнуть годика два-три. Вы переутомились»⁷¹⁰. А в одном из июльских номеров Чемберлен направлялся в Женеву, оседлав измученного голубя мира. В следующем номере карикатурист изобразил обывателей, запасающихся провизией на случай войны⁷¹¹.

Необходимо отметить важную черту, характерную для советской карикатуры, проявившуюся при освещении «военной тревоги». Политику Великобритании в отношении СССР определял не только Чемберлен. Премьер-министром в эти годы был С. Болдуин; многие видные консерваторы, например министр финансов У. Черчилль и министр по делам Индии лорд Биркенхед, активно участвовали в антисоветской кампании; знаменитый обыск советских учреждений в 1927 г. организовал министр внутренних дел Дж. Хикс, и т. д. Сам же Чемберлен в отношениях с СССР был сторонником более сдержанной политики⁷¹². Но в советской карикатуре однозначно доминировала одна знаковая личность — Остин Чемберлен, ставший, как ранее лорд Керзон, олицетворением «британского империализма». Искушенный читатель узнавал его с первого взгляда (в «Крокодиле» за весь период 1924–1929 гг. Чемберлен фигурировал примерно в четырех десятках карикатур, в то время как премьер-министр Болдуин появился лишь 10 раз, да и то, как правило, в многофигурных композициях, часто в компании с тем же Чемберленом, а Черчилль — лишь однажды).

⁷¹⁰ Смехач. 1927. № 22. С. 1.

⁷¹¹ Там же. 1927. № 29. С. 4; № 30. С. 3.

⁷¹² См. об этом: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1987. С. 101.

Опубликованная в первом номере «Крокодила» за 1929 год карикатура Ю. Ганфа «Буржуазная Европа вкушает мир» как бы подводила итог всей европейской дипломатии 20-х годов. Несмотря на название, картина на рисунке представляла отнюдь не идиллическая. Вечерний европейский город; в окнах военные, склонившиеся над картами, и фашисты, собравшиеся вокруг стола со свастикой; буржуа внимательно слушают кюре и генерала; обыватели тем временем развлекаются, наблюдая канкан и стриптиз. А на улице — рабочая демонстрация, в порту военные корабли с флагами США, Франции, Англии, Японии. И над всем этим нависает огромная фигура в форме, противогазе, с винтовкой⁷¹³.

Новая программа вооружений, принятая тем или иным государством, иногда просто очередной бюджет, предусматривающий рост военных расходов, хотя бы в рамках инфляции — все вызывало у карикатуриста и, соответственно, читателя, образ «безумной Европы», увешивающей себя оружием. Уже в 1922–1923 гг. понятие «гонка вооружений» прочно обосновалось среди основных стереотипов, внедрявшихся советской пропагандой, в том числе и средствами политической сатиры⁷¹⁴. Время от времени появлялись карикатуры, на которой небо покрывали боевые самолеты, а море — боевые корабли, так, что даже акулам некуда было деться⁷¹⁵.

Любые, достаточно, впрочем, робкие и безрезультатные, попытки западной дипломатии ограничить гонку вооружений, заранее вызывали скептическое отношение советских сатириков. Идеи демократического пацифизма, достаточно актуально звучащие и сегодня призывы воспитывать отвращение к войне и насилию, начиная со школы и т. п. — все это являлось лишь благодатным материалом для карикатуристов⁷¹⁶.

В 1931 г. была опубликована карикатура под несколько неожиданным названием — «В школе Лиги наций». Ангел мира входил в школу Лиги наций ребенком с оливковой ветвью в руках, а выходил в виде здорового детеныша в военной форме, вооруженного до зубов, держащего в руках баллон с

⁷¹³ Крокодил. 1929. № 1. С. 12.

⁷¹⁴ См.: Там же. 1922. № 8. С. 7; 1923. № 21. с. 802; 1931. № 13. с. 14; и др.

⁷¹⁵ См., например, карикатуру «Акуля участь»: Крокодил. 1928. № 7. С. 7.

⁷¹⁶ Там же. 1923. № 6. С. 577; 1924. № 28–29. С. 13.

отравляющим газом и план нападения на СССР. За плечами у бедного ангела появились крылья от бомбардировщика со свастикой. Автор особо подчеркивал, что учителями в этой школе были О. Чемберлен и А. Бриан⁷¹⁷.

Надо сказать, что ангел мира, несмотря на подчеркнутый антиклерикализм советской пропаганды, появлялся на страницах «Крокодила» довольно часто. Иногда он представлял собой лишь украшение, ширму, за которой скрывалась война со всеми своими атрибутами. Но порой он представал и в военной форме, и с винтовкой. Его давили танками, протыкали штыками, резали на куски буржуазные дипломаты... Если же автор карикатуры был в хорошем настроении, он заставлял очередного ангелочка просто поиграть с оружием⁷¹⁸.

Логичное завершение эти сюжеты нашли в карикатуре, появившейся уже в 1940 году, после начала второй мировой войны, на которой у закрытых дверей Лиги наций тощий, оборванный ангел мира просил подать ему на вооружение⁷¹⁹.

Конечно, угроза новой войны СССР с «капиталистическим окружением» была постоянной темой карикатуристов в эти годы. Надо сказать, что советские сатирики демонстрировали уверенность в нерушимости «священных рубежей социалистического отечества», уверенность, которую в общем-то не разделяли ни советское руководство, ни — особенно в 1920-х годах — подавляющее большинство населения страны. Время от времени появлялись сюжеты, намекавшие на помощь западного пролетариата в войне против СССР. Так, на рисунке «Небывалая стратегия» два французских военных обсуждали стратегию Красной армии, новизна в которой заключалась в следующем: «авангард у нее в Москве, а тыл — в каждой стране»⁷²⁰.

В 1930 г. появились две карикатуры со сходным сюжетом. На одной из них, принадлежащей М. Черемных и помещенной на обложке «Крокодила», огромный, краснощекий красноармеец с винтовкой в руке иронически поглядывал на хищную «империалистическую» руку, тянущуюся к карте пятилетки. Характерна запонка на белоснежном манжете империалиста —

⁷¹⁷ См., например, карикатуру «Акуля участь»: Крокодил. 1931. № 23–24. С. 2.

⁷¹⁸ См.: Там же. 1925. № 48. С. 2; 1926. № 1. С. 1; 1928. № 1. С. 5; 1930. № 9. С. 7; 1932. № 19. С. 2; 1935. № 28–29. С. 9; и др.

⁷¹⁹ Там же. 1940. № 4. С. 9.

⁷²⁰ Крокодил. 1928. № 9. С. 4.

на ней совмещены английский и американский флаги, буквы СД (то есть социал-демократы) и свастика. А с одного из когтей капала кровь, и надпись поясняла — «КВДЖ» (имелся в виду, конечно, известный конфликт 1929 г.)⁷²¹ Изучив карикатуру, внимательный читатель мог сделать вывод о том, кто считался главным противником СССР.

Вторая карикатура под запоминающимся названием «Семь бед — один ответ» поразительно совпадает по сюжету с первой⁷²². Б. Ефимов также изобразил улыбающегося красноармейца с винтовкой на фоне знамени с надписью «Пятилетку в 4 года!» Перед ним бессильной злобой исходили на сей раз уже семь голов (не рук!) на преувеличенно длинных шеях (намек на «гидру империализма»?) Перечень почти совпадал. Как бы в порядке значимости, сверху вниз, шли: империалист (видимо, британский: цилиндр одновременно напоминал имперскую корону), немецкий фашист в каске со свастикой, социал-демократ, папа римский Пий XI, китайский милитарист, французский генерал, и, наконец, маршал Пилсудский. Таким образом, появились четыре новых персонажа, и исчез американский империализм. Но относительно трех «главных» врагов (фашист, социал-демократ, Великобритания) расхождений не было⁷²³.

На протяжении 20-х и начала 30-х годов тема будущей войны, при всей ее важности, все же оставалась на втором плане по сравнению с внутривосточными сюжетами европейской жизни — кризисы, революционное движение, репрессии, тяжелое положение трудящихся и так далее. Да и «виновники будущей войны» иногда подбирались по очевидно случайному принципу.

В 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер, и постепенно тема фашистской агрессии выходит на первый план. Только в «Крокодиле» за 1933–1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур, кроме того, они регулярно публиковались в других журналах и газетах, в альбомах известных карикатуристов, например, Б. Ефимова или Кукрыниксов.

⁷²¹ Крокодил. 1930. № 5. С. 1.

⁷²² Не исключено, что этот сюжет был предложен кем-то из «темистов», и два художника по-своему воспроизвели его.

⁷²³ Карикатура вошла в альбом: Ефимов Б. Е. Карикатура на службе обороны СССР. М.-Л., 1931. С. 20.

На первых порах преобладала тема перевооружения Германии. Немецкие дипломаты изображались на фоне пушек, генералы просили разрешения построить уже готовые к полету бомбовозы, голубь мира в немецком варианте был приспособлен для фотографирования неприятельских позиций и разбрасывания бактерий⁷²⁴. Выход Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. был расценен карикатуристами как первый шаг к войне — вслед за немецким дипломатом двинулся в путь скелет в противогазе, с винтовкой в руке⁷²⁵. Не обошлось, конечно, и без выпадов в адрес мирового империализма: в полном соответствии с официальной советской пропагандой уже в 1933 г. «добрыми феями» Адольфа Гитлера были объявлены магнаты Уолл-стрита, Англии, Франции и Рура⁷²⁶.

Вскоре появились сюжеты, связанные уже с конкретными территориальными претензиями Германии — относительно Австрии или Саарского бассейна. Что же касается антисоветских заявлений гитлеровского руководства, они были прокомментированы следующим образом. Стоящий перед картой пятилетки, огромный симпатичный тевтон с мечом предостерегал противного штурмовика с дубиной: «У них есть кое-что, чего не было даже у Рима»⁷²⁷.

Ряд карикатур отражал наметившееся сближение Германии и Японии. «Брак по любви... к чужим территориям» — так называлась карикатура Б. Ефимова 1936 г., на которой японец, с вожделием рассматривавший глобус, покрытый немецкими и японскими флажками, сжимал в объятиях огромную Германию в тевтонском рогатом шлеме, с длинной белокурой косой и с неизбежными усиками⁷²⁸.

Особый сюжет этих лет — германо-итальянское сближение, ось «Берлин-Рим». Муссолини и Гитлер фигурируют в целом ряде карикатур. На одной из них тевтон Гитлер и римлянин Муссолини «на потребу богу войны» куют ось для колесницы Марса. На другой — проект статуи германо-итальянской дружбы, изображающей Гитлера в роли всадника, а Муссолини, соответственно, лошади. И, наконец, оба союзника изображены

⁷²⁴ Крокодил. 1935. № 7–8. С. 5; № 9. С. 1; № 28–29. С. 21; 1936. № 5. С. 6.

⁷²⁵ Там же. 1933. № 30. С. 3.

⁷²⁶ Борис Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 80.

⁷²⁷ Крокодил. 1934. № 5. С. 5.

⁷²⁸ Поджигатели войны... С. 67.

голодными волками на европейской дороге (Муссолини, впрочем, опять не повезло — ему, по аналогии с античной легендой, досталась роль волчицы, хотя бы и capitoлийской)⁷²⁹.

Однако настоящей темой дня стала, конечно, немецко-итальянская интервенция в Испании. Только в «Крокодиле» появилось свыше 30 карикатур на эту тему. Вышел и специальный альбом Б. Ефимова⁷³⁰.

Немецкие «добровольцы» в Испании на фоне трупов и руин, гитлеровские генералы в штабе Франко, жертвы немецкой авиации — все эти сюжеты постоянно повторялись в советской карикатуре в 1936–1938 гг. В этой серии карикатур Гитлер и его союзник Муссолини выглядели опасными и могущественными злодеями, зато генерала Франко авторы карикатур то загоняли под стол, за которым сидели немецкие «советники», то заставляли чистить сапоги Гитлеру и Муссолини, а на одном из рисунков Франко — в роли туземца в юбочке из листьев — целовал ноги немецко-колонизатору⁷³¹.

Почти столь же презрительно изображались в карикатурах на испанскую тему Великобритания, Франция и их политика невмешательства: немцы и итальянцы стригли когти британскому льву, наступали ему на хвост, а тот предлагал им одну уступку за другой.

Если Гитлер и его союзники на фоне своих испанских сателлитов или западноевропейских дипломатических партнеров выглядели весьма грозно, то на фоне СССР они же становились подчеркнуто жалкими, уродливыми, бессильными. Подобные карикатуры с соответствующими надписями, например, «Видит око, да зуб неймет», регулярно появлялись в «Крокодиле». У Гитлера были «коротки руки», чтобы схватить глобус с изображенным на нем СССР; фашистская свинья беспомощно ковырялась у высокого советского забора; немецкий фашист за школьной партой учит уроки истории (Ледовое побоище), географии (где находится озеро Хасан), арифметики (рост производства в СССР)⁷³².

⁷²⁹ Крокодил. 1937. № 26. С. 1; Поджигатели войны... С. 5, 15.

⁷³⁰ Фашистские интервенты в Испании. Карикатуры Бор. Ефимова. М., 1937.

⁷³¹ Крокодил. 1937. № 23. С. 4; 1938. № 12. С. 11; Фашистские интервенты в Испании... С. 29.

⁷³² Крокодил. 1936. № 34. С. 13, 15; 1938. № 31. С. 4.

Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши — все отражалось в материалах советской сатиры. Если на карикатурах 1925 г. Германия выступала в качестве приживалки в «польском коридоре», то на рисунке 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк, зато в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты⁷³³. А польский министр иностранных дел Ю. Бек, изображенный в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола⁷³⁴.

Германия предстает то в образе свирепого кабана (1936), то в образе паука, подбирающегося к нейтральным странам (Голландия, Бельгия, Швейцария, 1937), то в образе волка из сказки о Красной шапочке — только Красных шапочек на рисунке четыре, это Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия (1937)⁷³⁵.

И все более жалко и беспомощно выглядят перед лицом агрессора «умиротворители» — и британский лев, и Джон Буль, и француженка Марианна, и их восточноевропейские союжники.

Время от времени к ним присоединялся и дядя Сам. Так, на одной из карикатур 1938 года с красноречивым названием «Кто как борется за мир» Америка, глядя на заплонивших международную арену многочисленных хищников (кобра со свастикой, тигр, волк) и парочку грабителей (фюрер и дуче), а также частокол японских штыков на восходящем солнце, заявляет: «Мой небоскреб с краю, ничего не знаю»⁷³⁶.

Конечно, в карикатурах отражалась и такая тема, как стремление Запада повернуть агрессию Германии против СССР. На рисунке Б. Ефимова (1938 г.), несколько европейских политиков (в том числе Чемберлен и Даладьё) заклинали духа, выпущенного из бутылки — в тевтонском шлеме со свастикой, с мечом, с челкой и квадратными усиками на черепе, призывая его повернуть на Восток⁷³⁷.

В новой международной ситуации по новому переосмысливаются и знакомые сюжеты, связанные с образом Европы-«дома»

⁷³³ Крокодил. 1937. № 1. С. 7.

⁷³⁴ Поджигатели войны... С. 61.

⁷³⁵ Крокодил. 1936. № 35. С. 5; Поджигатели войны... С. 48, 55.

⁷³⁶ Крокодил. 1938. № 5. С. 8–9.

⁷³⁷ Карикатура приведена в книге Б. Ефимова «Сорок лет. Записки художника-сатирика». М., 1961. С. 100.

и Европы-«оркестра». На двух композициях, принадлежавших кисти Ю. Ганфа, предстает совсем другая Европа — Европа, разделенная на несколько достаточно определившихся групп. Это — государства агрессивные, государства нейтральные, государства, проводившие «политику умиротворения».

Первая из карикатур, появившаяся в конце 1937 года, воспроизводила сюжеты пьесы М. Горького «На дне»⁷³⁸. В переполненной ночлежке Франко и японский офицер нанимали нищих белогвардейцев, журналист из «Фелькише Беобахтер» торговал тухлыми утками, немецкий фашист жарил пушки вместо масла, помешанный чиновник немецкого общества любителей чужих колоний грыз карту мира, немец и итальянец играли в карты на Австрию, Муссолини штопал тогу, побитый самурай считал шанхайские убытки, гестаповец платил «троцкистам», в форточку лезла ученица гестаповца Польша, и, глядя на все это, кричал, сидя на жердочке, попугай из Лиги наций.

В 1938 г. Европа предстала на многофигурной карикатуре К. Ротова в виде ресторана⁷³⁹. В центре многофигурной композиции столик, за которым Гитлер и Муссолини орут песни, а Франко спит, уткнувшись лицом в салат. Японец стреляет из пистолета и одновременно бьет британского полицейского. Румын и поляк аплодируют из-за соседнего столика. Вокруг за своими столиками перепуганные нейтралы (в том числе Марианна), а в дальнем углу за колонны трусливо прячутся французские военные. Всего на карикатуре свыше 20 фигур, и каждая играет какую-то роль в происходящем, по крайней мере, выражает свое отношение к нему. Конечно, такую карикатуру требовалось рассматривать долго и внимательно⁷⁴⁰.

Уже накануне второй мировой войны получила свое логичное завершение и тема «Европа-оркестр» в многофигурной карикатуре с красноречивым названием «Ансамбль международной свистопляски». Эту карикатуру, как и предыдущую, можно долго «читать» и подробно пересказывать. На сей раз Европа предстает в виде не столько ансамбля, сколько сборного эстрадного представления, организованного не слишком разборчивым импресарио. Муссолини поливает водой Джона Буля; Италия режет на куски Албанию; британскому льву в хвост забили ось

⁷³⁸ Крокодил. 1937. № 29–30. С. 10–11.

⁷³⁹ Ротов К. В ресторане «Европа». 1938

⁷⁴⁰ Крокодил. 1938. № 3. С. 16.

«Берлин-Рим»; Джон Буль и Марианна держат перед фашистом бумажный обруч; Германия крадет у Румынии нефть; нейтралы поют: «А мы просо сеяли», агрессоры же (Япония, Германия, Италия) отвечают им: «А мы просо вытопчем»; итальянские финансы поют романсы; Франко слушает японца, немца, итальянца; немецкий фашист дирижирует Румынией...⁷⁴¹

Отдельно можно сказать о ближайших соседях СССР, странах Восточной Европы. Необходимо отметить, что в 20–30-е годы под Восточной Европой подразумевалась прежде всего европейская часть СССР. Что же касается территории между границами СССР и странами Центральной Европы, то она в Большой советской энциклопедии 1932 г. была охарактеризована как «переходная полоса между Центральной и Северо-западной Европой, с одной стороны, и Восточной Европой с другой», которая «образует узкую полосу огромного меридионального протяжения, охватывающую территории всех лимитрофных стран от Финляндии на севере до Румынии на юге»⁷⁴². В данной работе под Восточной Европой мы будем понимать регион, включающий прибалтийские страны, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Югославию. Финляндию в России традиционно относили к Северной Европе, Грецию к южной. Важно отметить, что большинство этих стран граничило с Советским Союзом.

Из восточноевропейских стран в список наиболее затронутых советской карикатурой стран попала лишь оказавшаяся на шестом месте Польша, которой посвящено около 130 карикатур. Впрочем, как раз образы Польши в советской сатире, карикатуре прежде всего, в последние годы неоднократно становились предметом исследований⁷⁴³.

⁷⁴¹ Крокодил. 1939. № 12. С. 8–9.

⁷⁴² Большая советская энциклопедия. М., 1932. Т. 24. Стб. 214.

⁷⁴³ Неужин В. А. Образ Польши в советской карикатуре периода второй мировой войны (к постановке проблемы) // Поляки и русские — преодоление предубеждений. Лодзь, 2006. С. 301–316; Рябов О. Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода. Случай Польши // Там же. С. 275–283; Токарев В. А. Польская тема за пределами «Правды». Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // Там же. С. 281–330; Токарев В. А. «Польска сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007; С. 216–232; Де Лазари А., Рябов О. В. Русские и поляки глазами друг друга: сатирическая графика. Иваново, 2007; De Lazari A., Riabow O. Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze. Warszawa, 2008.

Что касается остальных стран Восточной Европы, то Румыния и Болгария фигурируют примерно на 15 карикатурах каждая. Основным сюжетом, связанным с Болгарией, являются репрессии середины 20-х годов, а Румыния чаще всего встречается в связи с бессарабским вопросом, карательной внутренней политикой и агрессивной политикой в отношении СССР.

Чехословакии посвящены всего 8 карикатур, при этом 6 из них, на которых Чехословакия предстает в виде пассивной жертвы, иллюстрируют международный кризис 1938–1939 гг.

При этом, однако, страны Восточной Европы постоянно появлялись на карикатурах, отражающих общеевропейскую ситуацию, о чем говорилось выше.

На упоминавшейся выше многофигурной композиции Ю. Ганфа «Крестовый поход. Капиталисты мира против большевиков» особо выделены представители Польши, Румынии, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Эстонии. Отдельно тема крестового похода обыгрывается в том же номере в карикатуре К. Ротова — на сей раз среди участников похода только восточноевропейские страны, причем главным инициатором этого мероприятия является Болгария⁷⁴⁴.

Как уже говорилось, в те годы державы-победительницы войны действительно не хотели. Мелкие хищники Восточной Европы, оглядываясь на «старших братьев», также воздерживались, как правило, от силового метода решения своих проблем.

Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши — все отражалось в материалах советской сатиры.

В 1938–1939 гг. появляется ряд карикатур, посвященных агрессивным намерениям Германии относительно Польши и Чехословакии, как до, так и после подписания Мюнхенских соглашений. Однако уже в июне 1939 г. рисунков на международные, особенно европейские темы становится все меньше. Две последних карикатуры на тему Восточной Европы появились в двух последних июньских номерах журнала. Одна изображала население, которое кидает в немецких оккупантов цветочные горшки, другая поясняла, что протектор в оккупированной Чехословакии — это всего-навсего заменитель хлеба⁷⁴⁵.

⁷⁴⁴ Крокодил. 1923. № 17. С. 755; 1925. № 4. С. 8–9; 16.

⁷⁴⁵ Там же. 1939. № 17. С. 5; № 18. С. 2.

Вновь карикатуры, связанные с Восточной Европой, появились в «Крокодиле» уже после 17 сентября 1939 г. и были посвящены так называемому «освободительному походу» Красной армии в Польшу (основными темами карикатур было поражение Польши, ликование польского народа, преобразования на бывших польских территориях).

Общим в карикатурах, относящихся к странам Восточной Европы, являлось откровенно пренебрежительное отношение к ним. Они представляли, как правило, в виде мелких хищников, скорее смешных, чем страшных, разбойников, и т. п.⁷⁴⁶ Легко найти многочисленные карикатуры, где Польша изображалась в виде то собаки, то свиньи, Болгария в виде уголовника, Румыния в виде кокотки, и т. п. Например, в одном из январских номеров «Крокодила» за 1931 год была опубликована целая серия откровенно оскорбительных шаржей на лидеров соседних стран — Польши, Чехословакии, Финляндии, Румынии. Финский президент, например, был нарисован небритым, с ножом в зубах; польский сейм сравнивался с публичным домом, а маршал Пилсудский — с его хозяйкой, и т. д.⁷⁴⁷ Малолетний король Румынии Михай в одном из журналов был показан обмочившимся⁷⁴⁸ (впрочем, по мысли карикатуриста, это было всего лишь мелкой оплошностью по сравнению с делами его отца)⁷⁴⁹. На одном из рисунков Б. Ефимова начальник финского генштаба был изображен в виде папуаса, пляшущего воинственный танец⁷⁵⁰ (тут, очевидно, предполагалась ассоциация с лапуасским движением⁷⁵¹). Впрочем, и восточноевропейская карикатура тех лет в отношении не только СССР, советского режима, советского руководства, но и в отношении русского народа носила не менее, если не более, оскорбительный характер⁷⁵². По крайней мере

⁷⁴⁶ Ефимов Б. Шило в мешке. 1924.

⁷⁴⁷ Крокодил. 1931. № 3. С. 6.

⁷⁴⁸ Ефимов Б. Нечто августейшее. 1927.

⁷⁴⁹ Смехач. 1927. № 33. С. 6.

⁷⁵⁰ Ефимов Б. В добрососедской Финляндии. 1930.

⁷⁵¹ Лапуасское движение — националистическое движение в Финляндии, возникшее в 1929 г. в районе Лапуа под названием «Патриотическое народное движение». В 1932 г. представителями движения была предпринята попытка государственного переворота.

⁷⁵² См., например: Images of the Other in Ethnic Caricatures of Central and Eastern Europe. Warsaw, 2010.

в советской карикатуре крайне редко задевались национальные черты того или иного народа; речь шла в основном о местных элитах или специфике политического режима.

* * *

В первые месяцы второй мировой войны советская пропаганда находится в состоянии полной неопределенности⁷⁵³. Неожиданный для абсолютного большинства поворот во внешней политике СССР, обозначенный пактом Риббентропа-Молотова, привел к растерянности в обществе, в том числе и среди карикатуристов. Мгновенно (и уже до 22 июня 1941 г.) исчезают все карикатуры, изображающие Германию. Тема Англии и Франции во второй половине 1939 г. возникает лишь несколько раз в связи с тяготами войны для рядовых европейцев. Доминирует сначала польская тема, позднее — финская, связанная с советско-финской войной.

В 1940 и первой половине 1941 г. карикатуры на европейские темы вновь возвращаются на страницы «Крокодила» и других изданий. Их основные герои — Англия, Франция, польские эмигранты, финны. Время от времени достается Румынии и Швеции. Большая часть карикатур посвящена международной тематике (в частности, этим сюжетам был полностью посвящен восьмой номер «Крокодила» за 1940 г. под общим названием «Сегодня «Крокодил» принимает иностранных гостей»), ходу войны и тяготам военного быта в воюющих странах (Италия и Германия в этом ряду, конечно, отсутствуют). Ряд карикатур был посвящен непростым отношениям Британии со своими колониями. Так, на рисунке Б. Клинча «Плохо сшитый фрак»⁷⁵⁴ Джон Буль изучал «План расширения войны», в то время как фалды его фрака, подписанные «Ирландия» и «Индия», были уже оторваны и держались на английских булавах⁷⁵⁵.

Пройдет еще полгода, и начнется Великая Отечественная война. Германия, Италия и их сателлиты теперь предстанут перед читателем в образе врага, в то время как Англия, чуть

⁷⁵³ Подробнее см.: Неужин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.

⁷⁵⁴ Клинч Б. Плохо сшитый фрак. 1940.

⁷⁵⁵ Крокодил. 1940. № 47. С. 14.

позже США, а также Франция и Польша, пусть и оккупированные, будут рассматриваться в качестве союзников⁷⁵⁶.

* * *

В своих воспоминаниях старейший советский карикатурист Б. Е. Ефимов со знанием дела утверждает: «Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов»⁷⁵⁷.

С этим согласно и большинство исследователей. Как отмечает А. В. Дмитриев, «из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять, и *ее воздействие довольно заметно до нашего времени* [курсив мой — авт.]»⁷⁵⁸.

К сожалению, имеющиеся источники не позволяют проиллюстрировать эти положения конкретными примерами. Упоминания о политических карикатурах в мемуарах или дневниках современников встречаются крайне редко; никаких материалов, фиксирующих визуальные образы мира в массовом сознании советского общества в межвоенный и даже военный период, не существует. И тем не менее можно предположить, что образы внешнего мира, созданные советской карикатурой 20–30-х годов (в гораздо меньшей степени — в годы войны), во многом определили внешнеполитические стереотипы значительной части советского общества тех лет⁷⁵⁹.

⁷⁵⁶ Подробнее см.: Голубев А. В. «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 317–355.

⁷⁵⁷ Ефимов Б. Сорок лет... С. 90.

⁷⁵⁸ Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 74.

⁷⁵⁹ Подробнее см.: Голубев А. В. «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., 2018.

«Война — это наихудший способ получения знаний о чужой культуре»: Вместо заключения

Вторая мировая война многое изменила в представлениях о внешнем мире.

Прежде всего, как справедливо заметил Г. А. Бордюгов, «если, к примеру, после Первой мировой, быть может, война и воспринималась как фактор нормализации жизни, то после Второй мировой, затронувшей все сферы жизни людей, война постепенно вытесняется на периферию, идея войны уступает место идее мира, которая становится почти нормативной»⁷⁶⁰. Действительно, «идея мира» (выраженная в массовом сознании устойчивой поговоркой «лишь бы не было войны») на несколько десятилетий стала для народов СССР, прежде всего русского народа, чем-то вроде национальной идеи.

Далее, сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев — прямыми контактами советских граждан с союзниками, но также и личные впечатления от увиденного в Европе в 1944–1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. Конечно, по меткому выражению Ст. Лема, «Война — это наихудший способ получения знаний о чужой культуре», но для многих советских граждан он оказался единственно доступным⁷⁶¹.

⁷⁶⁰ Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 42.

⁷⁶¹ На самом деле впечатления от жизни восточноевропейских стран были противоречивыми; так, нищета польских или румынских деревень отмечалась многими советскими военнослужащими, что нашло отражение в дневниках и воспоминаниях. Но так как именно это они и ожидали увидеть, подобные впечатления не оказали особого воздействия и почти не закрепились — в отличие от противоположных — в массовом сознании.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

В течение следующего этапа, с конца 1950-х по 1985 г., в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. Как уже отмечалось, именно в это время они в значительной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) вытесняются инокультурными стереотипами. Теперь, например, Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом и «Биттлз», и так далее. Конечно, здесь сыграло свою роль и повышение уровня массового образования в СССР, но не только.

Происходит почти незаметный, но постоянный по своей динамике процесс открытия советского общества внешнему миру. Нарастает количество фильмов, книг, разнообразных выставок; все больше советских людей выезжает за рубеж в туристические поездки, в командировки, все больше проникает, с одной стороны, реальная информация о жизни на Западе, а с другой — представление 30-х годов о Западе как об антимире, где все «не так», где все не по-человечески и все страшно, сменяется обратным мифом: этот Запад для значительной части населения уже предстает сказочным миром, где все не просто по-иному, но и намного лучше, чем у нас.

И вместе с тем, опасения войны, сформированные в первую очередь памятью о Великой Отечественной, продолжали доминировать в массовом сознании. В эту эпоху трудно найти следы предвоенных иллюзий или особые разногласия относительно предполагаемого противника. В качестве такового

рассматривались США, НАТО, Запад в целом; сама же гипотетическая война почти однозначно воспринималась как катастрофа.

По сравнению с довоенными представлениями заметно снизилась роль Великобритании; место главного противника прочно и надолго заняли США, на втором месте — благодаря как усилиям пропаганды, так и массовой памятью о войне — оказалась Германия; далее следовали страны НАТО в целом.

С 1985 г. начинается сложный, противоречивый, но довольно быстрый, и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Столь же противоречивым являлось становление новых внешнеполитических приоритетов в мире, которое определило более трезвый, хотя и не лишенный предубеждений, взгляд Запада и России друг на друга в связи с попытками установить баланс глобальных и национальных интересов.

«Минусы» сменяются «плюсами»; появляется новое почти повсеместное определение «цивилизованные страны», из числа которых СССР, а затем и Россия, автоматически исключались. От Запада ждали кредитов, инвестиций, гуманитарной помощи, и в результате — резкого повышения уровня жизни.

В 1994 г. социологи подсчитали баланс симпатий и антипатий граждан России в отношении ведущих зарубежных стран. На первом месте оказалась Франция с оценкой +60 (т. е. превышение позитивных оценок над негативными составило 60%), за ней следовали Великобритания (+53), США и Япония (+48), Германия (+43)⁷⁶².

Но, как записал однажды в дневнике М. М. Пришвин, «красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость»⁷⁶³.

Близкое знакомство с реальным Западом, а, главное, результаты «перестройки» и последовавших за ней «рыночных реформ» привел к тому, что инверсия произошла еще раз, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековым, и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

О масштабах и скорости этой, вторичной инверсии свидетельствует, в частности, такой пример. В 1994 г. на вопрос «Вы согласны, что Россия всегда вызывала у других государств

⁷⁶² Аргументы и факты. 1994. № 19. С. 2.

⁷⁶³ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. Кн. 7. М., 2006. С. 216.

враждебные чувства, что нам и сегодня никто не желает добра?» ответили «совершенно согласен» и «скорее согласен» 42% опрошенных, а «целиком не согласен» и «скорее не согласен» — 38% (т. е. мнения разделились почти поровну; затруднились с ответом 20%). В 1995 г. этих точек зрения придерживались соответственно 66% и 27% при 7% воздержавшихся. Другими словами, всего за год вчера еще расколотое общественное мнение определилось и в результате поддержало по сути изоляционистское отношение к внешнему миру, прежде всего Западу⁷⁶⁴.

Особенно наглядно эти изменения получили отражение в отношении к США, главной и единственной ныне супердержаве, своего рода олицетворению Запада и одновременно традиционному «потенциальному противнику» последних десятилетий.

Если в 1995 г. положительное отношение к США высказывали 77,6% респондентов, то в 2002 г. лишь 38,7, а в 2003 — 24%; с другой стороны, негативное отношение к США в эти же годы демонстрировали 9, 45,5% и 55,7%, соответственно.

Но не менее важна динамика отношения в эти же годы к другим странам Запада. Так, количество положительно воспринимающих Англию уменьшилось с 1995 по 2003 г. с 76,6% до 50,5%, а доля ее противников выросла с 4,2% до 20,6%. Те же показатели относительно Франции составляют 78,9% и 74% относящихся положительно, 3% и 5,2% относящихся негативно; относительно Германии — 69% и 62,2% относящихся позитивно, 11,5 и 14,6% относящихся негативно. Другими словами, общая тенденция ухудшения отношения прослеживалась, хотя и в гораздо меньшей степени, в отношении Англии, и была почти незаметна применительно к Франции и Германии⁷⁶⁵.

Вместе с тем как в обществе, так и, даже чаще, пожалуй, среди политической элиты по сей день встречаются рассуждения о том, что главным, историческим противником России остается Великобритания. С присущем ему публичным простодушием подобные взгляды озвучил недавно никто иной, как В. В. Жириновский. Выступая на XVIII съезде ЛДПР в апреле 2006 г., он произнес весьма эмоциональную речь, в которой

⁷⁶⁴ См.: Дубин Б. Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 6. С. 26.

⁷⁶⁵ См.: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004. С. 183.

прямо заявил: «Я не буду вдаваться в глубокую историю, но сразу назову главного диспетчера всех антироссийских акций, только за последние сто лет — это государство Великобритания». И далее последовало разъяснение: именно Великобритания втянула Россия в Первую мировую войну, подтолкнула русскую революцию, спровоцировала нападение Гитлера на СССР, отказывалась открыть «второй фронт», начала «холодную войну», привела к власти М. С. Горбачева, способствовала развалу СССР и сейчас служит убежищем для беглых олигархов...⁷⁶⁶

Если взять более поздние данные (август 2007 г.), то эти тенденции стали еще более определенными: так, США и Великобритания занимают высокие места в списке потенциальных противников (антирейтинг США в 2006 г. составлял 45%, в 2007 снизился до 26%, но по-прежнему остается самым высоким; Великобритания с 7% антирейтинга оказывается на третьем месте наряду с Прибалтикой и Украиной). Зато Франция и Германия прочно обосновались в списке самых дружественных стран — Германия на втором месте с позитивным рейтингом 14% в 2006 и 12% в 2007 г.; Франция в 2006 г. занимала третье место⁷⁶⁷.

Следовательно, вышеупомянутая ретроградная инверсия избирательна и непочна; более того, она скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в гораздо более благоприятной для этого внешней среде⁷⁶⁸. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; однако, одновременно идет процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы.

Если говорить о перспективе, отношение к Западу будет меняться скорее в благоприятную сторону. Но главное, оно будет определяться не столько стереотипами, сколько реальными событиями и реальным пониманием того, каковы российские

⁷⁶⁶ От ЛДПР только польза! М., 2007. С. 38–39.

⁷⁶⁷ Результаты опроса ВЦИОМ см.: <http://www.newsru.com/russia/30aug2007/opros.html>

⁷⁶⁸ Подробнее см.: Голубев А. В. Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116; Яковенко И. Г. Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 387–399.

национальные интересы. Другое дело, что в массовом сознании представление о наших подлинных интересах может быть самым неожиданным и самым причудливым. Речь идет о мотивации. То есть российское общество будет руководствоваться не тем, что Америка враг или друг России, а тем, что Америка делает в данный момент и какой результат это будет иметь для России. И хотя стереотипы внешнего мира как таковые сохраняют свою значимость, они будут гораздо более противоречивы, гораздо более сложны и гораздо более разнородны. И общей тенденцией будет их постепенное превращение в образы внешнего мира, подкрепленные не только информацией, полученной из различных источников и таким образом изначально разносторонней, лишенной однозначной эмоциональной или смысловой окраски, но зачастую и личным опытом — опытом общения с иностранцами, опытом посещения тех или иных стран, опытом работы и жизни в этих странах, наконец.

Отсутствие всеохватывающей пропаганды, многообразие источников информации, а главное, возможность реальных контактов и просто смена поколений, ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется, Запад в значительной степени теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере, в глазах значительной части российского общества.

И, вместе с тем, вышесказанное отнюдь не отменяет определенных закономерностей, связанных с особенностями восприятия «Иного», со стереотипизацией как массового, так и индивидуального сознания.

Так, если говорить о сознании отдельного человека, вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет об преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. С другой стороны, в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Очевидно, однако, что процесс формирования, эволюции, воспроизводства стереотипов и возникновения образов является постоянным, и представления об «Ином», по крайней мере в исторически обозримой перспективе, будут оставаться столь же сложными, противоречивыми и разнохарактерными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Военная тревога» 1927 года в документах

1. Информационная справка о настроениях рабочих и крестьян по вопросу о войне (за период с 15 января по 8 февраля 1927 г.)⁷⁶⁹

8 февраля 1927 г.
т. Мандельштам

Доклады тов. Бухарина и Ворошилова на 15 Губпартконференции вызвали среди различных слоев населения Москвы и губернии усиленные разговоры о войне, которую в большинстве случаев ожидают весной текущего года.

На основании полученных материалов можно судить, что нервозности в настроении широких рабочих масс, за некоторым исключением, нет. Приводим некоторые факты:

I. Настроения рабочих в городе.

На ф-ке им. Свердлова, за исключением старых работниц, которые говорят о том, что опять настанут тяжелые времена, у остальных настроение бодрое. Рабочие говорят: «Раз надо драться, то будем, они готовятся к войне и мы будем готовиться, нас поддержат западные рабочие». Старики говорят: «Пойдут сперва партийцы и молодежь, а если надо будет, то и мы пойдем».

На «Красной швее», в связи с неудавшимся фашистским переворотом в Латвии, группа беспартийных рабочих пришла в ячейку, и, крепко ругнув фашистов, ребята заявили: «Нас осилить им не удастся, пусть попробуют сунуться».

На Хамовническом пивоваренном заводе отдельные тов. предлагают в противовес фашистским переворотам двинуть Красную Армию на соседние государства, ускоряя этим события.

На «Красной розе» некоторые рабочие боятся, что в результате войны мы потеряем завоевания Октября и в связи с этим написали письмо английским рабочим.

Молодые партийцы спрашивали у секретаря ячейки, чем мы можем быть полезны во время войны. Один член партии с 1925 года отказался пройти партийную перепись, мотивируя

⁷⁶⁹ Заголовок документа.

тем, что «скоро начнется война и я, как коммунист, буду мобилизован в первую очередь, а я этого не хочу, так как должен подкреплять свою семью» (по материалам Хамовнического райкома).

Отмечаются отдельные случаи заготовки продовольствия со стороны отдельных рабочих.

На фабрике «Гознак», фабрике «Красное знамя» (Бронницкого уезда), табачная фабрика «Красная звезда», фабрика им. Ланцуцкого (Московского у.), Октябрьская фабрика (Воскресенского у.), Глуховская, Истошинская и Ново-Богородская ф-ки (Богородского уезда), Дулевский фарфоровый завод (Орехово-Зуевского у.), Высоковская фабрика (Клинского у.), Краснопресненская трехгорная м-ра Краснопресненского района, «Пролетарский труд» на целом ряде проводимых собраний на предприятиях на темы «Три года без Ленина» и об итогах 15 Губпартконференции — рабочие интересовались вопросом о войне и задавали такие вопросы:

«Будет ли война или нет, а то идут слухи, что как будто бы будет война?»

«Когда можно ожидать войну, из-за чего будет война и как мы подготовлены к войне?»

В некоторых записках проскальзывает интерес такого содержания:

«Как скоро можно ожидать военной угрозы со стороны прибалтийских стран и в каком их соединении» (19 января 1927 г., курсы В. Ш. В. С.)?

«Может ли нам помочь Англия, когда на нас будет идти какая-нибудь страна, если не поможет, то почему» (клуб имени Бухарина, 21 января)?

«Каким образом могут поддержать нас английские рабочие в случае войны с СССР?»

Очень много записок, в которых чувствуется беспокойство о нашей готовности. Так, на заводе «АМО» спрашивают рабочие тов. Угланова, выступавшего там:

«Скажите, как обстоит дело об укреплении наших границ, и что делается в этом направлении?»

«Прошу пояснить о наших запасах, как-то — снаряжения, амуниции, оружия и на какой высоте считается наша химия?»

«Почему Тульский оружейный завод не работает. Ведь угроза войны перед нами всегда и недостатка не должно быть в оружии. И производятся ли 25-зарядные винтовки?»

«Какие строятся у нас военные суда?»

«При будущей войне будут ли у нас применяться газы и есть ли производство их?»

«Сколько самолетов построено в СССР?»

Не забывают и об усилении военной общественности, так, несколько записок спрашивают докладчиков:

«Будут ли организованы на заводах и прочих предприятиях военные кружки?»

«Сколько имеется у нас в России военных кружков и какие?»

«Ты вот говоришь, что опасность войны нарастает с каждым днем, а после этого вытекает вопрос, почему же наша партия так плохо обращает внимание на общество Авиахим и кружки военных знаний, нужно кинуть больше активных партийцев на эту работу, привлекая рядовую массу к работе?»

Есть записки, которые ставят вопрос так:

«Если начнется война, то могут ли наши дать отпор нашим военным оружием против иностранных государств?» и

«Каковы перспективы нашего строения социализма, могут ли рассчитывать на дальнейшее строительство социализма, если будет война и есть ли у нас козырь победы социализма и каковы надежды в будущей войне в победе пролетариата?»

«Если будет война, то будут ли брать добровольцев?»

Но, наряду с вопросами о нашей готовности к войне, о военной мощи, о необходимости широкой общественности, способствующей обороне страны есть отдельные вопросы, характеризующие упадочные настроения, а также и антисоветские.

«Все равно, так или же иначе, все равно рабочий класс только те будут воевать, кто удовлетворен жизнью в настоящее время. Было дело, когда на войну шли добровольно, но теперь найдутся очень мало, а то, может, и никто. Боролись мы против царизма, против эксплуататора, и теперь приходится вести борьбу против своих. Довольно втирать очки рабочему классу, в особенности чернорабочему» (завод «АМО»).

«А за что мы пойдем воевать. Мы прослужили в Красной Армии 6 лет, а теперь безработные по полтора года» (клуб «7 ноября» Рогожско-Симоновского района).

«Воевать рабочие и крестьяне не против, но в первую очередь должна послать в бой жидов и коммунистов... Удушливыми газами нас не пугайте, для нас Англия и Польша хуже жидовской власти не будет» (записка подана на 1 ситценабивной фабрике 1 Московского хлопчатобумажного треста из сводки ОГПУ № 9 с 29 января по 1 февраля 1927 г.).

В 24 хлебопекарне у большинства рабочих такое настроение: «Служить будем, а драться нет; докомандовали и валите, а наши дела — сторона».

А вот настроения безработных:

«Безработица у нас будет все время расти, потому что на фабриках заставили работать на трех станках, повысили производительность, зарплату не повысили, а количество занятых рабочих понизили. Новых фабрик не строят. Скоро нам придется объявлять войну машинам, потому что проводимая рационализация производства уменьшает число работающих. Выход только один — делать другую революцию или начинать воевать, чтобы перебить побольше народу. Это и думают, наверное, и большевики сделать, так как они заговорили о войне. Только ничего им не удастся сделать. Никто воевать за них не будет. Пусть только возьмут старых солдат, дадут им винтовки в руки, они покажут им, как разъезжать на автомобилях, сидеть на бархатных креслах и заниматься агитацией... Сейчас же начнется погром жидов и коммунистов... Никто из рабочих сейчас не доволен коммунистами и все точат на них зубы».

Все слушавшие с ним соглашались.

(из выступлений безработных на секции текстильщиков).

II. Настроения в деревне

Средняки и бедняки в своих выступлениях в связи с пере-выборами Советов указывают:

«Хотя война и нежелательна, но если нападут, надо давать решительный отпор» (Обольяновская волость, Дмитровский уезд).

«Что же, придется воевать, пойдем» (Бронницкий уезд).

Некоторые из них опасаются, что:

«Не будем ли мы биты, если извне будут наступать капиталисты, изнутри — кулаки» (Ильинская волость, Егорьевский уезд).

«Советская власть делает ошибку, сокращая вооружение, когда сама признает, что буржуазный мир вооружается» (Клинский уезд).

Кулацкая верхушка деревни высказывается за дезертирство и угрожает расправой с коммунистами в тылу.

В Бронницком уезде Виленской волости, с. Петровское, кулак в чайной говорил: «Большевики опять хотят воевать. На фронт пойдут одни комсомольцы, а мы опять дезертировать будем. Если будет война, то большевики снова введут военный коммунизм, но если придут забирать хлеб, то мы будем принимать свои меры, это не 18-й год».

В Коломенском уезде, в г. Коломне торговец говорил: «Коммунистам скоро крышка, не сегодня — завтра война будет. Вот тогда в тылу мы расправимся с коммунистами».

III. Выводы

Из информ. материалов, характеризующих отношение к войне, нужно отметить:

1. У громадного большинства рабочих и крестьян не чувствуется нервозности, высказываются опасения о неподготовленности к обороне.

2. Среди новых кадров рабочих отмечены отдельные упадочные настроения.

3. Кулацкая верхушка деревни высказывает надежды, что война приведет к свержению диктатуры пролетариата.

4. Заметно некоторое оживление антисоветской агитации в связи с разговорами о войне.

Орграспред. информ. стат. п/отд. М. К. ВПК(б).

ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 430. Л. 128–130 об.

2. Из материалов к отчету по письмам в «Крестьянскую газету»
(Свердловск) за март 1927 г.

Просим поместить нашу резолюцию протеста

Мы, гр-не дер. Косой Брод (Полевского района, Свердловского окр.), собравшись на митинг 6 марта в количестве 300 чел. и заслушав сообщение т. Курьянова «О ноте Чемберлена советскому правительству», протестуем против вмешательства в наши внутренние дела, особенно в печать, а также выпадов против наших вождей. Мистер Чемберлен, в вашей ноте нет ни одного доказательства, что Советский Союз нарушил торговый договор. А если вам не нравятся наши речи и статьи, то нам не нравится, как существуют Чемберлены и К^о, которые совместно с социал-демократами и капиталистами ездят на шее рабочих и крестьян всего мира. Мы знаем, что разрыв торгового соглашения движет дело к войне и к ухудшению положения рабочих и крестьян Англии. Так пускай же этот разрыв ляжет виной на твердокаменных консерваторов и К^о во главе с Чемберленом. Политика сов. правительства «есть наша политика», политика мира. Но если Чемберлены зарвутся, то пускай помнят, что мы не забыли, как держать винтовку. Мы не одни. С нами сейчас пойдут рабочие и крестьяне всего мира. Так не протягивайте же руки к Советскому Союзу, а то останетесь не только без рук, но и без головы.

Долой вмешательство в наши внутренние дела, мы сами умеем управлять без указчиков.

Да здравствует Красная Армия, защита СССР. Да здравствует тыл Красной Армии — военизация населения. Да здравствует ЦИК СССР, исполняющий волю рабочих и крестьян. Да здравствует наша руководительница ВКП.

Копия верна. пред. с/совета (подпись). М. П.

Примечание. До вынесения этой резолюции была поставлена массовая инсценировка, план которой прилагается. Нужно сказать, что наша деревня не видала еще такого митинга. 300 человек были только взрослые, не считая до 18 лет. А так как 6 марта был последний день масленицы и наше население вместо катания и всяких других штук провело сознательно митинг и меньше увлеклось катанием и пьянкой, а приковало свое внимание к международной обстановке.

Курьянов Пав. Ар.

План
проведения инсценировки «Нота Чемберлена»,
массовая с привлечением населения

1. Общее руководство поручить т. Зюзову Давыду.
2. Перед проведением инсценировки сделать доклад: «Нота Чемберлена Советскому правительству», докладчик Курьянов П. А.
3. До наступления проехать по улице верхом Чемберлену с нотой на груди, выкрикивая отдельные фразы из ноты совправительству.
4. Конная армия Буденного — защита СССР. Будет атаковать нападающих на нее армию Чемберлена, т. е. блок всех капиталистов. Общее руководство конной армией поручить т. Курьянову, командармом «Буденным» назначить Зюзева Осипа Арт.
5. Устроенный вал представляет границы СССР, за которой находятся нападающие — пешая армия Чемберлена и К^о.
6. Действие происходит так: на наступающих пеших, конница бросается в контратаку, ее цель — отбить противника.
7. Перед переходом конницы в контратаку Чемберлен войдет на вал и предъявляет ноту сов. правительству, исполняет Емельянов М.
8. Все плакаты и афиши поручить написать Зырянову.
9. После инсценировки подвести итог и вынести резолюцию протеста.
10. Силы распределить следующим образом:
Общее руководство — Зюзов Давыд.
Общее руководство конницей — Курьянов.
Командир конницы — Зюзов Осип Арт.
Командир пехоты («Чемберлен») — Пальцев.
КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ: Зюзов, Емельянов, Курьянов, Зырянов.

ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 43–44.

3. Докладная записка о проведении кампании
«Наш ответ Чемберлену» по Зав[одскому] райкому⁷⁷⁰

Ижевск, май — июнь 1927 г.

В обком ВКП(б)

После разрыва дипломатических сношений Англии с СССР райком приступил к проведению кампаний в следующем:

I. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

1) В момент разрыва дипломатических сношений Англии с СССР проведены митинги у проходных ворот завода.

2) Был создан актив членов организаций Осоавиахима, где проработали план проведения кампаний «Наш ответ Чемберлену».

3) В период проведения кампаний ставились доклады о войне и военной опасности в связи с разрывом дипломатических сношений.

II. ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ И ХАРАКТЕР ВЫСТУПЛЕНИЯ.

1) Вопросы:

а) Будет ли война, если будет, то кто первый объявит войну — Англия или СССР.

б) Кто бросил бомбу в Ленинграде.

в) Имеется ли связь убийцы Войкова с Англией.

г) Не поздно ли начали говорить об усилении обороноспособности нашей страны.

д) Как фашисты ведут подготовку к войне.

Примечание: на всех собраниях задаваемые вопросы носили однообразный характер.

2) Выступления рабочих:

а) Фашисты имеют свои кружки по военной подготовке, которые равняются постоянной армии их государства, а нам нужно уметь владеть оружием каждому рабочему.

б) Советское правительство должно требовать от Польши ответственность за убийство тов. Войкова.

в) Нужно усилить охрану нашего завода, т. к. завод является военным.

⁷⁷⁰ Заголовок документа.

г) Мы должны ответить наступлению буржуазии усилением воздушного флота, поднятием производительности труда и следить, чтобы в наши ряды не прошли шпики и т. д.

III. УПАДОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ ЧАСТИ РАБОЧИХ И НЕДОСТАТОК ПРОВЕДЕНИЯ КАМПАНИЙ.

1) Упадочное настроение рабочих выражается в следующем:

а) Война началась, а большевики скрывают, это видно из того, что нет товаров на рынке.

б) Трудно будет справиться с буржуазией, если она пойдет на рабочий класс войной.

в) Отчисление %% на усиление воздушного флота не будут ли лежать так же, как собранные деньги на гордудмурт⁷⁷¹.

г) Война будет — подработаем.

д) Уход рабочих с собраний и искание выхода, как бы отчислить поменьше процентов.

2) Недостатки в проведении кампаний:

а) Недостаточно ознакомление членов партий с данным вопросом и проведением кампании.

б) Позднее вывешивание объявлений (в отдельных случаях невывешивание совсем).

в) В ячейках отдельные члены партии, несмотря на то, что находились на работе, не знали о предстоящих собраниях (после требовали проведения собрания об отчислении процентов).

ВЫВОДЫ.

Подводя итоги проведения кампаний, нужно отметить следующее: несмотря на упадочное настроение части рабочих, выше приведенные вопросы и выступления рабочих целиком и полностью подтверждают, что в общем рабочие завода вполне достаточно оценивают серьезность данного момента, что подтверждается единодушным постановлением об отчислении %% и в части мастерских однодневным заработком на постройку самолета «Наш ответ Чемберлену».

Отв. секретарь райкома ВКП(б)

Зав. АПО РК

ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 741. Л. 36–36 об.

⁷⁷¹ Так в документе.

4. Из информационной сводки ЦК ВКП(б) № 43
от 27 июня 1927 г.

III. Отношение рабочих и крестьян к военной опасности

1. Отношение рабочих к военной опасности

В материалах ряда парткомов (Московского, Ленинградского, Брянского, Николаевского, Грозненского, Владимирского, Орловского и Красноярского) отмечается, что последние события — разрыв с Англией, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде и проч. — вызвали среди рабочих бурю возмущения и негодования. Подавляющее большинство рабочих, одобряя мирную политику советского правительства, заявляют о своей готовности дать отпор посягательствам империалистов.

Московская губ.

«Разрыв с Англией, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде и др. события сильно взволновали широкие массы рабочих и крестьян. По всем районам и уездам, на фабриках и заводах, в волостях и деревнях обсуждались эти вопросы. Во всех принятых резолюциях, отчетах и записках сквозит ясное понимание создавшейся опасности в международном отношении». «Абсолютное большинство рабочих считают линию советского правительства правильной».

Рабочие заявляют:

«Костью ляжем за свою власть».

«При первой же мобилизации сами пойдем добровольно».

«Вызовут на войну — драться будем до конца».

«Мы, беспартийные рабочие, готовы в любую минуту».

(Инф. сводка МК по 1.VII.27 г.)

Ленинградская губ.

«Настроение основной массы рабочих в связи с конфликтом с Англией выдержанно бодрое, а иногда и боевое».

«Уж ежели войну объявят, возьмемся за винтовки и будем защищаться и защищать советскую власть, ибо она хоть и плоховата, но наша — всегда можем ее одернуть».

(Инф. сводка Севзапбюро № 8 от 22.VI.27 г.)

Наиболее характерны для рабочей массы следующие мнения:

«В будущей войне мы не одиноки, нас поддержит западноевропейский пролетариат», «если нужно, возьмемся за винтовки

и грудью встанем на защиту СССР» (ф. им. Бебеля), «необходимо дать должный отпор зарвавшимся насильникам» (ф-ка «Трудовой путь»). (Инф. сводка Ленинград. ГК 2.VI.27 г.)

Брянская губ.

«Советская власть взяла правильную линию, что не объявляет войны, но если нам объявят, то будем обороняться».

В выступлениях и в предложениях рабочих говорится о полной готовности идти на защиту СССР в случае, если капиталистический мир объявит войну союзу. (Инф. сводка № 3 Брянск. ГК от 2.VII.27 г.)

Луганский окр. (УССР)

Общие толки масс такие: «Если придется воевать, то остановки за луганскими рабочими не будет, если война будет — на фронт пойдем».

«Случаев отрицательной критики со стороны рабочих совсем не было». (Сводка № 4 Луганск. ОК от 18.VI.27 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«Последние события — англо-советский разрыв, убийство т. Войкова, взрыв в Ленинграде — вызвали большой подъем настроения рабочих. Выступления и резолюции носили характер решительной поддержки мирной политики правительства и партии и требований самой решительной борьбы со всеми проявлениями контрреволюции, как внешней, так и внутренней». (Сводка Никол. ОК о настроениях масс 25.VI.27 г.)

Грозненский окр.

«У абсолютного большинства рабочих отмечается полное отсутствие уныния, полное сознание пролетарского долга, готовность выступить на защиту государства». (Зап.-Грозн. ОК о настр. масс в связи с разрывом с Англ. от 5.VII.27 г.)

Владимирская губ.

«Провокационные выпады капиталистической Англии против СССР вызвали горячее возмущение и негодование среди рабочих масс, что нашло свое подтверждение в многочисленных резолюциях протеста и выступлениях». (Инф. сводка Владимирск. ГК от 1.VII.27 г.)

Орловская губ.

Рабочий с электростанции заявил: «Мы все возьмем в руки оружие и в прах превратим буржуазную свору. На защиту советской власти мы, рабочие, пойдем, как один». (Из св. о настроен. трудящихся масс. Орловск. губ. от 15.VI.27 г.)

Красноярский окр. (Сибирь)

Среди большинства рабочих имеются такие разговоры: «Довольно, мы теперь отдохнули и можем воевать — или нас побьют, или мы возьмем всемирную революцию». (Инф. сводка Красноярск. ОК №18, 20.VI.27 г.)

Наряду с одобрением со стороны большинства рабочих мирной политики советского правительства, имеются заявления отдельных рабочих, высказывающие недовольство нашими «уступками», «слабым» реагированием на провокационные выступления империалистов и требующие «решительных действий».

Ленинград

«У незначительной части рабочих есть убеждение, что мы трусим, отписываемся нотами, и что даже пойдем на уступки основных завоеваний революции, лишь бы избежать войны. На заводе “Кр. гвоздильщик” рабочие говорят: “довольно миролюбия, нужны решительные меры”. На заводе “Электроаппарат” были разговоры: “довольно демонстрировать, давайте винтовки”». (Инф. сводка Ленингр. ГК о настроен. раб. в связи с угрозой войны от 23.VII.27 г.)

«Среди отдельных рабочих наблюдаются выступления с выражением недовольства нашими уступками и миролюбием в ответ на явно провокационные выступления Англии» (зав. «Кр. путиловец», 4-й хлебозавод ЛСПО, зав. «Красная заря»).

«Нас всюду кроют, и в Китае, и в Англии, а мы все молчим, надо давно объявить войну». (Информсводка Севзапбюро № 8, 22.VI.27 г.)

Москва

«До каких пор мы будем терпеть издевательства над нашей страной». (Заявление рабочего Ростокинской фабрики) (Инф. сводка МК, 1.VII.27 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«Среди незначительной части рабочих проявляется нетерпение. В выступлениях отдельные товарищи требовали, чтобы правительство перешло от дипломатии к решительным действиям военного порядка». (Инф. сводка Николаевск. окр. от 25.VI.27 г.)

Брянская губ.

«Доколе мы будем терпеть, нас бьют, а мы молчим». (Св. № 3, Брянск. ГК от 1.VII.27 г.)

Ив.-Вознесенск. губ.

«На митингах в Шуе в рядах рабочих были слышны разговоры, что напрасно наше правительство так слабо реагирует на эти налеты. Нужно бы ему энергичнее давать протесты вплоть до отозвания наших представителей и не давать наших заказов». (Инф. сводка № 12, Ив.-Вознесенск. ГК по 10.VI.27 г.)

Оренбургская губ.

«Отдельные группы рабочих (мукомолы и др.) выражали сомнение: “не слишком ли мы уступчивы, пожалуй, нужно бы было взять линию покруче”». (Зап.-Оренбург. ГК о настроен. масс в связи с разр. с Англ., 28.VI.27 г.)

Бийский окр. (Сибирь)

«Часть рабочих рассуждают так: “Занимаемся бюрократической перепиской (ноты) с буржуазией, нужно с ней разговаривать винтовкой (лесозавод, махор. ф-ка)”». (Инф. св. № 16 Бийск. ОК, 30.VI.27 г.)

Возможность войны у отдельных рабочих вызывает боязнь иностранной техники, неуверенность в поддержке со стороны рабочих Запада, опасение голода и неверие в победу над империалистами. Наиболее отсталая часть рабочих (Брянск. губ.) поддается панике, старается запастись продуктами на случай войны.

Грозненский окр.

«Войны не хочется потому, что Англия технически сильнее нас и мы безусловно потерпим крах» (Водоканал). (Зап.-Грозн. ОК о настро. масс в связи с разр. с Англией от 5.VII.27 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«Небольшая часть рабочих и некоторая часть исключенных членов партии настроена пораженчески. Они говорят: “Нас раздавят как мух; куда нам драться с такими странами, как Англия и т. д. Этим разговорам значительно способствует имеющийся на заводе контрреволюционный элемент”». (Св.-Никол. ОК от 25.VI.27 г. о настроен. бесп. масс в связи с международ. событ.)

Сев. Зап. обл.

«Возможность войны у отдельных рабочих вызывает паническое настроение, неуверенность в поддержке со стороны иностранных рабочих. Некоторые говорят: “Теперь капитализм победит. На союз международных рабочих мало надежды”». (Информ. св. Севзапбюро № 8 22.VI.27 г.)

Брянская губ.

«О настроении панического характера в связи с последними международными событиями говорят факты закупки продуктов. Например, рабочими Ивосской и Чернятинской стекольных фабрик со дня разрыва с Англией происходит усиленная закупка продуктов первой необходимости: соли, муки, сахара и т. п. Есть рабочие, которые закупили по 20–25 п. муки и пудов по 5 соли». (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 августа 1927 г.)

Ряд партийных комитетов отмечают усиление антисоветской агитации на предприятиях, как со стороны явно враждебных советской власти элементов (бывш. офицеры и проч.), так и со стороны отдельных антисоветски настроенных рабочих. Были случаи распространения антисоветских воззваний, листовок и присылки анонимных писем.

Кузнецкий округ (Сибирь)

Некоторые из рабочих Химзавода, наиболее отсталые и антисоветски настроенные, используют китайские и английские события в целях агитации за избиение коммунистов и хозяйственников. Среди рабочих они ведут такую агитацию:

«В Китае расстреливают коммунистов, надо браться за них и у нас». «С Англией конфликт, скоро будет война, надо приниматься за наших коммунистов и хозяйственников».

Этими же рабочими на Химзаводе было расклеено такое воззвание:

«Товарищи рабочие и крестьяне Сибири! Нэпман и спец, вот кто хозяин в СССР, бывшие жандармы, торговцы, офицеры и прочая сволочь захватили власть в свои руки. Они блаженствуют, катаются на рысках, растрачивают народные деньги, пот и кровь рабочих, а рабочие по-прежнему живут в конурах, за свой труд получают гроши. Пора, товарищи рабочие, напомнить о себе. Если наши вожди пошли в ногу с врагами трудящихся, то мы их заставим помнить о нас. Все на борьбу с врагами трудящихся. Да здравствует красный террор. ЦИК Красных террористов Сибири». (Прот. № 17 бюро Кузнецк. ОК от 28 июня 1927 г.)

Вознесенская губ.

«За последнее время, кроме провокационных слухов, зарегистрированы случаи подбрасывания записок с целью создания паники среди населения. Так, близ поселка Кучина была поднята валяющаяся на земле загрязненная записка следующего

содержания: “Среда — ожидай пожара на той неделе, когда пойдут со смены, мы выпустим 10 бомб, погубим весь народ, дело будет в среду или четверг, война — все равно. Долой Советскую власть”. Кроме того, в почтовом ящике была обнаружена подобного характера записка: “Почта, телефон: берегись взрыва, враг ваш — абонент телефона, который был 22 июня вечером первый раз, храните телефоны”». (Инф. св. № 14 Ив.-Возн. ГК, 10 июля 1927 г.)

Ленинград

«Антисоветская агитация в мае возросла до 103 случаев (в апреле отмечено 40 случаев), что стоит в связи с последними событиями». «Антисоветские выступления в связи с этим отмечены на предприятиях: Трубочный завод, Северосудостроительная верфь, Кр. путиловец, Электросила, зав. им. Егорова, ф-ка Бела Кун, ф-ка “Скороход”, Лесопильный зав. Кроме того, были обнаружены листовки на некоторых предприятиях, так, на гос. литографии “Печатный двор” найдено стихотворение антисемитского характера. Такие же летучки обнаружены на з-де “Вагранка” и зав. им. Семашко. В последнем летучка широко распространялась, переписывалась и перекидывалась из цеха в цех». (Инф. св. СЗВ № 8 от 22 июля 1927 г.)

Красноярский окр. (Сибирь)

В редакцию «Красноярский рабочий» поступило анонимное письмо такого содержания:

«Я, как рабочий, уже более двадцати лет в железнодорожных мастерских. Правда, беспартийный, хочу сказать и предсказать, потому что я знаю своих рабочих.

Мы, рабочие, включая рядовых коммунистов, воевать не хотим, а потому наше правительство, которое во время империалистической войны бросило нам, рабочим, лозунг «долой войну», обязано обеспечить мирную жизнь, нам этот мир обещали на красных знаменах, и мы шли за этот мир тяжелой борьбой и мы будем стоять за мир и за Советскую власть. Но если наша власть не сумеет обеспечить нам мир, который обещала, клянусь чем хотите, товарищи, что советской власти у нас не будет, потому что не только крестьянин, но даже 90% ленинского призыва воевать не пойдут, потому что войны нам надоели.

Наше правительство, не зная броду, а лезет в воду, но начинает, как и старое правительство, не спрашивать воли народа, действует самостоятельно, пусть отвечает за свои действия,

правительству никто не давал права в азартной игре бросать народ в жертву войны. Поверьте мне, что это не только мои одного слова, так мыслят много партийных, но только не высказываются вслух». (Инф. св. Сибкр., 25 июня 1927 г.)

Владимирская губ.

«На ф-ке “Свободный пролетарий” Вязниковского уезда со стороны рабочего было заявление такого характера: “увидим, как коммунисты штанами затрясут, а мы в стороне, ведь не всех рабочих вешать будут. Я не пойду на войну, а если уже прикажут, то толку из меня мало будет”» (Инф. сводка Владимирск. ГК от 1 июля 1927 г.)

Брянская губ.

«Среди отдельных рабочих имеется недовольство коммунистами, выливающееся у некоторых в очень резкие выступления, как против коммунистов, так и против соввласти, например: 1) «Ну что же, если нам объявят войну, то пойдем воевать, но только заставим с собой идти и директоров фабрик на войну»; 2) «На случай переворота в СССР я в первую очередь пойду против коммунистов и буду резать каждого из них беспощадным образом». (Заявл. рабоч. Знеборской ф-ки, барышник, б. меньшевик). (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 июля 1927 г.)

Луганский окр. (УССР)

«Отмечено 5 случаев выступлений антисоветского характера. Например: “Будет война и мы тогда покажем коммунистам и жидам”».

Эти настроения исходили от лиц, явно враждебных советской власти, бывших офицеров и т. д. (Сводка № 4, Луганск. ОК от 18 июня 1927 г.)

2. Отношение крестьян к военной опасности

В материалах ряда партийных комитетов (Сев.-Зап. бюро, Брянского ГК, Сибкрайкома, Николаевского ОК, Рязанского ГК, Волынского и Новосибирского ОК) отмечается, что основная масса бедняцко-средняцкой части деревни войны не хочет, мирную политику советской власти вполне одобряет, но вместе с тем заявляет о своей готовности в случае необходимости выступить на защиту советской власти.

Сев.-Зап. обл.

«Основная масса середняцко-бедняцкой части деревни выражает полную поддержку соввласти и высказывает необходимость защищать ее в случае нападения. Например, в селе

Титовке Старосельской волости 75-летний старик выступил и заявил: «Я стар, не коммунист, хожу в церковь, но заявляю все-му сходу, что первый пойду на войну и задушу своими старыми руками всех тех, кто хочет нам мешать мирно жить». (Сводка № 3 Брянск. ГК от 1 августа 1927 г.)

Сибирь (Омский окр.)

Общий тон выступлений крестьян проникнут нежеланием войны, боязнью разрухи и т. д. «Нужно просить наше правительство, чтобы оно приняло все меры, чтобы войны избежать, пускай прибавит лучше больше налога и откупится от «англичанки». «Нежеланием воевать проникнуты и многие резолюции, выносимые на сельсоходах. Сообщают также о многочисленных выступлениях середняков, заявляющих «когда нас начнут колотить, мы не дадим себя в обиду».

Рубцовский окр.

«В Локтомском районе Рубцовского округа крестьяне заявляли: “мы не забудем плетей Колчака, мы покажем им”». (Инф. св. Сибкр. от 25 июня 1927 г.)

Новосибирский окр.

«Два середняка говорят: “Мы воевать не хотим, но свободу всегда отстоим, не за царя будем воевать, а сами за себя”». (Св. Новосибир. ОК, 10 июня 1927 г.)

Барнаульский окр.

«В Залесовском районе в некоторых селах имеются разговоры крестьян, что “мы еще не прочь повоевать с буржуями, если они нападут на нас”». (Инф. св. № 15 Сибкрайкома, июнь 1927 г.)

Бийский окр.

«Если только объявят войну и пойдут на СССР буржуи, то в нашей стране силы хватит и мы пойдём защищать нашу родную советскую власть. Но все же войну никак не нужно бы». (Св. Бийск. ОК от 1 июня 1927 г.)

Николаевский окр. (УСССР)

«В с. Константиновка крестьяне в беседе целиком одобряли политику партии по отношению к новой угрозе войны как политику мира. Это мнение является общим среди крестьянства, за исключением кулацкого контрреволюционного элемента». (Сводка Николаевского ОК о полит. настр. беспарт. масс в связи с межд. полож. от 25 июня 1927 г.)

Рязанская губ.

На объединенном пленуме ГИКа и горсовета в своем выступлении крестьянка — член ГИКа — сказала: «Выступающие говорили относительно войны. Хоть слушать это волнует, не хочется идти, а придется пуститься, чтобы защищать свободу родную. Нужно в деревне готовить народ к обороне. Мужики не хотят ходить под плеткой барина. А насчет женщин — душой говорю, они лучше, чем другой мужчина пойдут в окопы, если нужда в этом будет». (Инф. св. Рязанск. ГК, УП — 27 г.)

Волынский окр. (УССР)

На сходах со стороны селян были такие заявления: «Що, кого, кого, а Польшу-то бити будемо». (Новоград-волын. р-н).

«Пора вже було бы дати прочухатись капиталистам» (Ярынский район). (Инф. отчет Волын. ОК от 5 июля 1927 г.)

Наряду с заявлениями бедняцко-средняцкого большинства деревни о готовности в случае войны выступить на защиту СССР, в отдельных случаях имеются выступления антисоветского характера, говорящие о наличии кулацкого влияния в деревне.

Костромск. губ.

«В Большесольской и Шунгенской волостях настроение крестьян, пожалуй, у большинства не в пользу советской власти, некоторые крестьяне говорили: “Давайте принимать резолюцию, что мы на все готовы, а когда дадут в руки оружие, мы еще посмотрим, куда и на кого идти”». (Инф. сводка Костром. ГК, июнь 1927 г.)

Сибирь (Барнаульск. окр.)

«Имеются случаи безразличного отношения бедноты к вопросам международного положения (Косих. р-н Барнаульск. окр.). Беднота, будучи слабо развита, слабо разбирается в вопросах, есть случаи поддержки выступлений кулацкой точки зрения». (Инф. св. Сибкр. от 26 июня 1927 г.)

Красноярский окр.

«Мы пойдем воевать, но будем воевать и с теми, которые получают кругленькие ставки». (Инф. сводка № 18 Красноярск. ОК, 20 июня 1927 г.)

3. Настроение среди бывших партизан

Материалы Сибкрайкома отмечают наличие воинственного настроения среди бывших партизан в ряде округов. Такое настроение имеется в некоторых местах и среди членов партии.

Сибирь

«В значительном числе партизанских районов настроение воинственное. Есть целые села, настоятельно требующие “начать отпор”». (Пироговский р-н, Красноярск. окр.).

«Весьма распространены разговоры: “Придет война, справимся со всеми гадами, потом пойдем на защиту Октября (Кусковский р-н, Томск. окр.). Уже сейчас возможность такой расправы намечается рельефно. Ячейкам приходится сдерживать такие попытки со стороны партизан. В дер. Волынка (Богот. р. Ачин. окр.). Один высказывающийся против сов. власти был избит крестьянами”».

«В Уярском р-не Красноярск. окр. (Партизанский р-н) убийство Войкова создало такое настроение, когда партизаны готовы были разорвать имеющийся антисоветский элемент». (Инф. сводка Сибкр. от 25 июня 1927 г.)

«Члены партии в отношении международного положения настроены нетерпеливо и воинственно». (Золосовен. р-н Барнаулск. окр.).

«В партийной среде, особенно среди бывших партизан сильно распространены настроения за скорую войну» (Рубцовский окр.). (Инф. св. № 15 Сибкрайк. 2 июля 1927 г.)

4. Отклики рабочих и крестьян на расстрел 20-ти белогвардейцев⁷⁷²

В инф. сводках партийных комитетов Ив.-Вознесенского ГК, Грозненского ОК, Николаевского, Лубенского ОК (УССР) и Бийского ОК (Сибирь) отмечается, что расстрел в Москве 20-ти белогвардейцев встретил одобрение как среди рабочих, так и среди крестьянских масс.

Ив.-Вознесенская губ.

«По поводу расстрела 20-ти белогвардейцев рабочий Петрищевской м-ры заявил: “Если бы такие расстрелы делали почаще, тогда бы контрреволюционных выступлений было меньше”».

«Аналогичное мнение высказывали рабочие ф-ки Зарядье и НИВМ». (Инф. св. № 14, Ив.-Возн. ГК от 13 июля 1927 г.)

⁷⁷² В ночь с 9 на 10 июня, в ответ на убийство советского полпреда П. Л. Войкова, в Москве без суда, как заложники, были расстреляны 20 представителей знати бывшей Российской империи.

Грозненский ОК (СККР)

Рабочие нефтестройгон. з-дов старых и новых промыслов по поводу расстрела 20-ти заявили: «давно бы пора так поступать с гадами» (Запис. Грознен. ОК о настроении масс, 5 июля 1927 г.)

Николаевский окр. (УССР)

«Ознакомившись с приговором о расстреле 20-ти контрреволюционеров, крестьяне всецело это одобряют, говоря, что еще нужно лучше “почистить”, у нас еще есть много генералов, помещиков и князей». (Сводка Николаевского ОК о настроен. масс 25 июня 1927 г.)

Лубенский окр. (УССР)

«Расстрел 20-ти бедняцко-средняцкие массы селянства целиком одобряют. В некоторых селах высказывались за усиление репрессий по отношению к контрреволюционерам». (Св. Лубен. ОК о настр. масс, 24 июня 1927 г.)

Бийский окр. (Сибирь)

«В беседах крестьяне говорили: “Надо усилить террор. В Москве расстреляли 20 контрреволюционеров, надо всю контрреволюцию расстрелять”». (Тогульск. р.). (Инф. св. № 16 Бийск. ОК от 5 июля 1927 г.)

5. Антисоветские настроения в деревне в связи с угрозой войны

Ряд парткомов отмечают факты, показывающие усиление деятельности антисоветских элементов в деревне в связи с угрозой войны. Наряду с распространением всевозможных слухов, наводящих иногда панику на крестьянское население, антисоветский элемент ведет агитацию против Советской власти и партии, призывает крестьян к избиению коммунистов (Сибирь, Карачаевск. окр., ОККР), к восстанию в случае возникновения войны (Сев.-Зап. обл., Оренбургск. губ.). Были случаи поджога хозяйств коммунистов (Новосибирск. окр.), разгрома сельсоветов (Оренбург. губ.).

Сев.-Зап. обл.

«В деревне за последнее время отмечается усиление антисоветской агитации. Всего случаев антисоветской агитации в деревне за май месяц отмечено 174 (в апреле 134). Эта агитация исходит главным образом от торговцев, зажиточных крестьян и духовенства.

Усиление антисоветской агитации в связи с осложнениями в международной обстановке отмечают также Новгородский и Псковский ГК. Отчасти этой причиной объясняется паническое настроение среди некоторой части крестьян, усиленно заготавливающей хлеб, соль, керосин на случай войны (Псковская, Ленинградская и Череповецкая губ.). В последней имел место случай, когда крестьяне не уходили на заработки из-за ожидания мобилизации». (Инф. св. Севзапбюро № 8 от 22 июня 1927 г.)

«Деятельность антисоветского элемента в связи с угрозой войны выражается: а) в распускании сеющих панику слухов о походе всех держав против СССР, о начавшейся мобилизации, о восстаниях и т. д.; б) в надеждах на приход белых и восстановление «старых порядков»; в) в открытой агитации за неявку на мобилизацию и восстание против советской власти в случае объявления войны. Во многих случаях эти разговоры сопровождаются призывами к избиению коммунистов». (Справка Севзапбюро об откликах к-н на угрозу войны от 25 июня 1927 г.)

Сибирь (Бийский окр.)

«В с. Булахино на Троицу организовали пикник 15 человек (поп, дьякон, 5 кулаков, секретарь с/с, бывш. член ВКП и др.) и провели собрание. Договорились, как действовать в известную минуту. Говорят: оставим только трех коммунистов, пока не поздно, пусть присоединяются, посмотрим, чья возьмет». (Инф. св. Бийск. ОК от 1 июня 1927 г.)

Славгородский, Омский и Томский окр.

«Военная опасность вызвала в деревне усиление распространения различных слухов. Распространен слух о готовящемся перевороте и о том, что коммунистов будут убивать (с. Бострово, Славгородского окр.). В Омском округе Калачинского района прошел слух «о мобилизации до 40 л.». В Томском округе, дер. Кусково, ходит слух, что «война должна быть внутренняя не больше 5–6 дней, чтобы покончить с коммунистами». Источниками слухов является кулачество, муллы, баптисты и их агитация. Источниками контрреволюц. агитации в некоторых районах является письменная связь с эмигрантами заграницы, в частности из Китая. Последние в своих письмах выражают надежды прибыть домой». (Инф. св. Сибкр. о настр. масс в связи с межд. обстан. 2 июля 1927 г.)

Новосибирский окр.

«В одной деревне Каменского р-на неизвестные лица подожгли дом секретаря партячейки, который был докладчиком на собрании. В той же деревне бывший эс-эр распустил слухи о письме, в котором будто бы говорится, что подожгут с трех сторон. В связи с этими слухами некоторые крестьяне стали вывозить из села свои вещи. На другой день подожгли хутор “Новая жизнь” и сожгли хозяйство трех коммунистов. По селу ходят слухи, что очередь осталась за другими». (Св. Новосибирск. ОК о разъясн. камп. межд. полож., 13 июля 1927 г.)

Оренбургская губ.

«Распространением слухов занимаются главным образом кулаки, попы и бывшие белые офицеры. Эти группы возлагают надежду на то, что с началом войны Советская власть падет. Поэтому некоторые из них делают вывод, что нужно самим готовиться к восстанию внутри, готовиться к срыву мобилизации. Некоторые из них настолько осмелели, что допускают демонстративно хулиганские выходки против партийных работников на селе. В селе Перовском Оренбургского уезда ночью произвели налет на помещение с/совета, порвали портреты вождей и все обязательные постановления и приказы.

Вся эта работа ведется белогвардейцами-казаками под руководством есаула Пущаева, который прибыл в п. Перовск. недавно из Китая». (Зап. Оренбург. ГК о настроен. масс о международн. полож. от 28 июня 1927 г.)

Карачаевский окр. (СККр)

«В ауле Хасаут Мало-Карачаевского округа один из наиболее антисоветски настроенных кулаков два раза выступал в мечети перед сходом г-н. Сущность его выступления сводилась к следующему:

Китайская революция подавлена, армия разбита и бежит в СССР, размещаясь по крупным городам Союза. В самом ближайшем будущем империалисты придушат и СССР.

Исходя из этого, самая ближайшая задача аула установить в данный момент бдительное наблюдение за ячейками ВКП(б) и ВЛКСМ, чтобы к приходу белых не дать им скрыться и выдать как противников белых».

«Этим же кулаком была создана “коллегия” из реакционных представителей кулачества и дворянства, которая составила

списки коммунистов и комсомольцев, коих при перемене строя необходимо предать смертной казни.

Слух и решения этой группы быстро распространился по аулу и вызвал паникерство среди части комсомольцев и коммунистов». (Сводка Карачаевск. ОК от 1 июля 1927 г.)

Саратовская губ.

«На собрании крестьян в с. М.-Сордобе (Петров. у.) во время доклада о международном положении раздавались враждебные, демагогические выкрики кулаков, которые на собрании взяли верх и пункт резолюции по докладу, говорящий о готовности трудящихся СССР к защите своего государства, не приняли. На собрании другого общества этой же М.-Сордобы крестьяне под давлением кулаков совершенно отказались от резолюции. Аналогичные явления отмечены в Вольском уезде — в селе Гавриловке резолюцию по докладу отклонили, не приняв даже доклад к сведению лишь потому, что выступил зажиточный крестьянин, который сказал: “Сейчас такое опасное время, когда нужно быть осторожным и если мы примем к сведению, это значит, мы принимаем резолюцию и идем воевать”». (Инф. сводка № 2 Саратовск. ГК, УП — 1927 г.)

Материалы Винницкого и Херсонского парткомов отмечают усиление деятельности банд.

УССР (Винницкий окр.)

«В связи с политическими событиями в местечках Винницкого округа создалось паническое настроение. Паника усилилась особенно потому, что в ряде мест за последнее время были бандитские нападения на дорогах.

Особенно тяжелое впечатление произвело на еврейское население убийство 8 ливерантов⁷⁷³ на дороге. Причем 2 ливерантов-христиан убийцы отпустили и даже не ограбили, а евреев всех до одного зверски убили. Местечко стало говорить об организации самообороны». (Письмо секр. евр. секции при Винницк. окркоме, 30 июня 1927 г.)

Херсонский окр.

«В последние дни в связи с событиями появились банды, совершившие несколько нападений и убившие 10–12 человек на дорогах». (Письмо секр. райкома евр. района Калининдорф. в Херсонск. округе от 13 июля 1927 г.)

⁷⁷³ Ливеранты — торговцы лошадьми, барышники.

6. Влияние антисоветской агитации на коммунистов, комсомольцев и пионеров в деревне

Материалы партийных комитетов — Московского, Саратовского, Оренбургского ГК, Сибкрайкома и Б.-Монгольского Обк. отмечают отдельные случаи выходов из комсомола и пионеротрядов под влиянием антисоветской агитации и различных слухов о войне. Антисоветская агитация иногда оказывает влияние и на отдельных членов партии (Оренбург. губ.).

Московская губ.

«В связи с последними событиями отмечено несколько случаев выхода из комсомола из-за боязни, что если будет война, то их первых возьмут. Крестьянин Лобановской волости требовал выхода из комсомола своего сына, говоря, что будет война, тебя возьмут, а хозяйство мое подымать некому. Одновременно с этим отмечается, что служащие, ранее подавшие заявление в комсомол, теперь занимают выжидательную политику» (Бронницкий уезд). (Инф. св. МК ВКП(б) по 1 июля 1927 г.)

Саратовская губ.

«В селе Б. Камышинке (Петров. у.) разбегается отряд юных пионеров ввиду того, что скоро начнется война. В разных селах Сердобского уезда имеются два случая добровольного выхода из КСМ и 11 — из пионеров. Часть пионеров после разъяснения вернулись в организацию». (Инф. сводка № 2, Саратовск. ГК, июль 1927 г.)

Сибирь (Бийск. и Красноярск. окр.)

«Наличие панического настроения у крестьянства выражается и в случае выходов из отрядов пионеров и комсомола. В Смоленском районе Бийского окр. вышли из отряда 5 пионеров и поступило заявление от комсомольцев “мы не хотим быть комсомольцами”.

В Балахтинском р-не Краснояр. окр. были 2 случая выхода из комсомола, в Пировском районе — вышли из отряда 9 пионеров. Однако такого рода явления не носят массового характера». (Инф. св. Сибкр., под 2 июля 1927 г.)

«В с. Алтайском Бийск. окр. одна пионерка настоятельно просила вожатого выписать ее из пионеров, мотивируя тем, что скоро придут китайцы, сначала будут вешать пионеров, а потом и остальных». (Инф. св. Сибкрайкома № 15 по 8 июня 1927 г.)

Бур.-Монгольская область

Под влиянием различных слухов о войне две пионерки с Горячинска вышли из организации. На вопрос вожатого о причинах выхода заявили: «Говорят, что скоро будет война и всех пионеров будут убивать». (Инф. св. Бур.-Монгол. ОК от 28 июня 1927 г.)

Оренбургская орг-ция

«Секретарь ячейки ВКП(б) станицы Краснохолмской получил от своего односельчанина-белогвардейца письмо из Китая, в котором тот пишет, что скоро увидимся, намекает на приход белых. После этого письма секретарь ячейки начал подлаживаться к кулакам и антисоветским элементам на селе». (Записк. Оренбургск. ГК о настр. насел. в связи с разр. Англ. отнош. от 28 июня 1927 г.)

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 12–23.

5. Закрытое письмо от секретаря Челябинского окружного комитета ВКП(б). По вопросу: о политнастроениях⁷⁷⁴

Секретно

28 сентября 1927 г.

Центральному комитету,

копия Уральскому областному комитету ВКП(б)

Некоторые моменты из политнастроений рабочих и крестьян нашего округа нами были освещены в посланных Вам бюллетенях.

Ставя целью настоящим письмом дать несколько обобщенный материал по поставленному вопросу, считаем нужным включить в него ряд фактов, характеризующих политнастроения различных групп населения, по времени относящихся к проведению парторганизациями округа собраний и митингов, посвященных разрыву англо-советских отношений и убийству тов. ВОЙКОВА.

За отсутствием в нашем распоряжении общеокружных цифровых данных, мы не можем указать на количество проведенных по округу по этому вопросу собраний и митингов и о количественном охвате ими населения, однако считаем нужным отметить, что разъяснению населению этих вопросов парторганизациями было уделено значительное внимание. Так, в городских центрах, помимо собраний и митингов по предприятиях, по решению бюро ОК дважды были проведены общерайонные митинги по трем городским районам и затем общегородской митинг в связи с убийством тов. ВОЙКОВА. По большинству сельских местностей также были проведены митинги и собрания.

Судить о том, насколько был проявлен интерес массы к событиям в связи с разрывом отношений с Англией, можно хотя бы по тому, что, например, в городских Районах помещения, в которых проводились митинги, не могли полностью вместить собравшегося количества участников. Прочими показателями политнастроений за данный период являлись проводимые компании, как то — «Неделя обороны», «О разъяснении с/х налога», митинги с протестом против казни Сакко и Ванцетти⁷⁷⁵.

⁷⁷⁴ Заголовок документа.

⁷⁷⁵ Процесс американских рабочих Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти, обвиненных в убийстве, состоялся в 1920–1921 гг. В июле 1921 г. они были

Основываясь на ряде материалов и фактах по результатам проведения упомянутых выше кампаний и митингов, общая характеристика политического положения нами может быть дана такова:

а) что политическое настроение подавляющего большинства рабочих и основной части крестьянства (бедняки, середняки) в общем ЗДОРОВОЕ;

б) что наряду с общими положительными сторонами в политнастроении населения, события в международном положении последнего времени, в момент разрыва Англо-Советских отношений, заметно окрылили выступления с выпадами против советской власти и партии кулацко-зажиточной части населения и антисоветского элемента, проявление антисоветской активности со стороны кулацко-зажиточной части деревни и антисоветского элемента идет как по линии участвовавших случаев выступлений с демагогической критикой правительственных мероприятий, так и по линии открытого выражения недовольств партией и советской властью.

В подтверждение сделанного нами вывода, не останавливаясь на подробной характеристике всех тех положительных сторон, которые мы имеем в политсостоянии, о чем нами частично было дано освещение в последнем нашем бюллетене, намерены ниже сего остановиться на освещении отношений населения к вопросам военной опасности вообще, и привести ряд известных нам фактов из отрицательных моментов.

Период с момента известия о разрыве Англо-Советских отношений до развертывания парторганизациями разъяснительной работы по этому поводу, для ряда населенных пунктов сельместностей был характерен тем, что факт разрыва был понят за факт немедленного возникновения войны. Такому пониманию обстановки способствовало ряд объективных причин (как то временный недостаток товаров) и пущенные со стороны антисоветского элемента разного рода провокационные слухи. В силу сказанного во многих местах население начало спешно запасаться продуктами первой необходимости и т. п. на случай возможной войны. Малейшая заминка в деятельности кооперативов, обуславливающаяся временной

приговорены к смертной казни. Несмотря на многочисленные выражения протеста как в США, так и за рубежом, в том числе в СССР, приговор был приведен в исполнение в августе 1927 г.

нехваткой товаров, принималась населением за факт возникновения войны. В результате разъяснительной работы подобные мнения населения изживаются, но все же временные перебои в снабжении товаров, при запоздалой по этому поводу газетной информации, населением даже города принимаются за признаки осложнений в связи с приближением войны.

При проведении собраний и митингов как общее явление сообщение об осложнениях международной обстановки крестьянами выслушивались с большим вниманием. Как сообщает ряд секретарей деревенских районов, голосование резолюций на указанных митингах и собраниях, выражающих протест и возмущение против выпадов Английской буржуазии — проходило с большим единодушием.

В ряде мест крестьянами поднимался вопрос — почему наше правительство терпит всякие нападки и не принимает каких-либо иных мер с буржуазией. Вообще же, как общее явление, мнения основной части крестьянства, которые удалось установить при проведении собраний и митингов в основном сводятся к тому, чтобы избежать войны.

«Лучше откупиться хлебом, налогом, но не воевать».

«Какой угодно ценой уступок войну предотвратить».

«Для того, чтобы оттянуть войну, согласно заплатить налог в два раза больше».

«Какими путями избежать войны».

Наряду с общим нежеланием войны, крестьянство проявляет интерес и о том, насколько мы сумеем справиться с буржуазией в случае ее похода на нас; как на типичные в этом отношении, можно указать на разговоры:

«Как наша страна готовится к войне».

«Способны ли мы противостоять Англии».

«Какое количество у нас армии».

«Как реагируют рабочие и крестьяне буржуазных государств по вопросу войны с нами».

Следует особо подчеркнуть, что на основании вышеизложенного ни в какой степени нельзя судить (как это неправильно может быть понято) о нежелании крестьянства вообще, когда это потребует выступить на защиту своего государства или о неверии в собственные силы. Приведенные мнения характерны лишь тем, что крестьянство солидаризируется с линией нашего правительства и партии «За мир, за мирную

политику». Говоря же вообще о том, насколько крестьянство готово выступить на защиту страны, мы можем указать в этом отношении только на положительные факты. Вот, например, одно из характерных выступлений — середняка.

«Пусть знает Чемберлен, что нам дорога Советская власть и мы ее будем защищать».

Содержание принятых резолюций на общих собраниях и митингах также выражают готовность населения в момент, когда это потребует, выступить на защиту советской власти. Насколько было серьезное голосование резолюций, видно хотя бы по такому факту:

В п. Звягинском Варламовского района, при принятии резолюции по докладу о международном положении один из граждан выступил, заявив: «Что собранию не надо выносить никакой резолюции, а то в случае переворота нам за эту резолюцию попадет».

Несмотря на такое заявление, собрание резолюцию вынесло.

В нашем распоряжении пока не имеется законченных итоговых данных о результатах проведения «Недели обороны страны» по всему округу, но судя по ряду отдельных сообщений из районов, данная кампания прошла успешно и в смысле разъяснения населению международной обстановки, и в смысле отношения к кампании населения как по материальному участию, так и в общем удовлетворительном отношении.

Как нами уже было сказано выше, за этот период участились случаи антисоветских выступлений. Эти выступления, не будучи массовыми явлениями, а отдельными единичными случаями, в основном характерны тем, что кулаки и антисоветский элемент более открыто начинают выражать свое недовольство властью и партией, пророча последним скорую и неизбежную гибель:

«Будет война, перережем коммунистов», «коммунисты думают, что мы пойдем воевать, нет, не пойдем. Пусть воюют одни коммунисты», «какая может быть революция, пусть кому нужно, воюют, а мы не пойдем, нам Советская власть ничего не дала, а только последнее обобрала налогом», «только бы открылась война, а там песенка спета».

Вот типичные разговоры антисоветского элемента, отмеченные большинством районных организаций деревни.

В своей антисоветской деятельности кулаки прибегают и к чисто провокационным действиям, стараясь при всяком удобном случае внести разного рода панику в здоровое настроение населения. Так отмечаются такие факты:

«Война уже идет. Не пойдут деньги, рублики, тройки и пятерки».

«Война началась, уже раненых везут с фронта». «Англия изобрела снаряды, в одну минуту Москвы не будет», «война началась, будут отбирать скот».

В результате подобной деятельности наблюдались случаи действительной продажи скота, во всяком случае, в среде крестьянства существует тенденция к продаже хороших лошадей по тем соображениям, что их все равно отберут.

Иногда кулаку в своей деятельности удается перетянуть на свою сторону середняка, а в особенности это отмечается по районам с составом казацкого населения. Приводим характерное выступление одного казака — середняка:

«Война началась, а нам не объявляют, потому что знают, что мы воевать не пойдём, а будем давить местную власть и коммунистов».

Вообще же наиболее ярко выраженное недовольство со стороны кулацко-зажиточной части отмечается преимущественно по казачьим районам. Характерные разговоры в беседе одного из кулаков — казака:

«Советская власть хороша, кто ее будет хаять, но она хороша без коммунистов. Казачество живет пока лишь тем, что пока еще живы старики, они выступают против коммунистов, если бы нас не было, одна молодежь ничего не сделала бы, душили бы нас тогда коммунисты».

Как сообщает секретарь Миасского райкома (казачьего), в религиозные праздники, в разгар пьянки населения, много идет разговоров о войне, в итоге которых антисоветско-кулацкий элемент приходит к выводу: «Бей коммунистов». Отмечаются отдельные случаи, когда эти разговоры разделяются середняками и отдельными «обиженными» бедняками.

Настроения в связи с с/х налогом

Из наиболее характерных мнений и требований по вопросу о с/х налоге следует указать на такие:

«Почему увеличен налог в этом году». «При обложении учитывается ли обстановка сельского хозяйства, т. е. расход на инвентарь, машины, ремонты и т. д.» «Налог надо брать с излишков, учитывая все его расходы». «Крестьянин платит два налога, платит отдельно за лошадь, которая пашет и косит, создавая самым этим доходность крестьянского хозяйства».

Эти типичные мнения главным образом зажиточной части и отдельных середняков.

Характерные требования зажиточных по вопросу об обложении налогом. Вот, например, выступления одного из зажиточных:

«Дайте примерно на нашу деревню 3000 руб. налога, а мы сами найдем объекты обложения и более правильно сделаем».

Не менее характерным представляется мнение, выявленное из вопросов и такого порядка:

«Платят ли рабочие и служащие налог, получающие свыше 1000 руб. в год и как они помогают государству при накоплении средств внутри страны».

«Рабочие и служащие получают жалование, почему и крестьянину при учете объектов обложения тоже не положить жалование».

Говоря вообще о настроениях в связи с налогом, нужно признать, что настроение большинства населения в общем удовлетворительное. Ход поступления налога в сравнении с прошлым годом это подтверждает.

Настроения отдельных рабочих

Настроение рабочих, как нами указано было выше, в общем — здоровое.

Это можно было бы подтвердить целым рядом фактов, в частности, по отношению рабочих к тем же проводимым кампаниям в городе и на копах.

Правда, отдельные недовольства рабочих были и есть, и все они возникают на материальной почве, проявляясь главным образом в моменты пересмотра норм выработки.

Из характерных по этому вопросу фактов можем указать на следующие:

а) на плужном заводе «КОЛОЩЕНКО» в июне месяце были пересмотрены нормы выработки в сторону их повышения, ввиду несоответствия зарплаты с ростом производительности

труда. Пересмотру норм предшествовала значительная подработка и разъяснение этого вопроса, в ходе которых особых массовых недовольств не выражалось. Однако проведение этой меры на первое время не могло не отразиться болезненно на производстве, выразившись в понижении производительности труда. Так, если до пересмотра норм в июне месяце на одну рабподенщину механ. сборного цеха выработка составляла 32 плуга, то после пересмотра в течение июля и до 10 августа выработка понизилась до 22 плугов.

С 10 августа положение выправилось.

б) отмечают факты выражения недовольства отдельных рабочих и такими мероприятиями, как выдача премий администрации. В данном случае, как сообщает секретарь железнодорожного коллектива, рабочие говорят «Вот куда идет наш материал и наши расценки». Но все эти факты являются единичными, на основании которых говорить сколько-нибудь об общих массовых недовольствах мы не можем. Правда, в текущем месяце в середине строительных работ (50 чел.) сезонников — работающих на постройке домов, мы имели волынку на почве требований с их стороны выдачи заработка вперед при наличии их солидного забора раньше этого. В результате отказа в их требовании 12 основных рабочих покинули работу, уехав без предупреждения.

Из фактов антисоветской деятельности в среде рабочих мы можем указать на изоляцию по линии органов ГПУ шести рабочих с 3-го участка службы тяги Омск. ж/д ст. Челябинск.

По времени работы на производстве указанные рабочие являются старыми рабочими. Двое из них состояли раньше в партии, один бывший эс-эр, подвергавшийся аресту при Колчаке, один уже в 21 г. подвергался аресту за призыв к забастовке, двое из рабочих активно участвовали при эвакуации мастеровских к Колчаку и один бывший начальник милиции.

Антисоветская работа указанной группы велась систематически в продолжение изрядного времени.

В перевыборную кампанию Горсоветов деятельность их, например, выразилась в призыве рабочих к бойкоту перевыборов (призывали рабочих не ходить на перевыборные собрания) и наиболее ярко антисоветская деятельность обнаружилась в момент разрыва англо-советских отношений, выразившись в внедрении в рабочие массы идей пораженчества,

в критике правительственных мероприятий, в особенности по рабочему вопросу, в критике членов правительства и пр.

Говорить о том, что эта группа сколько-нибудь крепко была связана с рабочими — нельзя, т. к., за исключением единичных случаев, отзывы большинства рабочих о изоляции их с производства являются одобрительными.

Характеризуя настроения рабочих, нельзя не сказать, что начавшаяся проработка решений пленума ЦК в парторганизациях находит некоторое отражение и на рабочей массе. Мы пока не имеем проверенных данных, но существует определенное предположение партработников о том, что скрытая работа оппозиционных партийцев переносится на настроение рабочих.

Как утверждает руководитель ж. д. партколлектива, прибывшим недавно из одного Свердловского Университета коммунистом ведется вербовка среди несознательных рабочих коммунистов и молодежи за взгляды оппозиции.

Вообще говоря, о наличии в нашей организации оппозиционно настроенных партийцев, то следует сказать, что их, как выявила проработка решений пленума ЦК, насчитывается очень небольшое количество, из которого числа большая цифра падает на указанный ж. д. партколлектив.

Высылая при этом сводку о проработке решений августовского объединенного пленума ЦК и ЦКК, мы специально не останавливаемся на состоянии парторганизации, т. к. указанная сводка позволяет прийти к выводам, что абсолютное большинство организаций стоит на верной платформе большинства ЦК и партии.

Зам. отв. секретарь ОК: (Усачев).

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 87. Л. 109–116.

6. Информационное сообщение № 1
о политическом состоянии Уральской области⁷⁷⁶

Июнь — август 1927 г.

Общее политическое настроение рабочих удовлетворительное.

Основным моментом определяющим политическое настроение широких рабоче-крестьянских масс Урала является их отношение к войне.

Недовольства среди рабочих имевшие место в течении последних месяцев объясняются следующими причинами: во-первых, хозяйственными и финансовыми затруднениями промышленности, которые (затруднения) на рабочих отразились в форме несвоевременной и не полной выдачи заработной платы; во-вторых, не всегда правильным и умелым, чисто административным подходом хозяйственных организаций в области проведения таких важнейших мероприятий, как рационализация производства, удешевление себестоимости, режима экономии и т. д.; в-третьих, «крестьянскими настроениями»: в группе новых рабочих, пришедших на завод из деревни, а также и среди части кадровых рабочих, еще не потерявших связи с деревней, которые вследствие чего летние отпуска провели в деревне — чувствуется влияние деревни; в-четвертых, бюрократизмом, волокитой, не всегда достаточной чуткостью и вниманием со стороны профсоюзных, хозяйственных и других организаций к нуждам, запросам, настроениям и предложениям рабочих, в частности к вопросам улучшения условий труда и технической безопасности.

Отношение к войне беспартийных масс

В связи с последними политическими событиями (разрыв Англо-Советских отношений, убийство Войкова и т. д.) почти во всех округах: проводились собрания рабочих и крестьян, на которых рассматривались вопросы международного положения и прорабатывалось воззвание ЦК БКП(б) по поводу военной опасности. Материалы собраний и других источников характеризуют политические настроения в следующем виде:

⁷⁷⁶ Заголовок документа.

Политические события вызвали большое оживление среди рабочих. Вопросы международного положения обсуждались весьма активно.

Разрыв Англо-Советских отношений и убийство т. Войкова всеми рабочими рассматривалось как неизбежность и близость войны. В связи с этим на митингах и собраниях настроения большинства рабочих проявилось в таком духе:

«Войны мы не хотим, нам нужен мир, но защищать Октябрьские завоевания мы всегда готовы» (Златоуст, Тагил, Челябинск, Свердловск).

«До каких же пор сов. правительство будет терпеть подлости и нападки капиталистов» (Тагил).

«Наше терпение имеет предел» (Челябинск).

«Протестуем против провокаций Английских капиталистов, заявляем, что трудящиеся СССР не хотят войны, но если она будет, — готовы встать на защиту СССР» (Ирбит. ОК).

Выступавшие рабочие одновременно говорили о необходимости немедленной подготовки к войне. Это стремление получило свое практическое разрешение в «неделю обороны». По данным по 1-е сентября с. г. по всей области поступило на постройку Уральской эскадрильи «Наш ответ Чемберлену» 160.000 руб. За исключением отдельных случаев отчисление носит единовременный характер, не превышая 2-х процентов заработка. Есть случаи и продолжительных отчислений, так Ирбитский окружком сообщает, что рабочие станции АЗАН-КА⁷⁷⁷ постановили отчислять от заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену» полпроцента в течение всего 1927 года.

Настроение рабочих по возрастным группам

О настроении рабочих по возрастным группам, имеются сведения от Златоустовского окружкома, который по этому вопросу сообщает следующее: «Вопрос о войне особенно горячо обсуждала молодежь. Среди ее велись такие разговоры: Наконец-то нам представляется случай расправиться с империалистами.

Многие из молодых рабочих выражали желание проситься в войсковые части и на фронт без всяких медицинских осмотров и прохождения различных комиссий.

⁷⁷⁷ Азанка — железнодорожная станция в Свердловской области.

За войну высказывались и рабочие средних возрастов, но при этом выражали опасение, что наш союз в смысле подготовленности в техническом отношении, значительно ниже капиталистических государств, а следовательно пока пролетариат этих государств сумеет организованно оказать противодействие этой войне — мы можем быть побеждены химической войной.

Рабочие старших возрастов часто высказываются с боязнью о войне потому, что она опять принесет разорение, будут недостатки и всяческие лишения».

Отрицательные настроения среди рабочих наблюдаются как единичные явления. Все они сводятся к следующему:

«В случае войны рабочие на такую не пойдут, т. к. они убедились в прелести Советской власти, которая сама стремится затеять войну, видя безвыходность своего положения» (Челяб. ОК).

Рабочий Златоустовского механического завода среди группы рабочих говорил:

«Пусть теперь меня позовут на войну, что из меня получится? Защищать я как и многие другие не буду. Нет больше дураков, довольно позащитали и хватит, а что мы за это получили? Ничего. Много хуже живем, чем при царском режиме».

В том же заводе рабочий мартеновского цеха среди группы рабочих сказал:

«Соввласть рабочим опротивела, т. к. инициативу рабочих сводят на нет. Рабочий живет в настоящее время гораздо хуже, чем при царе. Для рабочего двери кругом закрыты, куда бы он не пошел. Среди самих коммунистов начался раскол, скоро будет война, советы раздавят, а на место их из-за границы придет Чернов⁷⁷⁸ и тогда легче будет рабочему и крестьянину».

«Это власть не рабочих, хотя у власти и партийцы, но они добились хорошего жалованья и спасают свое благополучие». (Челяб. ОК).

«В случае войны пусть воюют одни коммунисты, а мы будем их бить сзади» (Златоуст. ОК).

⁷⁷⁸ Видимо, имеется в виду В. М. Чернов. Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — один из основателей партии эсеров. Участвовал в революционном движении с конца 1880-х гг. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства, в январе 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции.

«В Москве убит Рыков, скоро приедут к нам в Оимский завод и перебьют всех коммунистов» (Златоуст. ОК).

«Если будет с Англией война и рабочим дадут в руки оружие, то в первую очередь расправимся с коммунистами» (Златоуст. ОК).

«Почему так долго нет войны? Все равно пойдем воевать, это не житье при Сов. власти. Но воевать пойдем не на Англию, и сначала надо побить своих (коммунистов). Внутри СССР не пройдет без войны» (Свердловский ОК).

«Вы слышите, как врет докладчик, одурачивает нашего брата. Но теперь мы умны и воевать не заставишь. Вначале мы перебьем тех, кто растащил по карманам всю Россию (коммунистов). Крестьяне и рабочие воевать не пойдут. Прет их Англия, потому они и обращаются с призывом. Мы готовы перебить вас, воевать же с Англией не пойдем, она нам друг и союзница» (Свердловский ОК).

При чем надо отметить то, что как пораженческого, так и контрреволюционного характера настроения и разговоры наблюдаются исключительно среди тех рабочих, которые ранее состояли в тех или иных политических партиях (главным образом, меньшевики).

В связи с последними международными политическими событиями и оживлением контрреволюционных элементов в центре СССР (взрыв делового клуба в Ленинграде, заговор в Москве) отмечаются случаи провокации и на Урале — такого характера:

«В Златоустовском округе неизвестным гражданином был вызван по телефону Усть-Катавский завод и ответившему по телефону с завода предложено было предупредить партийную организацию и рабочих о том, что война объявлена. Предупреждение это было сделано от имени секретаря Обкома т. Шверника⁷⁷⁹, разговаривавшего якобы из окружкома.

Такой же разговор был с жел.-дор. станции Усть-Катав с Юрюзанью.

⁷⁷⁹ Шверник Николай Михайлович (1888–1970), государственный и политический деятель. В 1925–1927 гг. секретарь Ленинградского обкома и ЦК, в 1927–1928 гг. секретарь Уральского обкома ВКП(б). Позднее председатель ВЦСПС, в 1941–1945 гг. председатель Совета по эвакуации, в 1946–1953 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Подобные случаи имеют реальные последствия. Юрюзань часть лесозаготовителей оставили работу, торопясь до объявления мобилизации.

Такие же разговоры у возвратившихся в деревню были и среди группы строителей ст. Златоуст» (Из докладной записки Злат. ОК).

Надежды на китайскую революцию

На этом вопросе мы останавливаемся только в связи с международными осложнениями. Обсуждая вопрос о военной опасности, рабочие тесно связывают вопрос Китайской революции с вопросом защиты нашего пролетарского государства. Видя в Китайской революции своего союзника, рабочие высказывали такие взгляды:

«Нас полторы сотни миллионов, да в Китае 400, это составит громадную силу. Нужно совправительству разрешить русским добровольцам поехать в Китай» (Злат. ОК).

В связи с такими настроениями рабочие предлагали ускорить победу Китайской революции вооруженным вмешательством с нашей стороны:

«Если нам выгодна победа Китайской революции, почему бы нам не использовать момент (а такие, вероятно, были) и оказать Китаю помощь военной силой» (Злат. ОК).

Эти настроения нашли свое отражение также и в многочисленных просьбах рабочих об отправлении их в Китайскую армию (Надеждинск).

Антисоветские настроения среди рабочих

Выше мы уже приводили отдельные случаи недовольства рабочих. Как эти, так и другие недовольства, о которых мы будем говорить ниже, возникали, главным образом, на почве плохого материального положения, сокращение штатов, отсутствия «равенства» и различных недочетов некоторых организаций.

Антисоветские настроения, за исключением одного случая, носили характер «кулуарных» разговоров, имевших отклики в небольших группах рабочих. Они сводятся к следующему:

«Плохо стало жить при соввласти, раньше жилось лучше, сейчас живут хорошо коммунисты, да и инженеры» (Злат. ОК).

«В Китае творится по хорошему: коммунистов начали бить, а теперь весной у нас начнется война и нашим коммунистам не устоять: сломят себе голову» (Челяб. ОК).

«Парторганизации жмут рабочего, дойдет это до того, как было раньше, когда царь жал рабочий класс и его убрали. Оппозиция говорит надо гнать бюрократов палкой, а ничего не делается. Кругом рабочих обманывают» (Дробянский завод).

Открытое антисоветское настроение было проявлено одним рабочим Злат. механич. зав, на рабочей конференции, который сказал следующее:

«Рабочий класс в настоящее время превращен в мишень, которую информируют, но которой не дают участвовать активно и самостоятельно в строительстве своей жизни хозяйства. Нам обычно говорят только после того, что делается и что уже проведено в жизнь. Нами опять управляют господа инженеры и техники, получающие сотни рублей в м-ц, а с рабочего только и знают, что дерут налоги и всячески стремятся урезать его зарплату».

Как реагировала на это выступление рабочая конференция нам неизвестно, т. к. сведений от окружного комитета не получено.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 18–22.

7. Из информационного сообщения о политическом состоянии Уральской области

Сентябрь 1927 г.

Настроение крестьян

Последние международные политические события внесли заметное оживление в жизнь всех социальных групп уральской деревни.

В связи с создавшейся обстановкой в ряде округов, в наиболее крупных селах и деревнях были проведены широкие собрания крестьянства на тему о международном положении. По сведениям окружных комитетов, эти собрания были немногочисленные (160–400 чел.) Незначительность посещения собраний объясняется тем, что крестьянство занято было полевыми работами. Собрания по сообщениям ОК прошли оживленно. Но наряду с этим некоторые окружкомы отмечают, что на этих собраниях крестьяне большое внимание уделяли также и вопросам местного характера, волнующих крестьянство (Златоуст).

Как настроена уральская деревня в связи с последними политическими событиями? По имеющимся в нашем распоряжении материалам видно, что сейчас в деревне протекает ряд следующих процессов: во-первых, — некоторое обострение классовой борьбы, во-вторых, — оживление антисоветских и контрреволюционных настроений; в-третьих, — рост антагонизма между городом и деревней и в связи с этим разговоры об организации «Крестьянского Союза»; в-четвертых, — некоторое увеличение недовольства на почве тяжести налогов и слабости (недостатков) работы отдельных низовых советских общественных (ККОВ⁷⁸⁰, кооперация) и др. организаций. Анализируем эти процессы.

Отношение к войне

Основная масса крестьянства Урала — беднота и середняки — в общем настроена против войны. Средняцко-бедняцкая группа крестьянства стоит на той точке зрения, что нам, СССР, во что бы то ни стало надо продолжать мир-

⁷⁸⁰ Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи.

ный труд, период мирной передышки. Вот что говорит эта группа по данному вопросу.

«Нам война не нужна, она разорит нас и произведет вновь разруху, от которой мы еще не успели оправиться» (Свердловск).

«Пусть соввласть возьмет последнюю корову, пусть на нас наложит больше налога, но только не начинают войну, а то опять разоримся и долго не поправимся» (Свердловский ОК).

«Война нам не нужна. Теперь мы направляем свое хозяйство сами по себе. Власть для нас хороша... Было бы хорошо, если бы партия и правительство пошли на все уступки и избежали бы войны, пусть с нас возьмут по 20 руб. налога специально для откупа от войны, это будет легче, чем война. Если я уплачу, то этим я знаю, что спасу своего сына, брата, зятя и т. д.» (...).

Эти заявления являются продуктом глубокой продуманности создавшегося положения. Все еще чувствуя последствия империалистической и гражданской войн, бедняцко-средняцкая часть крестьянства дает себе ясный отчет в том, что «война в конечном счете приведет к истощению всего народного хозяйства». И поэтому беднота и середняки по существу целиком поддерживают постановления последнего (июльского) пленума Центрального Комитета ВКП(б) в вопросе о «хозяйственно целесообразной связи с капиталистическими государствами».

На воззвание Центрального Комитета по поводу угрозы войны основная часть бедняцко-средняцкой массы деревни, как в выступлениях, так и постановлениях ответила так:

«Ну что же, если нам капиталисты навяжут войну, пойдем воевать» (Златоуст, Сарапул и Ирбит).

Общее настроение середняков и бедняков переплетается с недовольствами на почве тяжести сельхозналога и недостаточной чуткости, по их мнению, со стороны соввласти к нуждам крестьян. Отдельные настроения среди бедняков и середняков имеются такого характера:

«Рабочему есть смысл воевать, а мы ничего не получили хорошего, нашего брата крестьянина можно использовать как угодно: в мирное время как источник доходов, а в военное время как вооруженную силу. Крестьянство свыклось со своей долей, но может быть перелом, значит, власти надо облегчить положение крестьян» (Курганский ОК).

«Что сейчас говорить о войне, когда наши крестьянские нужды во внимание не принимаются» (Злат. ОК).

«Власть и партия мало обращают внимания на деревню, у нас много бюрократизма, мужика давят налогами. Сейчас вот ругают Зиновьева, Каменева, Лашевича, так как они в этих вопросах правы» (Кунгур. ОК).

«Вот воевали, воевали, а все пошло насмарку, бедняк остался ни с чем, душат налогами» (Тюмень, Сарапул, Шадринск, Свердловск, Златоуст).

В отношении тяжести налога беднота и середняки говорят следующее:

«Советская власть с мужика дерет 7 шкур» (Шадринск, Кунгур).

«Облагают нас непосильно, работа наша соввластью не ценится, рабочим дан свободный труд, а мы живем у власти батраков» (по 5 округам).

«Прошлый год говорили, что нынче налог будет легче, а вышло наоборот: в прошлом году платили 38 руб. с десятины, а теперь 43 руб.» (Шадринский ОК).

Некоторые из середняков, ссылаясь на тяжесть налога, высказывали мнение о необходимости сократить посевную площадь.

«В прошлом году засевали 3 дес., а нынешним посев две, нет смысла больше сеять, все равно идет государству» (Курган, Шадринск).

Наблюдавшееся местами недовольство среди бедноты и середняков на почве недочетов местных организаций (ККОВ, советов) сводятся к следующему:

«Государство с нас берет налог, а куда он идет — никому не известно. Нашему сельсовету нисколько не отпускают и никаких улучшений в деревне не производится» (Тюмень, Ишим и Челябинск).

Недовольство бедняцко-середняцкой группы деревни в связи с посевной кампанией по сравнению с прошлым годом значительно усилилось. Причина этому та, что при распределении ссуды был допущен ряд ненормальностей. Так, например: в некоторых округах (Челябинск) ссуда не возвратившим ссуды прошлых лет и имеющим недоимку по сельхозаналогу не выдавалась, в силу чего значительная часть бедняцких хозяйств семенной ссудой не удовлетворена. Отмечен

также ряд случаев, когда семсуда попала зажиточным мужикам и кулакам (Ишим, Шадринск, Ирбит, Златоуст, Челябинск). По этому поводу недовольство бедноты и середняков было высказано в таком духе:

«Советская власть слабо контролирует работу по распределению семян» (Челябинск, Шадринск).

«Ссуды получили брат да сват членов распределительной комиссии» (Ишим, Шадринск, Тюмень).

Семенная ссуда в текущем году, как и в прошлом, по некоторым округам была доставлена несвоевременно. Типичные выражения недовольства крестьян по этому поводу были такие:

«Наши земорганы недостаточно заботятся о крестьянстве и не учитывают его возможности и удовлетворения его потребностей» (Ирбитский ОК).

Антисоветские и контрреволюционные настроения среди бедноты и середняков, возникавшие на почве тяжести налогов и тяжелого материального положения, были единичными явлениями по всем округам Уральской области.

«Прислушайтесь к тому, о чем судят мужики: собственности ни на что нет, живется плохо. В голодный год взяли с церковью золото, купили мужикам семян, а они до сих пор еще от них режут. Хорошо живется только коммунистам и служащим. Если будет война, скорее произойдет новая революция в России» (Челябинск).

«Скоро и на нашей улице будет праздник, в Китае революция провалилась, погибнет и русская» (Курган).

«С каждым годом крестьянам становится все тяжелее. Придется брать пики, да делать восстания и отбирать все у коммунистов» (Ишим. ОК).

«Нам вашей власти не надо, хоть какую давай, только не коммунистов» (Челяб. ОК).

Пораженческие настроения среди бедняцко-средняцкой части крестьянства отмечаются, как единичные явления. Все они сводятся к следующему:

«Нам соввласть ничего хорошего не дала, нечего ее и защищать» (Челябинский ОК).

«Вот придет Англия, тогда мы с вами (коммунистами) и расправимся. Вам тогда не придется служить и получать большое жалование» (Ирбит. ОК).

Среди бедноты и середняков имеются отдельные настроения панического характера. Они создаются главным образом из представления о большой военной силе Англии, слабого вооружения и низкой военной техники СССР. В некоторых случаях в связи с такими настроениями у бедняков создается отрицательное настроение к Советской власти, так и партии. Заявления паникеров сводятся к следующему:

«С объявлением войны Англией Советскому Союзу не устоять. Всем коммунистам будет могила, т. к. у них нет боевых припасов и Англия раздавит Союз с первых шагов» (Троицкий ОК).

Настроения кулачества

В отношении войны кулачество настроено пораженчески. По всем материалам, которые имеются в нашем распоряжении, типичны такого рода заявления:

«Вот мы говорим о международном положении, ну а если пойдем воевать — за что? нам много мать (соввласть) обещала. С землей и лесом до сих пор не устроились. Кровь что-то у нас не нагревается на призыв» (Златоустовский ОК).

«Если нас мобилизуют, то мы повернем штыки против коммунистов».

«Если война будет, то конец коммунистам» (Челяб. ОК).

«Все равно не возьмет сила коммунистов, потому что весь мир против советов, да и мы, народ, от них ничего хорошего не видим, кроме налога» (Свердловск).

«Скоро крышка соввласти. Как только начнется война, так и начнется наше избавление» (Ишим, Троицк).

Сообщения и слухи о возможности войны создают среди кулачной и зажиточной части деревни надежды гибели Советской власти и коммунистов. В связи с этим за последнее время среди зажиточной части крестьянства наблюдаются случаи агитации за укрытие объектов обложения, несдачу сельхозналога по тем соображениям, что раз будет война, раз погибнет Советская власть, значит, платить налоги будем напрасно. Наряду с этим существует и боязнь войны, так как таковая, по их мнению, неизбежно принесет последствия в виде того, что у крестьян отберут весь хлеб, разорят хозяйство, и что в случае войны коммунисты будут расправляться с кулаками. Это характеризуется такими явлениями.

«Англия скоро объявит нам войну, а тогда все мужицкие труды за годы мирной жизни пойдут насмарку, потому что если будет война, хлеб и скот у крестьян будут брать у крестьян так же, как и брали раньше» (Курганский ОК).

«Я очень боюсь коммунистов, т. к. в случае войны они придут за нас. Нужно уехать в Сибирь, там меня никто не знает, и там дождаться прихода белых» (Кунг. ОК).

Классовая борьба в деревне, рост активности бедняцко-среднекрестьянского блока возбуждают большое недовольство и угрозы со стороны кулацко-зажиточной части деревни по адресу бедноты. Кулаки пытаются уничтожить в бедноте всякую активность. Мобилизуя все силы и средства, они натравливают против бедняцкой части крестьянства все население деревни. Угрозы по адресу бедноты носят такой характер:

«В гражданскую войну били белых, а если теперь начнется — будем бить бедных» (Ирбитский ОК).

«Скоро начнется война, а вы, беднота, отцарствовали, а когда нас будут забирать на войну, то мы вам первым всадим пулю в лоб» (Ирбит. ОК).

Оживление антисоветских настроений среди кулачества конкретно выразилось в следующем: в некоторых округах кулаками были сорваны собрания крестьян, созданные по вопросам землеустройства. Кулаки (Ишимский ОК) открыто начали выступать на собраниях и настаивать на своих требованиях. В результате этого отмечен ряд случаев отказа населения от передела и землеустройства (Тюмень, Кунгурский ОК). Пользуясь наличием опасений небольшой части крестьянства, как из бедняков, так и из середняков в том отношении, что Советский Союз не сможет устоять против своих врагов, кулаки повели усиленную агитацию о скором падении Советской власти и начали организовываться. Приведем пример: на общем собрании крестьян дер. Муратовка (Злат. ОК) кулачество, закрепив свое влияние над частью середняков, присутствовавших на собрании, пыталось сорвать выступление секретаря партячейки криками:

«Долой соввласть, не признаем такой власти».

Аналогичные явления наблюдались в Сарапульском, Тюменском и Ишимском округах.

Организации групп кулачества отмечено 5 случаев. Эти кулацкие группировки, встречая поддержку со стороны зажиточной

части крестьян и отдельных середняков, на собраниях отдельных деревень, стараясь парализовать бедноту и ослабить бедняцко-середняцкий блок, выставляют требования о ликвидации ККОВ (Ишим), парторганизации «как не нужной и много тратящей бесполезно денег организации» (Челябинский ОК) и проявляют стремление ликвидировать сельскохозяйственные товарищества с целью организации своего кулацкого кооперативного объединения (Златоустовский ОК).

На организованный отпор бедноты, которую поддерживала большая часть середняков, кулаки давали такой ответ:

«Вы, беднота, потише, осторожней действуйте против нас, а то вам не поздоровится» (Шадр. ОК).

«Откомандуете скоро, скоро вас поставим к стенке» (Кунг. ОК).

Один случай выступления кулаков против бедноты отмечен такого характера: на одном собрании крестьян (Чел. ОК) бывший торговец, кулак, казак при обсуждении резолюции по вопросу о сельхозналоге выступил и сказал:

«Никакой резолюции принимать не надо, если хороша совласть бедноте, то пускай она принимает, а она (власть) нас задавила налогами».

И когда резолюция, одобряющая действия советского правительства по вопросу сельхозналога была принята, этот же кулак выступил вторично и заявил:

«Принимайте себе на шею».

Характерным моментом в организации кулачества следует отметить то, что во главе большинства этих групп стоит бывшее белое офицерство (Ишим. ОК). Оно (офицерство) воодушевляет кулаков, питает их надежды на скорую и неизбежную гибель соввласти.

Контрреволюционная агитация и открытие действий со стороны кулацкой части деревни были единичными явлениями. Новое в разных контрреволюционных слухах за последнее время является следующее:

«Началась война, но коммунисты из боязни об этом умалчивают».

«В Китай приехал Николай Николаевич и оттуда с белыми войсками двигается в Россию на большевиков через Сибирь».

«Николай Николаевич прислал воззвание к казакам, где говорится, что не в далеком времени он приедет в Россию и казачество пойдет с ним» (Троицк, Челябинск).

Циркулирующие слухи местами дали повод к открытому выступлению кулаков против бедноты. Так, например, в В-Камском округе группа кулаков пришла к заключению необходимости избивать бедноту, а в Кунгурском округе кулаками избит один бедняк.

Антагонизм между городом и деревней

Антагонизм между городом и деревней за последнее время заметно усилился. Участились случаи выступления на этой почве. В основном суждения в этом отношении сводятся к следующему:

«Рабочие в городе живут хорошо, они много зарабатывают».

«Все говорят о рабочем, а крестьянин как был в кабале у рабочих, так и остался».

«Часто говорят о смычке с крестьянством, а фактически этой смычки нет, т. к. крестьянина и в профсоюз даже не принимают».

«Надо деревне отделиться от города, пусть городские поживут без деревни, тогда с нами считаться больше будут».

«Правительство у нас не рабоче-крестьянское, а рабочее».

На почве роста антагонизма между городом и деревней в ряде округов (Челябинск, Ишим, Курган) отмечены выступления за организацию крестьянского союза. Разговоры по этому поводу велись в таком духе:

«Нам, крестьянам, надо создать свой союз, свою организацию. Тогда правительство будет с нами так же считаться, как и с рабочими».

Однако эта агитация, проявленная главным образом со стороны зажиточной части крестьянства, среди широких масс крестьянства никакого успеха не имела и сочувствием не пользуется.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 31. Л. 63–70.

8. Из информационной сводки об итогах перевыборов Советов по Ишимскому округу Уральской области

Осень 1927 г.

...Перевыборная кампания у нас совпала с моментом английской волынки, которая выражалась в посылке ноты Советского правительства, наш ответ Англии и некоторых угроз со стороны Англии разрывом дипломатических отношений. Все население в это время насторожилось и ходили всевозможные слухи о войне, о том, Англия, якобы объявляет войну СССР, а вкупе с ней Япония и предъявила якобы ультиматум, чтобы СССР отдал без боя территорию СССР Японии от Владивостока до гор. Кургана Уральской области. Эти семейные кривотолки, доказывающие недостаточную осведомленность населения, дали на каждом предвыборной собрания и на райсъездах Советов массу вопросов о войне и отношении к нам Англии и Японии. В этих политических вопросах звучало нежелание войны. Некоторые даже заявляют, что «нам сейчас воевать рановато, надо поднять благосостояние страны» и т. п. Но все население имело, по крайней мере, мнение такое, что в случае войны воевать надо и защищать Советский Союз от буржуазии. Например, задают вопросы (Голышмановский и Ламенский районы): «Как реагирует советская власть, выйти победителем войны будущего», отношение СССР с Японией, «настроение армий буржуазных стран», не явилось ли малое оказание помощи английским горнякам основной причиной ликвидации забастовки и т. д. По отзывам уполномоченных, ездивших на райсъезды и отчетные собрания, видно, что политическими вопросами интересовалась больше беднота и батрачество, а зажиточные слои интересуются больше экономическими, а особенно налоговыми вопросами...

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 92. Л. 283.

Список использованных архивов

1. АОМ — Архив общества «Мемориал»
2. ВОАНПИ — Вологодский областной архив новейшей политической истории
3. ГАВО — Государственный архив Вологодской области
4. ГАКО — Государственный архив Калужской области
5. ГАОО — Государственный архив Омской области
6. ГАОрло — Государственный архив Орловской области
7. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
8. ГАСО — Государственный архив Свердловской области
9. НА ИРИ РАН — Научный архив Института российской истории РАН
10. ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
11. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
12. РГАЭ — Российский государственный архив экономики
13. ЦАОДМ — Центральный архив общественных движений г. Москвы
14. ЦГА СПб. — Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
15. ЦГАИПД СПб. — Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга
16. ЦГАУР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
17. ЦДННАО — Центр документации новейшей истории Омской области
18. ЦДННУР — Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики
19. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
20. ЦМАМ — Центральный муниципальный архив г. Москвы
21. LYA — Lietuvos Ypatyngasis Archivas (Литовский Особый архив)

СОДЕРЖАНИЕ

«Вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения»: Попытка введения.....	3
Глава 1. «Окно в мир можно закрыть газетой»: Каналы получения информации о внешнем мире.....	28
Глава 2. «Придут из Китая англичане»: Будущая война в представлении советского общества.....	92
Глава 3. «Враги второй очереди»: Образ союзника	176
Глава 4. «Большая правда, чем фотография»: Визуальные образы войны в советской карикатуре.....	205
«Война — это наихудший способ получения знаний о чужой культуре»: Вместо заключения	233
ПРИЛОЖЕНИЕ. «Военная тревога» 1927 года в документах.....	239
Список использованных архивов	287

Александр Владимирович Голубев

**«ЕСЛИ МИР ОБРУШИТСЯ НА НАШУ
РЕСПУБЛИКУ»: СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
И ВНЕШНЯЯ УГРОЗА В 1922–1941 ГОДАХ**

Монография

Изд. 2-е, испр. и доп.

Верстальщик *Т. Руднева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru